

Российский следователь: призвание, профессия, повседневность

Кирилл Титаев, Мария Шклярук

**Российский следователь:
призвание, профессия,
повседневность**

НОРМА
Москва, 2016

УДК 343.102-051
ББК 67.73-71
Т45

Печатается по решению Ученого совета Европейского университета
в Санкт-Петербурге

Сведения об авторах

Кирилл Дмитриевич Титаев — ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, социолог.

Мария Сергеевна Шклярук — кандидат экономических наук, научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, юрист.

Рецензенты

А. С. Александров, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Бороздина, кандидат социологических наук.

Титаев Кирилл

Т45 Российский следователь: призвание, профессия, повседневность : монография / К. Титаев, М. Шклярук. — М. : Норма, 2016. — 192 с. : ил.

ISBN 978-5-91768-759-9 (Норма)

ISBN 978-5-16-105118-4 (ИНФРА-М, online)

В книге на основе анализа социологического опроса следователей и массива экспертных интервью реконструирована повседневная практика работы следственных органов МВД.

Как выстроен график работы и распределена нагрузка, какова система управления и в чем особенности повседневной деятельности следователей? Каковы технологии и объемы работы, как строится взаимодействие со смежными службами, какие навыки необходимы для работы следователя? Ответы на эти вопросы дают возможность понять, каким образом работает система следственных органов. Текст обобщает результаты социологического исследования и опирается не столько на анализ нормативных документов, сколько на информацию о реальной работе следственных органов, полученную в ходе эмпирического исследования.

Для широкого круга читателей — социологов, юристов, журналистов.

УДК 343.102-051

ББК 67.73-71

Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда
(грант № 14-18-02219)

ISBN 978-5-91768-759-9 (Норма)

ISBN 978-5-16-105118-4 (ИНФРА-М, online)

© Титаев К., Шклярук М., 2016

Предисловие

Следователь — это официальное лицо, уполномоченное расследовать преступление: по специальным, юридическим правилам собирать доказательства того, что преступление было совершено, а затем доказывать вину конкретного подозреваемого по уголовному делу. Именно следователь готовит набор документов (уголовное дело), которые убедят сначала прокурора, а потом суд в том, что данный человек совершил данное преступление. В том случае, если подозреваемого не удалось обнаружить, следователь должен на протяжении двух месяцев со времени возбуждения уголовного дела собрать доказательства факта преступления и, если возможно, вины конкретного человека. Это нужно для того, чтобы предъявить обвинение, если преступление будет раскрыто позже. В теории он же должен собирать доказательства невиновности, но на практике все происходит несколько иначе.

Мы все так или иначе сталкивались с фигурой следователя в литературе и кино, поэтому нам кажется, что мы что-то о нем знаем. Однако следователю незаслуженно не повезло (или, наоборот, повезло): его художественный образ бесконечно далек от реальности. Эта книга на основании социологических исследований рассказывает о том, как же на самом деле происходит работа следователя: чем он занимается, в какой среде работает и чем живет. Опираясь на анализ результатов опроса, экспертных интервью и вторичных данных, мы постарались обобщить опыт наблюдения над работой следователей в разных областях России, чтобы дать возможность читателю представить картину в целом. Мы бы хотели, чтобы после прочтения нашей книги читатель понял, что такое быть следователем в России сегодня. Для профессионалов же, которые и так знают, как работает следователь, эта книга — возможность выйти за пределы своего личного опыта и нормативных трактовок, рассказ о том, как выглядит эта работа в целом по России, попытка нивелировать региональные и местные нюансы.

Сегодня идет постоянная дискуссия, кому, когда и как нужно реформировать нашу правоохранительную систему. Мы считаем, что характер работы следователей необходимо учитывать, чтобы реформы были действительно эффективными.

Эта книга никогда не была бы написана без сотрудничества с нашими героями и собеседниками, которые, несмотря на свою заня-

тость, нашли время не только заполнить анкеты, но и поговорить с нами. Наше исследование получилось бы намного беднее, если бы не десятки людей, которые помогли нам договариваться с руководством следственных органов, содействовали в получении доступа к материалам уголовных дел, консультировали и поддерживали нас. И конечно, без финансовой поддержки (на разных этапах) Сбербанка России, Фонда Алексея Кудрина по поддержке гражданских инициатив и Российского научного фонда (грант № 14-18-02219) проделать всю эту работу было бы невозможно. Наконец, мы бесконечно признательны нашим коллегам, с которыми мы обсуждали все этапы работы, — коллективу Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге: Арине Дмитриевой, Екатерине Моисеевой, Элле Панеях, Михаилу Позднякову, Дмитрию Скугаревскому, Екатерине Ходжаевой, Ирине Четвериковой и научному руководителю Института Вадиму Волкову. Их советы и замечания помогли сделать текст лучше, что не освобождает авторов и только авторов от ответственности за все его недостатки.

Введение

Аудитория книги. — Невидимые элементы социального мира. — Социологическое «расколдовывание» закрытых частей общества. — Основные подходы к описанию. — Социология профессий. — Роль юриспруденции. — Эмпирические данные и методы анализа. — Сложности в описании. — Как устроена книга

Для кого эта книга?

Одна из ключевых задач социологии¹ — «расколдовать» закрытые социальные пространства: показать, как они на самом деле устроены, выявить их внутреннюю логику, сделать прозрачными и понятными. Классическая социологическая теория первой половины XX в. предполагала, что нужно последовательно описать все части общества так, чтобы стало понятно, как они устроены. В тот момент, когда социологи представляли картину в целом, они могли дать рекомендации, как решить те или иные проблемы и каким образом можно реформировать общество так, чтобы избежать новых. Социологические исследования нередко превращались в практические пособия по работе с тем или иным сообществом². Изначально исследования, описывающие жизнь предпринимателей или чернорабочих, домохозяйек или обитателей гетто, предназначались в первую очередь для профессионалов. Но вскоре стало понятно, что книги, написанные социологами, и результаты их исследований интересуют не только ученых.

Во-первых, обычные люди стали интересоваться, а что же происходит в сфере «X» (например, как живут охотники на оленей или как на практике работает налоговая инспекция). Социологические и антропологические исследования давали человеку своего рода «карту местности»: здесь обитают такие-то и такие-то сообщества, здесь проходит

¹ Социология начиналась с работ, описывающих незнакомый читателю мир «польского крестьянина» или жизнь «обычного городка» в Америке. См.: *Thomas W. I., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America: Monograph of an Immigrant Group. University of Chicago Press, 1918; *Уорнер У.* Живые и мертвые. СПб., 2000. Сегодня эта традиция развивается в числе прочего в рамках подхода, названного «публичной социологией». См.: *Burawoy M.* For Public Sociology // *American Sociological Review*. 2005. 70. 1. 4—28. См. также дискуссию в журнале *Laboratorium* (№ 1 за 2009 г.).

² См.: *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Prentice-Hall, Inc., 1967.

граница между ними, здесь зона, в которой они встречаются, и т. д. В результате книги, написанные социологами, стали популярны: множеству людей интересно, как устроен, например, мир бандитов¹ или что объединяет школы, тюрьмы и больницы².

Во-вторых, уже в начале 1960-х гг. многие инсайдеры заинтересовались такого рода литературой³. Особенный интерес проявили те, кто управлял структурами и институтами, которые становились объектом социологического исследования. Директора машиностроительных заводов, ректоры университетов, руководители больниц увидели, что социологические исследования позволяют им лучше понять, как реально работает та или иная сфера, а значит, каким образом можно ее менять. Почему профессора не мешают студентам списывать или рабочие так упорно противятся тем или иным нововведениям? Профессиональная деятельность, язык, на котором привыкли говорить друг с другом инсайдеры, имеют огромное количество «слепых зон» — сфер, которые непосвященным просто не видны.

Социологические и антропологические исследования позволяли выявить, как именно на практике осуществляется та или иная деятельность. Однако не все профессиональные корпорации заинтересованы в раскрытии своих секретов: не каждый врач готов рассказать постороннему человеку о том, как на самом деле принимается решение в сложных случаях, и не каждый следователь — о том, как принимается решение о виновности. Но это чаще происходит не потому, что представители этих профессий нарушают закон или преступают этические и профессиональные нормы и понимают, что им есть что скрывать, а потому, что они полагают, что «кухня» их работы слишком сложна, чтобы быть понятной постороннему. А то, что они могут рассказать, лишь создаст крайне негативное впечатление если не о сообществе в целом, то о рассказчике.

Однако пока человек не понимает, что происходит, к примеру, как работает здравоохранительная или правоохранительная система, он находится во власти ее представителей, превращаясь из партнера по коммуникации в объект воздействия. Так, пока мы не понимаем, что происходит в суде, мы вынуждены слепо следовать советам, которые нам дают сотрудники суда. Мы не можем определить, когда нас созна-

¹ См.: Волков В. Силовое предпринимательство. М., 2005.

² См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.

³ Надо сказать, что нередко подобные работы создавались и внимательными инсайдерами. Можно порекомендовать написанную в жанре публицистического исследования книгу А. Корсакова, показывающую работу общего надзора отечественной прокуратуры: Корсаков А. Прокуратура: взгляд изнутри. Публицистическое исследование. Комсомольск-на-Амуре, 2012.

тельно обманывают или когда показывают только один из возможных вариантов действия. Исследования закрытых структур необходимы потому, что разрушают этот порядок: делают эти структуры и правила, по которым они работают, прозрачными, т. е. дают возможность каждому принимать решения, от которых в конечном счете может зависеть его судьба.

Наша книга — это попытка «расколдовать» небольшой фрагмент реальности, который называется «предварительное следствие». Этот фрагмент — путь уголовного дела от признания факта преступления до суда или (если преступник не найден) до архива, то, что на профессиональном языке называется «следственная работа».

Наша книга адресована трем группам читателей.

Во-первых, социологам, которые работают в сфере изучения профессий и социологии права. Эта книга — подробное описание одной из профессиональных групп, кропотливое, опирающееся на большой массив материалов воссоздание ее повседневности. Отдельно обратим внимание на то, что большинство следователей имеют юридическое образование, поэтому изучение этого сообщества позволяет понять, как устроена юридическая профессия в России.

Во-вторых, наша книга написана для юристов. В обсуждении проблем предварительного расследования и работы следователей юристы-ученые апеллируют к эмпирическим фактам, но используют лишь те немногие, что признаются в юридической среде: изучение материалов конкретных уголовных дел, небольшие опросы (меньше 400 участников) правоприменителей с простыми распределениями, личный опыт. Такое ограниченное использование эмпирических аргументов объясняется тем, что в России практически нет традиции эмпирического изучения права, которая сильно повлияла на исследования правоприменения и практику реформ в XX в. в американской и европейской юриспруденции. Да, некоторые ученые-юристы обращают внимание на то, что на работе следователей сказываются, в частности, ведомственные управленческие решения, например возведенное в абсолют требование направлять уголовные дела в суд (как положительный показатель, характеризующий работу следователя¹). Однако для того, чтобы решить эту проблему, эти ученые предлагают создать независимый следственный орган, не анализируя то, какую роль статистика начала играть в таком «независимом» от других правоохранительных

¹ То есть следователь может по закону, но не может на практике прекратить дело на стадии расследования, что заставляет его делать большое количество лишней работы и искажает нормальную логику предварительного следствия. Мнение профессора Л. А. Воскобитовой см.: Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. М., 2016. С. 72.

структур органе, как Следственный комитет РФ¹. Другими словами, игнорируя эмпирически наблюдаемый факт, что движение по этому пути приводит к усугублению проблемы, а не к ее решению. Такое развигивание, как говорит нам опыт социологических и экономических исследований, было предсказуемо². Подробно описывая, почему не возник эффективный судебный контроль над следствием или институт адвокатского расследования, эксперты обоснованно перечисляют проблемы, связанные с организационной структурой следствия и судостроительством, кадровые и политико-идеологические причины³, но ограничиваются лишь перечнем, не объясняя, что же это за причины⁴. Ученые говорят о следователях как группе с особой субкультурой⁵, но что это за субкультура? Каковы профессиональные ценности следователей, что для них обычная работа, как выстраиваются на практике отношения с прокурорами, адвокатами, судьями? Наше исследование начинается там, где останавливаются исследования юристов: с описа-

¹ Например, Б. Я. Гаврилов и Ю. А. Цветков последовательно используют аргумент, что снижение числа лиц, оправданных судом или реабилитированных на следствии, говорит о возрастающем качестве следствия. См.: *Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова*. С. 123—124, 201—202. При этом эмпирические исследования практики следственной работы показывают, что требование недопущения оправдательных приговоров или признания человека, привлеченного к уголовной ответственности, невиновным на предварительном следствии создает стимулы к поиску суррогатных решений: прекращению дел в связи с примирением сторон, фальсификации доказательств виновности, т. е. ровно к обратному — снижению качества следствия. См.: *Панях Э. Л., Поздняков М. Л., Титаев К. Д.* и др. *Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования*. Ч. 1: Диагностика работы правоохранительных органов РФ и выполнения ими полицейской функции / под ред. В. В. Волкова, Э. Л. Панях. СПб., 2012. Поддерживают такую стратегию и суды, не вынося оправдательные приговоры и используя любые возможности для прекращения уголовных дел или назначения более мягкого наказания. См.: *Разогреева А. М.* «Поворот к лучшему»: практики переквалификации при рассмотрении уголовных дел судами Российской Федерации // *Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб. ст. / под ред. В. В. Волкова*. М., 2015. С. 199—230; *Новикова А.* *Практики суррогатных оправдательных приговоров*. URL: <http://polit.ru/article/2013/02/14/court>.

² См.: *Шклярчук М. С.* *Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы*. СПб., 2014. Ю. А. Цветков в книге «Аппарат власти следственной» (под общ. ред. Н. А. Колоколова) приводит данные, что в 2014 г. в Следственном комитете следователей было чуть меньше 41% от числа работающих.

³ Мнение одного из экспертов — профессора Н. Н. Ковтуна см.: *Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова*. С. 143, 148—151, 164.

⁴ Относительно судебной власти см. описание, которое не ограничивается перечнем, но детально разбирает причины: *Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К.* *Российские судьи: социологическое исследование профессии / под ред. В. Волкова*. М., 2015.

⁵ См.: *Колоколов Н. А.* *Введение // Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова*. С. 5.

ния и анализа повседневной работы следователей, в ходе которой складываются механизмы трактовки правовых норм.

В-третьих, эта книга адресована обычным людям: тем, кому интересно, как устроен окружающий мир. Тем, кому, возможно, придется столкнуться с правоохранительной системой и кто хочет знать, что следует учитывать при общении со следователем и как нужно вести себя в его мире.

Что это за книга?

Социальный мир, частью которого мы все являемся, состоит из небольшого «общего» пространства и множества участков, об устройстве которых мы ничего не знаем. Большинство из нас понимает, как работает общественный транспорт. Те, у кого есть дети, более или менее представляют себе, как работает средняя школа — «завучи», «стандарты», «ЕГЭ» и проч. наполняются конкретным содержанием и становятся частью нашего мира, вполне определенным образом влияя на нашу жизнь.

Однако очень большая часть социального мира — это пространства, о которых мы лишь изредка слышим. Если последние полтора десятилетия человеку и его близким хватало здоровья или денег, чтобы не вступать во взаимодействие с государственной медициной, ему потребуется немало времени, чтобы разобраться в том, как работает обычная районная поликлиника: как записаться к врачу, где и какие бумаги получать, куда жаловаться, если что-то не устраивает, и т. п.

Что же говорить о таких сферах, как полиция, система органов опеки, система организации вахтовой работы в нефтедобывающей сфере или технология получения разрешений на строительство? Мы что-то слышали про то, как они устроены, возможно, видели сериалы и фильмы, им посвященные, или даже читали газетные статьи, где трагивались темы, с ними связанные. Но по большому счету мы не знаем ничего об их устройстве и способе работы. Между тем многие из этих сфер прямо или косвенно влияют на нашу жизнь.

Однако правоохранительная система — «черный ящик» не только для граждан. Президент постоянно говорит о том, что «пора снизить правоохранительное давление на бизнес», эксперты называют страшные цифры потерь, обусловленных тем, что бизнес в России непрерывно «кошмарят». Много лет ученые и правозащитники твердят о проблеме «обвинительного уклона» в следственной и судебной системе. Эти проблемы пытаются решать. Однако, несмотря на предпринимаемые меры и изменения законодательства, никаких ощутимых успехов в их решении не наблюдается.

Чтобы решить проблему, нужно понимать, что ее порождает: закономерности, по которым функционирует система. Воздействие на систему без понимания принципов ее работы не приводит к ожидаемым результатам. Защитные механизмы «черного ящика» поглощают любые меры, адаптируя их под потребности системы. С каждой из этих систем — полицией, судами, следствием — мы можем столкнуться в любой момент, причем, как правило, не по своему желанию, а в силу сложившихся обстоятельств. Никто не застрахован от того, чтобы оказаться жертвой преступления или его свидетелем. Любому может потребоваться справка или постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от участкового (например, о том, что появившиеся ночью на машине повреждения — это результат не преступления, а падения дерева; без такой справки страховая компания не компенсирует стоимость ремонта).

Существует множество способов написать книгу, открывающую скрытую от внешнего наблюдателя реальность. Каждый из этих способов связан с определенной теоретической парадигмой. Первая из них — организационная социология (или социология организаций¹) — предлагает сфокусироваться на том, в какие формальные и неформальные структуры вписан участник (в нашем случае следователь): кому он подчиняется, как оцениваются результаты его работы и т. д. Вторая — институциональная социология² — рекомендует обратить внимание на то, каким правилам человек подчиняется, какие санкции следуют за их нарушение, кто и когда эти санкции применяет, формальны они или нет. Для институционалиста жизнь следователя — это движение в знакомом и привычном лабиринте, где всегда есть стенки-правила, а задача любого игрока — пройти максимально быстро и, по возможности, через стенки не перелезая. Можно назвать еще несколько парадигм, но эти две самые популярные.

Однако в 1980-х гг. набирает силу теоретическая парадигма, которая инкорпорирует многие инструменты социологии организаций, институциональной социологии и еще ряда смежных теоретических моделей, — социология профессий³. В рамках этого направления появляется возможность описать профессию как цельный феномен. Именно в этой логике написана наша книга.

¹ См. обзор: *Adler P. S.* The Oxford Handbook of Sociology and Organization Studies: Classical Foundations. Oxford, 2009.

² См. обзор: *Fligstein N.* The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies. Princeton University Press, 2002.

³ См.: *Abbot A.* The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor. University of Chicago Press, 1988; *Freidson E.* Professional Powers: A Study of the Institutionalization of Formal Knowledge. University of Chicago Press, 1986; *McDonald K. M.* The Sociology of the Professions. SAGE Publications, 1995.

Мы полагаем, что чисто юридические описания «статуса следователя» или его полномочий¹ очень важны, но недостаточны. Если мы хотим понять, как на самом деле работают формальные правила, то должны изучать их вместе с тем контекстом, в котором они существуют. Кроме того, исследователь не должен забывать еще об одном важном вопросе: как именно эти формальные правила применяются?

Приведем пример. Почему следователь обычно стремится успеть расследовать дело за два месяца? Формальный ответ, который даст юрист: потому что такой срок установлен ч. 1 ст. 162 УПК РФ. Ответ верный, но неполный. Юрист-инсайдер, практик, следователь или тесно общающийся со следователями специалист, добавит, что сроки, конечно, можно продлить до трех и даже до двенадцати месяцев, но процедура эта довольно длительная и весьма затратная, поэтому следователь будет стремиться ее избежать. Ответ, который даст социолог или экономист, дополнит ответ практика. Они опишут, почему процедура продления сопряжена с такими временными издержками, как именно сложная процедура становится результатом работы ведомственных регуляций и сложившейся бюрократической культуры, какую роль играет в этом отчетность, на основании которой оценивается работа следователя. В итоге их ответ будет следующим: потому что количество дел, расследованных в сроки свыше двух месяцев, является важным отрицательным показателем, и следователь может быть за это наказан². Эмпирическое исследование учитывает все ответы и связи между ними и позволяет создать цельное описание определенного фрагмента социальной реальности.

Социолог в этом плане всегда задает вопрос: а могло ли все это быть устроено иначе? Если бы эта норма (устанавливающая сроки расследования) осталась, но продление получалось бы автоматически или почти автоматически, а в отчетности эта графа отсутствовала, работали бы следователи так же? Как показывает практика ряда стран³, где аналогичная норма есть, но нет механизмов, поддерживающих ее выполнение (механизмов энфорсмент), — нет. В таких условиях следователи начинают постоянно игнорировать требования к срокам расследования.

¹ Собственно описанием юридического статуса следователя являются нормативные положения Уголовно-процессуального кодекса РФ, более подробный разбор которых дается в комментариях к УПК РФ. Здесь и далее мы будем пользоваться этой аббревиатурой.

² См.: *Шклярук М. С.* Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы; *Шклярук М. С., Скугаревский Д. А.* Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования. Исследовательский отчет. СПб., 2015.

³ См.: *Hafetz J. L.* Pretrial Detention, Human Rights, and Judicial Reform in Latin America // *Fordham Int'l LJ.* 2002. 26. P. 1754.

Социологическое описание никоим образом не предполагает игнорирование формальных правил, которые регулируют работу. Оно просто дополняет аргументацию из разряда «потому что так положено» аргументами о том, почему и как данная норма работает. Мы полагаем, самой нормы закона недостаточно, чтобы реально менять жизнь, влиять на слова и поступки людей. Для того чтобы закон что-то изменил, необходима практика правоприменения, должен возникнуть механизм принуждения к соблюдению требований закона¹. В противном случае любой, даже самый лучший, закон станет игнорируемой или мертвой нормой, т. е. тем, что на реальную жизнь реальных людей никак не влияет².

Но вернемся к социологии профессий. Словом «профессия»³ социологи называют виды деятельности, которые связаны с применением на практике некоторого фундаментального знания. Представители профессии имеют формальную монополию на применение этого знания, которой сопутствуют жестко очерченные границы и механизмы саморегуляции⁴. Например, врачи или юристы в Америке. И те, и другие работают с определенным корпусом знаний (медицинских или юридических), и в том, и в другом случае нельзя работать в этой сфере, не имея образования, — практика без диплома является уголовным преступлением. Важным элементом профессии является корпорация — саморегулируемое объединение всех членов профессии, создающее формальные инстанции для проверки качества работы. И в том, и в другом случае самой корпорации делегировано право оценивать своих членов.

Если говорить о России, то ситуация с врачами у нас в общем сходна с американской. С юристами дело обстоит сложнее. Юридическая профессия в России, как и в ряде других стран Европы, оказывается разбитой на сегменты. Ее составляют адвокаты, следователи, прокуроры, судьи, корпоративные юристы и многие другие. Их объединяет название «юрист» и диплом о юридическом образовании, но определить их как сообщество довольно сложно. Общие профессиональные ассоциации если и есть, то относительно слабые, взаимный контроль между сегментами отсутствует.

¹ См.: *Black D. J.* The Mobilization of Law // *The Journal of Legal Studies*. 1973. P. 125—149.

² См.: *Эрлих О.* Основоположение социологии права / пер. с нем. *М. В. Антонова*; под ред. *В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова*. СПб., 2011.

³ Понятие вводит Талкотт Парсонс — один из основоположников американской социологии: *Parsons T. A.* Sociologist Looks at the Legal Profession // *Essays in Sociological Theory*. N. Y., 1950. P. 370—385.

⁴ См.: *Abbot A.* Op. cit.; *Freidson E.* Op. cit.; *McDonald K. M.* Op. cit.

Большинство следователей имеют юридическое образование и ежедневно занимаются применением права. Но каково их место в юридической профессии? Можно ли считать работу следователя зарождающейся профессией? Если так, то через некоторое время мы увидим отдельную следовательскую корпорацию. Образование, необходимое для занятия этой должности, станет отличаться от общеправового, а следствие приобретет все остальные черты профессии. Или следователей стоит изучать в качестве субпрофессии, как, например, отоларинголога среди прочих врачей? Тогда следователи — это или одна из частей юридического сообщества, замкнутая в себе и не влияющая на развитие профессии в целом, или, напротив, одно из ядер-оснований собирающейся, формирующейся в России единой юридической профессии. Если верно последнее и следователи станут ядром профессии, то именно они будут определять ценности и задавать правила для всех юристов. В сфере уголовного преследования следователям уже удалось распространить свои правила на большинство участников, при том что сами они этого не осознают.

А может быть, наоборот, следователи — «лишняя» часть юридического сообщества, и необходимо упразднение или радикальное реформирование следствия с разделением функций современного следователя между судом, прокуратурой и оперативными работниками полиции? Однако было бы ошибкой думать, что простое упразднение следствия решит все проблемы российской правоохранительной системы и в первую очередь проблему «обвинительного уклона». Причина этого в том, что работа следователей в том виде, в котором она существует сейчас, может измениться только вместе с трансформацией правил игры и соотношения сил в треугольнике «полиция — прокурор — суд». Задача реконструировать те правила игры, которые существуют сейчас и которые, возможно, следует менять, во многом определила структуру нашего исследования.

Итак, чтобы ответить на вопрос о месте и роли следователей в системе уголовного преследования в России в будущем, надо понять, что именно они делают на практике: посмотреть на то, как они работают, кем представлена эта группа специалистов, как устроена их повседневность.

Забегая вперед, попробуем обрисовать основные контуры следственной работы. Следователь в России — уникальная фигура. Во всем мире на досудебной стадии работают полиция и прокуратура (при этом соотношение их ролей может быть разным), в ряде же постсоциалистических стран к этому списку добавляются следователи — третье звено между полицейским/оперативником/детективом и прокуратурой. При этом роль прокуроров сужена — они не могут сами

принять решение по делу, они могут только вернуть его назад по цепочке — следователю. Сама же система уголовного преследования в России работает по принципу «сколько влилось, столько же должно вылиться»: реабилитация (т. е. признание невиновным в той или иной форме) с момента предъявления обвинения до осуждения (и на следствии, и в суде) составляет менее 1%.

Одной из важнейших причин этого является доминирование следствия в советский период и фактическое слияние суда с правоохранительными органами (догматически суд в СССР не являлся отдельной ветвью власти и относился к правоохранительным органам). Следователей всегда было больше, чем судей. Поскольку существует склонность сходных организаций перенимать практики друг друга (социологи называют это институциональным изоморфизмом), следствие стало «царицей» правоохранительных органов. Именно на манеру работы следователей стали ориентироваться суды и прокуратура. Вместо того чтобы стать стеной из юристов-профессионалов, которая не пропускает в суд (и прокуратуру) некачественные дела из полиции, следствие само сделалось судом (институтом, в котором практически окончательно решается вопрос виновности) и превратило суд в свое подобие.

О том, как это произошло и как работает эта система сегодня, и рассказывает, опираясь на анализ следственной работы в России, наша книга.

Какие данные лежат в основе книги?

Жанр этой книги — кейс-стади: социологическое описание одного конкретного объекта или случая¹. Основной вопрос исследования: как устроено то социальное пространство, которое мы условно можем назвать «следствие», и какое место в обществе оно занимает? Как в ходе взаимодействия между людьми, которые занимают определенные позиции в некоторых структурах, рождается практика «работы следователя»?

Одна из авторов много лет проработала рядовым следователем, руководителем небольшого отдела, сотрудником регионального следственного управления, правда, не в МВД, а в прокуратуре и Следственном комитете РФ. После перехода на работу в исследовательский институт этот опыт потребовал переосмысления. Результат этой рефлексии — понимание, что исследование начинается с осознания роли

¹ О том, какие бывают следователи вообще и почему так важны следователи МВД, см. главу 1.

организационных и социальных механизмов в принятии решений о применении закона¹.

В Институте проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, на базе которого проводилось исследование, было собрано некоторое количество интервью² со следователями (проект «Траектория уголовного дела»³). Целью этого проекта было понять, пусть и в общих чертах, роль следователей в уголовном процессе. Фонд Алексея Кудрина по поддержке гражданских инициатив⁴ согласился профинансировать эмпирическую часть небольшого проекта, посвященного этой группе юристов. В рамках проекта были взяты интервью, в трех регионах был проведен опрос следователей.

Эти материалы легли в основу книги. Затем в рамках проекта «Исследование юридической профессии в России», поддержанного Российским научным фондом (грант № 14-18-02219), был проведен подробный анализ собранного материала и взяты дополнительные интервью.

Также по ходу работы мы анализировали внутреннюю документацию, нормативные акты, материалы дискуссий, которые следователи ведут на профессиональных форумах, и другие источники. Кроме того, важным источником информации стали собранные в рамках других проектов Института проблем правоприменения сведения о том, как работают смежные подразделения: как работа следователя видится прокурору, оперативнику или начальнику ОВД.

Социологическое интервью — это один из самых старых и распространенных способов сбора социологической информации. По сути это беседа, которая может касаться относительно узкого круга вопросов (фокусированное интервью) или, напротив, затрагивать всю историю жизни/работы информанта (профессиональная биография). В ходе такого разговора исследователь, как правило, знает гораздо меньше о предмете беседы, чем информант. Информант рассказывает о том, как устроена та или иная часть жизни. Понятно, что информант может представлять дела чуть лучше, чем они есть, или просто обходить молчанием сложные моменты. В интервью с юристами возникает еще одна специфическая сложность. Информант может вместо рассказа, т. е. ответа на вопрос «А как Вы проводите обыск?», за-

¹ Подробнее см.: Шклярук М. С. От информанта к исследователю: авторефлексия, смена фокуса, проблемы интерпретаций // Антрополог глазами информанта/информант глазами антрополога / под ред. А. С. Архитовой, Н. Н. Рычковой. М., 2015. С. 25—37.

² О том, что такое социологическое интервью, см. ниже.

³ Результаты см.: Панях Э., Титаев К., Шклярук М. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. (Рукопись готовится к изданию).

⁴ НКО «Фонд Кудрина по поддержке гражданских инициатив». URL: <https://komitetgi.ru/about/fund>.

читать вслух ст. 182 УПК РФ, регламентирующую порядок производства обыска. Все это усложняет анализ интервью.

Однако, социологический анализ редко опирается на несколько интервью. Так, нами были взяты интервью у более 80 следователей¹. Также были проанализированы более чем 50 интервью с представителями «смежных» правоохранительных структур, в которых они упоминали взаимодействие со следователями или рассказывали о своем видении следственной работы. Рассказы, которые сильно выбивались из общей картины, расценивались как маркер нетипичности ситуации и при анализе не учитывались. При анализе интервью выделялись распространенные суждения, основные модели, типичные объяснения того, как работает та или иная структура, как происходит то или иное действие. По всем ключевым параметрам такая выборка представляет самые разные типы следователей²:

молодых и опытных;

от самого низкого уровня профессиональной иерархии (рядовой следователь в районном отделе) до старших следователей на уровне ГУ МВД;

работающих в удаленных районах, крупных городах, региональных столицах;

специализирующихся на очень узкой категории дел и, наоборот, имеющих дело с валовым, типовым потоком.

При этом основной упор был сделан на то, чтобы максимально разнообразно представить самый низкий уровень — следователей в обычных территориальных районных отделах МВД³. Почти три четверти населения страны живет в населенных пунктах с населением 500 тыс. и менее, т. е. именно там разворачивается основная работа следствия. Работа в больших городах сложнее и имеет свою специфику, но не эта специфика задает основной тон в повседневной работе следствия. В каждом регионе есть свои «обычные» преступления: где-то это кражи автомобилей, а где-то скота, где-то больше всего изымают наркотики каннабиноидной группы, а где-то героина или амфе-

¹ Обычная протяженность интервью около часа. Если в анкетных опросах используются большие массивы, то в качественных исследованиях выборки больше 30 наблюдений (в нашем случае 130) позволяют подробно разъяснить и понять все относительно массовые варианты поведения, модели организации и т. д.

² При этом выборка исследования, сформировавшаяся по итогам, оказывается выборкой максимальной вариации. В качественных методах, в частности в интервью, также существуют технологии формирования выборок. Выборка максимальной вариации является одним из наиболее распространенных типов выборок в качественных социальных исследованиях.

³ Это низовой организационный уровень — те, кто непосредственно работает «на земле».

тамина¹, где-то много преступлений, совершенных «проезжими» и в отношении них, а где-то местными. При этом основная доля дел, как доходящих, так и не доходящих до суда, расследуется на самых нижних звеньях правоохранительной системы.

Можно предположить, что информанты хотят что-то утаить. Для этого они сговорились и рассказывают исследователю то, что мало соотносится с реальностью². Однако это невозможно по той простой причине, что никто не способен быстро сконструировать масштабную и непротиворечивую картину работы огромной системы (в нашем случае правоохранительной). Соответственно, какие-то факты всегда будут выбиваться из общей картины, рисуемой информантом, нарушать ее стройность и противоречить другим рассказам. И так, следователь не может сконструировать такую ложную картину быстро и на ходу. Но ведь бывает так, что внутри сообщества есть давно отработанный, устойчивый и непротиворечивый способ рассказывать о своей работе «для внешнего потребителя». Это не страшно. Перефразируя известную «теорему Томаса»³, методологи полагают, что «ситуация, проецируемая как нормальная, реальна по своим последствиям». Другими словами, в следственных органах, безусловно, есть коррупция, хотя, как мы полагаем, совершенно не в тех масштабах, о которых часто пишут СМИ. Но в интервью об этом практически не говорят. Это в числе прочего означает, что как только факт коррупции становится мало-мальски публичным, даже внутри сообщества, то сотрудник, замешанный в этом, стигматизируется: среда такого сотрудника будет, хотя бы публично, отвергать. Нормативная картина не влияет на индивидуальное поведение, но перестраивает поведение социальное. Поэтому изучение ее — столь же интересная задача. Отметим, что большая часть вопросов, как в анкетах, так и в интервью, была о повседневной рутине и не касалась откровенно незаконных практик. Например, следователь может проводить всю необходимую

¹ См.: Карта наркопреступлений. Интерактивный проект Института проблем правоприменения. URL: <http://atlasjustice.com/drugmap/district.html>.

² Например, следователи в сомнительных случаях, когда нет уверенности в виновности человека или доказанности, могут сказать: если что, суд же оправдает, он же разберется. При этом следователи практически никогда лично не сталкивались с оправданиями и могли бы предполагать, что вместо оправдания будут использованы любые другие способы, например, снизить наказание или освободить от него. Но признания этого факта не происходит даже внутри профессиональной среды. Следователи верят, что их решение не является окончательным. Это соответствует формальным правилам и позволяет достигнуть компромисса с требованиями о реабилитации лиц на следствии.

³ Максима, приписываемая американскому социологу первой четверти XX в. Уильяму Томасу: «ситуация, воспринимаемая как реальная, реальна по своим последствиям».

работу сам, а может поручать большую ее часть оперативным работникам. И тот, и другой вариант вполне законен. Но в зависимости от того, какой из них доминирует, мы имеем принципиально разные модели работы следственных органов.

Анализ интервью включал их тематическое разбиение (кодирование) и последующую систематизацию, обобщение, выявление типичных практик, реконструирование детального описания повседневной работы. Так как в интервью очень часто используется профессиональный жаргон и отсылки к большому количеству неважных для повествования фактов и реалий, мы цитировали только те фрагменты, из которых можно понять общую логику высказывания и структуру аргумента информанта. В силу сензитивности темы и закрытости поля интервью были подвергнуты анонимизации, чтобы не было возможности установить ранговую или территориальную принадлежность следователя.

На основе интервью был проведен *опрос*. Целью опроса была проверка гипотез, статистическое обобщение результатов и оценка возможности их экстраполяции на все сообщество. Анкета распространялась через руководство следственных органов по субъекту Федерации. Всего была собрана 681 анкета, предельная ошибка выборки для вероятности 95% не превышает 3,7%. Опрос проводился в трех субъектах Российской Федерации, условно именуемых далее «Сибирь» (258 анкет), «Северо-Запад» (130 анкет) и «Поволжье» (293 анкеты). В каждом регионе было опрошено не менее 30% работающих следователей. Технология не предполагала существенных смещений — все следователи, работающие в конкретном регионе, имели равную вероятность быть опрошенными. По опыту аналогичных исследований опрошенными в такой модели оказываются те, кто в данный момент более доступен для низового руководителя. Существенных факторов, которые влияли бы на такую доступность в течение нескольких случайно выбранных дней, нам выявить не удалось.

Каждая подвыборка репрезентативно отражает ситуацию в регионе. Что дает нам право объединять их и говорить на основании анализа этих данных о России в целом? Почему мы полагаем, что эти три региона репрезентируют всех российских следователей? Выборка строилась по следующей логике. Следователей можно рассматривать как однородную группу, работающую в едином правовом поле, управляемую в МВД по одной модели и выполняющую одинаковую работу. В этом случае региональные различия не должны быть значимы. Понятно, что есть маргинальные случаи — работа следователя в Анадыре, Грозном и Москве будет сильно различаться в каждом из этих городов и отличаться от среднероссийской ситуации в целом. Поэтому нами были выбра-

ны крупные территории, которые, с одной стороны, типичны для своих групп регионов¹, с другой — представляют разные типы социально-экономического развития и разные географические зоны. Удаленные, малонаселенные территории, Северный Кавказ и города федерального значения намеренно исключены. Если в этой ситуации региональные различия не будут значимыми или будут небольшими, мы можем считать нашу гипотезу в целом подтвердившейся и говорить о едином следственном «мире» в России. Соответственно, такую выборку можно анализировать как единую, репрезентирующую Россию в целом. В исследованиях относительно закрытых и труднодоступных социальных групп использование таких ограниченных выборок — один из самых распространенных² методов исследования.

Соответственно, мы не интерпретируем региональные различия. Они используются как тестовые переменные для того, чтобы показать наличие или отсутствие вариации по региональному признаку, т. е. продемонстрировать, насколько те или иные практики, техники или позиции варьируются или остаются стабильными на межрегиональном уровне.

Представленный в книге анализ опирается преимущественно на прямые распределения и изредка на парные связи между переменными. Все упомянутые в книге парные связи проверены на значимость (критерий Хи-квадрат для номинальных и порядковых переменных и t-тест для шкальных). Значимость связей не менее 95%. При этом в нормальной ситуации значимость таких связей тестируется с использованием более серьезного статистического инструментария — обычно линейных и (или) логарифмических линейных регрессий. Однако на выборках небольшого объема, таких, как использованная в этом исследовании, данное тестирование не является целесообразным.

Во всех таблицах представлены доли от количества следователей, содержательно ответивших на тот или иной вопрос. Во всех вопросах доля неответов колеблется от 0,2 до 23% в зависимости от сензитивности и сложности вопроса, постепенно нарастая к концу анкеты. Среднее количество неответов составляет 6% для одного вопроса.

¹ Использовалась классификация Натальи Зубаревич: *Зубаревич Н. В.* Социальный атлас регионов Российской Федерации. М., 2004. Суть этой классификации в разделении регионов по разным социально-экономическим типам. Выбранные при классификации признаки позволяют сформировать группы регионов, сильно различающиеся по экономическим, географическим и социальным характеристикам.

² См. похожие исследования: *Kassin S. M., Leo R. A., Meissner C. A.* et al. Police Interviewing and Interrogation: A Self-Report Survey of Police Practices and Beliefs // *Law and Human Behavior*. 2007. No. 31 (4); *Gatowski S. I., Dobbin S. A., Richardson J. T.* et al. Asking the Gatekeepers: A National Survey of Judges on Judging Expert Evidence in a Post-Daubert World // *Law and Human Behavior*. 2001. No. 25 (5).

Создать цельную картину работы следователя было бы невозможно без анализа *дополнительных материалов*. Мы отслеживали обсуждения профессиональных вопросов на форумах, где следователи обмениваются опытом и дискутируют на профессиональные темы. Предметом анализа была и нормативная база — от кодексов до локальных приказов¹, регламентирующих работу конкретных следственных управлений, и отдельные методические и технические рекомендации, распространяемые ведомствами. О нескольких источниках стоит сказать подробнее.

Мы ознакомились с обширным корпусом мемуарной литературы и художественных текстов, претендующих на то, что их авторы опираются на реальные факты (хотя надо отметить, что большинство такой литературы, особенно советского периода, освещает работу следователей прокуратуры). Такая литература не может рассматриваться как прямое свидетельство. Но она очень хорошо показывает нормативную рамку, существовавшую в тот или иной период. Например, когда бывший прокурорский работник в своей художественной книге, изданной в 1983 г., пишет о том, что прокурор района является одновременно депутатом местного Совета², мы понимаем, что эта ситуация если и не была повсеместно распространенной, то точно была допустимой. Когда другой высокопоставленный работник прокуратуры вспоминает в мемуарах, что следователи МВД обязательно соглашались с ним вопросы возбуждения уголовного дела, мы понимаем, что, во всяком случае, высказывать такое намерение в то время было вполне допустимым³.

Другой корпус литературы — это техническая и учебная литература: различные руководства следователя, образцы документов и т. п. Анализ этих книг позволяет увидеть, чему и как следователя учат. Более того, многие авторы учебников описывают типичные ошибки начинающих следователей.

Конечно же, мы анализируем и основной продукт работы следователя: материалы уголовных дел, следственных документов и обвинительных заключений. Анализ этих данных позволил понять, какое количество и какой именно работы проделывает следователь «внутри» уголовного дела.

Наконец, мы использовали данные, которые позволяют нам говорить о высокой репрезентативности исследования: данные ведомст-

¹ Разумеется, когда речь идет о нормативной базе такого уровня, мы не проводили сплошной анализ, а изучали отдельные приказы и распоряжения, оказавшиеся нам доступными.

² См.: Безуглов А. Записки прокурора. М., 1983.

³ См.: Киракозов В. Взгляд на правосудие изнутри. Прокурорские хроники. М., 2010.

венной статистики. На основании этой информации мы мало что можем сказать о криминогенной ситуации в стране или отдельном регионе¹, но она дает более подробное представление о работе следователя. Каждое значимое решение, которое принимает следователь, находит свое отражение в статистике. Именно по этим данным оценивается его работа, именно они служат основанием для поощрений и наказаний. Сопутствующим методом являлось наблюдение за работой следователя и всего отдела.

* * *

В этой книге мы описываем, как устроена следственная работа и как формируется соответствующая профессиональная группа. В первой главе мы останавливаемся на особенностях работы следователя, особое внимание уделяя тому, в каких структурах следователи работают и как себя воспринимают. Вторая глава посвящена двум принципиальным вопросам: что и в какой среде делает следователь (как устроен его рабочий день, какой продукт от него ожидается, как следователь становится следователем)? Третья глава сфокусирована на роли следователя в общей системе уголовного преследования — его внешних контактах, вкладе, который он вносит в итоговый «продукт». Четвертая глава анализирует искусство следователя, ключевой навык профессиональной группы. В ней мы рассматриваем, как социальная реальность, слова и действия людей превращаются в материалы уголовного дела. Наконец, в заключение мы обращаемся к вопросу о том, кем же оказывается следователь в российском обществе, юридическом сообществе и правоохранительной системе.

¹ См.: Шклярчук М. С. Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы. СПб., 2014.

Глава 1

КТО ТАКОЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ? ПАРАДОКС ПРОФЕССИИ

Рождение следствия. — Статистика работы следствия. — Роль следователя в уголовном процессе. — Какие бывают следователи. — Особенности следствия МВД. — Социально-демографические характеристики следователей МВД. — Две модели работы следователя. — Цели следственной работы на практике. — Цели собственной работы и уголовного преследования для разных групп следователей

В 2015 г. внимание к фигуре следователя привлекла дискуссия о возможности введения должности следственного судьи в российский уголовный процесс¹. На этом фоне активно дебатировались проблемы предварительного следствия в целом² и его истории. Обсуждение проблем следствия в России почти всегда начинается с судебной реформы 1864 г., хотя судебные следователи в Российской Империи появились в 1860 г. Как рождалось современное следствие?

Дореволюционная догматическая модель³ уголовного процесса предполагала, что следователь — это судебный чиновник, который состоит в штате суда и готовит относительно сложные (неочевидные) дела к рассмотрению. Однако на практике все обстояло несколько иначе. Следователей за пределами Петербурга/Петрограда, Москвы, Киева, Варшавы и еще нескольких крупных городов было мало, подчинялись они, как правило, исполнительной власти (губернатору), а не суду⁴. Большинство дел готовилось к судебному рассмотрению в ходе полицейского дознания под надзором прокурора, в тех случаях, когда включался следователь, менялось немногое.

Постреволюционный и сталинский период характеризуется поисками новой модели уголовного преследования — параллельно существует множество форм как судебной деятельности (самая извест-

¹ См.: *Смирнов А. В.* Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе / РАПСИ. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html.

² Стоит отметить книгу, в которой собраны мнения и позиции практически всех ведущих процессуалистов России о проблеме развития предварительного следствия: *Аппарат власти следственной* / под общ. ред. *Н. А. Колоколова*. М., 2016.

³ То есть описанная в правовой теории.

⁴ См.: *Власова Н. А., Шамаров В. Н.* Ретроспективный анализ развития следственного аппарата в России // *Вестник Екатеринбургского института*. 2014. 1 (25). С. 35—40.

ная — печально знаменитые особые совещания (ОСО)), так и досудебного преследования. Материалы для суда и квазисудебных органов собираются сотрудниками НКВД (милиционерами и др.), представителями местных властей, по серьезным преступлениям — сотрудниками прокуратуры (как следователями, так и прокурорскими работниками, не имеющими этого статуса). Подробный рассказ об этих поисках требует отдельной книги, и, к счастью, она уже написана¹.

Современное понимание того, кто такой следователь и в чем состоит его функция, появляется в ходе реформы уголовного права и процесса конца 1950-х — начала 1960-х гг. (что отразилось в принятии в 1960 г. новых кодексов — Уголовного и Уголовно-процессуального). Реформа готовилась довольно долго, в ее подготовке участвовали ведущие юристы того времени. Основной задачей реформы было создание такой правовой системы, в рамках которой повторение репрессий сталинского периода было бы невозможно. С этого момента следователи работают в составе прокуратуры (где расследуются наиболее серьезные преступления) и в органах государственной безопасности. Дознанием же занимаются сотрудники МВД, которое в тот момент тоже реформируется. Предполагалось, что органы внутренних дел ведут дознание, а прокуратура — следствие. Однако уже 6 апреля 1963 г. Президиум Верховного Совета издает Указ № 1237-IV, которым предоставляет право ведения следствия органам охраны общественного порядка (так тогда называлось МВД). С тех пор следствие в органах внутренних дел постоянно расширялось². Исследователи пишут, что «в 1964 году следственным аппаратом органов внутренних дел было окончено 61,4 процента уголовных дел, в 1966 году — 67 процентов, в 1978 году — 76 процентов»³. Следствие МВД стало основным следствием в стране, а расследование уголовных дел — основной формой досудебной работы. Если до того существовало преимущественно прокурорское следствие и дознание милиции, то теперь и следствие, и дознание в основном велись МВД.

Фактически к 1970-м гг. сформировалась та форма следственной работы в органах внутренних дел, которую мы наблюдаем сегодня и которой посвящена эта книга.

¹ См.: *Соломон П.* Советская уголовная юстиция при Сталине. М., 1998.

² Так, в ст. 126 УПК РСФСР, определявшую подследственность с 1965 по 1991 г. (включительно), было внесено 17 поправок, что очень много для относительно консервативного советского законодательства.

³ *Гаврилов Б.* Следственный аппарат органов внутренних дел // *Отечественные записки*. 2003. 2 (11).

Следователь в уголовном процессе — ключевой игрок или ключевое звено конвейера?

Следователи — одна из парадоксальных групп в российской уголовной юстиции. С одной стороны, их работа близка к обычной детективной работе (найти преступника), с другой — к судейской и прокурорской (юридически корректно доказать вину). Спор о месте следователя и его роли в уголовном процессе в России — это во многом спор о месте и роли досудебной стадии расследования и модели уголовного процесса в целом. Что должен делать следователь? Иногда следователя определяют как одну из частей «скромной судебной бюрократии» (Н. А. Колоколова)¹. Само появление этой фигуры было связано с отказом от легального применения пыток и обусловлено нуждой в чиновнике, «который был бы в состоянии собрать доказательства вины конкретного лица»². При этом функцию розыска преступника исследователи относят к типичным полицейским функциям, то, что следователь не включен в эту деятельность, делает его работу менее эффективной³. Другие авторы, наоборот, указывают, что предварительное следствие в постсоветской России «устанавливает и изобличает виновного»⁴, т. е. решает розыскную, а не «судебно-чиновничью» задачу. Более того, привлечение следователя к поиску преступника вытекало и из советского регулирования, когда цель работы следователя нормативно описывалась так: «организовать расследование дела в поисках виновного»⁵. Именно поэтому в обязательный набор умений следователя входили навыки формулирования версий преступления⁶, планирование следственных действий по каждой из них, нацеленных как на раскрытие преступлений, так и на до-

¹ Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. С. 20.

² Там же.

³ Как отмечает Б. Я. Гаврилов, приводя мнение комиссии 1869 г., оценивавшей следственную работу в Российской Империи, такая позиция существует уже больше ста лет: «...в делах, по которым отсутствует подозреваемый, успех расследования целиком зависит от полицейской деятельности, так как розыск обвиняемого самим следователем, действия которого стеснены определенными правовыми нормами, никогда не будет иметь ни быстроты, ни других достоинств полицейского дознания». См.: Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. С. 105.

⁴ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1992. С. 23. Цит. по: Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. С. 167.

⁵ Дубринный В. А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. Общая характеристика. Цели. Действия. Саратов, 1987. С. 26. Цит. по: Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. С. 168; Руководство для следователей / под ред. Н. В. Жогина. М., 1971.

⁶ Этому на примере массовых, типовых преступлений, совершенных ранее, обучают в рамках курсов криминалистики.

казывание вины¹. Заметим, что именно эта дихотомия «поиск виновного и доказывание вины» и является ключевой для понимания того, кто же такой следователь. Если «предварительное расследование есть форма уголовного преследования: оно направлено на раскрытие преступления, выявление и изобличение виновного в его совершении лица» (В. А. Лазарева)², то следователю нормативно и догматически (т. е. и в тексте законов, и в юридической теории) отводится роль главного организатора поиска виновного. Однако для того, чтобы оценить реальную роль фигуры следователя, нужно понять, как соотносятся досудебное расследование и судебная стадия³. В том случае, если судебная стадия вторична и виновность определяется во время досудебного расследования, то следователь, безусловно, «основная фигура в уголовном процессе» (Ю. А. Цветков)⁴. Если же судебная стадия — самостоятельный процесс, то роль следователя может быть определена как роль «скромного судебного бюрократа».

Оставляя юридическую дискуссию о месте следователя в стороне, посмотрим на мнение самих следователей. Столкновение функций «раскрыть преступление» и «расследовать уголовное дело», образов «следователя-детектива» и «следователя-бюрократа» известны самим следователям, и отношение к этим образам разделяет их на две неравные группы.

83,2% следователей считают, что способность грамотно провести следственные действия после того, как установлено лицо, подозреваемое в преступлении, и есть главное умение следователя. Только 16,8% ответивших выбрали другой вариант, согласно которому профессионализм следователя состоит в умении устанавливать подозреваемого исходя из результатов следственных действий.

Кажется, ответ на вопрос однозначен: в России следователь — в первую очередь «бюрократ», а не «детектив». Способность грамотно оформлять документы он считает своим ключевым навыком. Остаются следующие вопросы: какую роль играет «следователь-бюрократ» в современном российском уголовном процессе? Является ли он связующим звеном между полицейскими и судом или между полицейскими и прокуратурой? Или он отдельный игрок в уголовном процессе?

Практика российского судопроизводства такова, что шансов на оправдание на судебной стадии практически нет. Именно поэтому

¹ См.: Руководство для следователей / под ред. Н. В. Жогина. М., 1971.

² Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. С. 168.

³ См.: Колоколов Н. А. Процессуальная самостоятельность следователя: взгляд судьи Верховного Суда РФ // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. трудов. Вып. 4 / под ред. А. И. Бастрыкина. М., 2014. С. 354.

⁴ Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. С. 199.

роль следователя чрезвычайно важна: именно он принимает формальное решение, после которого человек получает статус подозреваемого и обвиняемого. Чтобы ответить на основной вопрос этого раздела: кем же на практике, а не на бумаге является следователь в уголовном процессе, нам нужно детально описать его работу и проанализировать его взаимоотношения со смежными службами.

Когда следователь включается в работу по преступлению?

С сообщением о преступлении последовательно работают сотрудники органов внутренних дел (полиции)¹, дознаватели и следователи МВД (и их руководители) или следователи Следственного комитета РФ (и их руководители), прокуроры, судьи.

На первом этапе на сообщение о преступлении реагируют сотрудники органа внутренних дел. Чаще всего сообщение о преступлении принимает и регистрирует сотрудник дежурной части. Его задача — определить тип сообщения и организовать реакцию полиции на него.

Нас не интересуют сообщения, которые после работы дежурной части и других сотрудников полиции просто не доходят до следователей. Отметим, что таких сообщений большинство: из 10,9 млн сообщений о преступлениях, зарегистрированных в МВД в 2014 г., только 1,8 млн превратились в уголовные дела (16,1%), с которыми работают следователи и дознаватели МВД². Дежурная часть может зафиксировать то или иное сообщение как «сообщение о преступлении» или отнести его к другой категории (например, сообщение об административном правонарушении). То, что сообщение описано как «сообщение о преступлении», отнюдь не значит, что в действительности имело место преступление или что оперативный дежурный уверен, что имело место преступление. Это значит только то, что или заявитель сообщает именно о том, что имело место преступление, и настаивает на этом, или что такую категорию заявлений принято классифицировать как «сообщения о преступлениях»³. По такому заявлению после всех бюрократических действий (куда мы относим и передачу между правоохранительными органами по подследственности или территориальности) может быть принято одно из двух реше-

¹ Как правило, под ними понимаются оперативные уполномоченные, но на практике значимую роль играют участковые, а по отдельным категориям дел — сотрудники ГИБДД или ППС.

² См.: Шклярчук М. С. Траектория уголовного дела в статистике: на примере обобщенных данных правоохранительных органов. СПб., 2014. Данные за 2014 г. доступны в электронной версии: URL: <http://enforce.spb.ru/products/papers/6265-traektoriya-ugolovnogo-dela-v-ofitsialnoj-statistike>.

³ Подробнее см.: Панеях Э., Титаев К., Шклярчук М. Указ. соч.

ний — о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Среди 6,8 млн решений об отказе в возбуждении уголовного дела и 2,2 млн сообщений, переданных по подследственности, есть и решения, принятые следователями. Но можно с уверенностью утверждать, что их немного. В МВД следователей не нагружают «отказными» материалами и формальными пересылками сообщений о преступлениях между отделами полиции и другими правоохранительными органами. Подтверждает это статистика 2013 г.¹, из которой нам доступна информация о роли следователей МВД на стадии до возбуждения уголовного дела. Так, следователи МВД в 2013 г. приняли решения лишь по 9,6% сообщений о преступлениях, т. е. они практически не занимались этой работой. Однако 55,1% из возбужденных уголовных дел возбуждено именно следователями (остальные — дознавателями МВД). Это значит, что решение о возбуждении уголовного дела принимает следователь, а решение об отказе — нет. Только 1,1% решений об отказе в возбуждении уголовного дела вынесены следователями (это чуть больше, чем 70 тыс. и почти все — в связи с отсутствием события или состава преступления). Другими словами, средний следователь готовит такой документ один-два раза в год; 1,7% от общего количества переданных по подследственности сообщений переданы следователями МВД².

Больше всего шансов дойти до следователя МВД имеют сообщения о кражах, преступлениях, связанных с наркотиками, грабежах, разбоях, насильственных преступлениях³ (табл. 1). С такими сообщениями после дежурной части начнет работать (в том или ином составе) следственно-оперативная группа (СОГ).

Задачи СОГ — фиксация информации и доказательств (в первую очередь следователем⁴ и специалистами-криминалистами) о самом

¹ Данные доступны в электронном виде: URL: <http://data.openpolice.ru/dataset/svodnyi-otchet-o-rassmotrenii-soobschenii-o-prestupleniyah-za-2013>, получены в рамках проекта: Амара М. И., Шклярчук М. С., Беттин И. В. Криминальная статистика и открытость полиции. Аналитический обзор (в рамках мониторинга российского законодательства об открытости статистической информации). М., 2014. URL: http://enforce.spb.ru/images/Issledovanya/2014/2014.12_TIR_IRL_KGI-3_Open_police.pdf.

² О том, что происходит с сообщениями о преступлениях, не попадающих к следователям (и дознавателям), можно почитать в: Панеях Э. Л., Поздняков М. Л., Титаев К. Д. и др. Указ. соч.; Шклярчук М. С. Российский уголовный процесс как система фильтров: досудебные траектории и отбор уголовных дел на примере Министерства внутренних дел РФ // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции / под ред. В. Волкова. С. 154—182; Панеях Э., Титаев К., Шклярчук М. Указ. соч.

³ Эти категории охватывают 80% уголовных дел, направляемых в суд следователями МВД.

⁴ Иногда в составе СОГ работает дознаватель.

Таблица 1

**Уголовные дела, расследуемые МВД и направляемые в суд. 2013 г.
(топ-5 по количеству направленных в суд уголовных дел)**

Вид преступления	Количество направленных прокурором в суд дел	Число лиц по направленным в суд делам
Уголовные дела, расследованные следователями МВД¹		
Кража (ст. 158 УК РФ)	164 666	204 710
Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (ст. 228—232 УК РФ)	38 576	40 479
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ)	21 754	22 123
Грабеж (ст. 161 УК РФ)	18 725	23 172
Мошенничество (ст. 159—159 ⁶ УК РФ)	15 758	18 951
Уголовные дела, расследованные дознавателями МВД		
Кража (ч. 1 ст. 158 УК РФ)	85 936	86 016
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ)	58 636	58 800
Умышленное причинение легкого вреда здоровью, побор (ст. 115, 116 УК РФ)	38 221	40 106
Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (ч. 1 ст. 228, ст. 228 ² , ст. 228 ³ , ч. 1 ст. 230, ч. 1 ст. 231, ч. 1 ст. 232, ст. 233 УК РФ)	36 556	36 695
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ)	20 559	20 961

преступлении и о потенциальном подозреваемом и одновременный фактический розыск подозреваемого и информации о нем (это уже становится первоначальной задачей оперативного уполномоченного и участкового уполномоченного²). Дежурный следователь на месте происшествия сделает осмотр, зафиксирует следы происшествия и изымет те, которые можно изъять. Затем вся информация, собранная оперативником и участковым, а также заявление потерпевшего передаются в дежурную часть. На этой стадии этот пакет документов называется «материал проверки сообщения о преступлении».

¹ На шестом месте находятся уголовные дела о разбоях — 8633 уголовных дела.

² Входящего в СОГ или того участкового, на чьем участке произошло преступление.

Дальше возможны варианты, которые касаются сроков проведения следственных действий¹ и связаны с ключевым для уголовного процесса решением — возбуждением уголовного дела. Если ситуация с преступлением очевидна настолько², что она попадает в варьирующийся от региона к региону стандарт «возбуждение уголовного дела в дежурные сутки», то тот же дежурный следователь, который входил в СОГ, за сутки завершит трансформацию сообщения о преступлении через доследственную проверку в уголовное дело. Раскрытие преступления и возбуждение дела в первые сутки требуют большой работы от следователя, оперативника, их начальников — всех участников СОГ. Вот как рассказывает о дежурстве в качестве ответственного от руководства один из руководителей нижнего звена (речь идет о 2005 г., когда уголовные дела об убийствах были подследственны прокуратуре):

И вот я дежурил сутки, и такие были сутки — еле справились: разбой — раскрытый, две квартирные кражи — раскрытые, грабеж — раскрытый, ножевое (*ранение*³) — раскрытое! Последний, к счастью, умер — в прокуратуру отдали.

Заместитель начальника следственного отдела МВД

Такое отношение типично для загруженных работой следователей. Сотрудник МВД не испытывает радости по поводу смерти потерпевшего, просто выражает облегчение, что часть работы перешла другому органу. Сотрудники правоохранительной системы, как и любые профессионалы, вынужденные сталкиваться с проблемами общества и людей (врачи, спасатели, педагоги, сотрудники ФСИН, сотрудники благотворительных организаций), отстраняются от постоянного сопереживания, иначе эмоциональное выгорание происходит слишком быстро. Конечно, цинизм вырабатывается в разных областях с разной интенсивностью, культурные и организационные факторы играют как усиливающую, так и сдерживающую роль (в правоохранительной системе отстранение поощряется организационной культурой, в благотворительной организации сопереживание не будет считаться слабостью). При этом такой профессиональный цинизм может быть и необходимым защитным поведением, и симптомом профессионального выгорания или деформации личности. Эти явления типичны для большинства профессиональных областей сферы «человек — человек»⁴.

¹ Установленные уголовно-процессуальным законом формальные сроки, в которые должно быть принято то или иное решение.

² То есть нет никаких сомнений в том, что возбуждать уголовное дело придется.

³ Здесь и далее в скобках даны пояснения авторов. Многозначие означает, что вырезан некоторый неинформативный фрагмент.

⁴ Эти процессы являются объектом исследования психологов. См., например: *Безносков С. П.* Профессиональная деформация личности. СПб., 2004.

Если необходимости в срочном возбуждении уголовного дела нет, сообщение о преступлении с собранными материалами будет еще некоторое время (обычно до 10 или 30 суток) находиться в руках оперативника или участкового. Их задача — самостоятельно найти возможность подготовить отказ в возбуждении уголовного дела или не позднее чем через 30 дней передать материал проверки следователю в таком виде, чтобы следователь был готов возбудить уголовное дело. Что влияет на их — сотрудника полиции и следователя — взаимоотношения?

*Следователь между судом и полицией —
трансляция правоприменительной практики*

Внутри каждой организации есть устойчивые системы поощрений и наказаний. Это не только, грубо говоря, правила премирования и депремирования. Наказать можно самого себя, создав себе лишнюю работу. Можно испортить отношения с коллегами, выполнив свои обязанности таким образом, что им сложно будет работать. Можно, наконец, просто делать нечто совершенно необычным образом и заслужить репутацию «не вполне адекватного» сотрудника, тем самым лишив себя каких-либо карьерных перспектив. Все эти формальные и неформальные требования называются институциональными стимулами. Начать описание институциональных стимулов, определяющих поведение следователей и сотрудников полиции на этапе доследственной проверки, придется с конца уголовного процесса — с судов, судей и судебного рассмотрения уголовных дел. Исследования принятия решений судьями¹ показали, что на этот процесс оказывает влияние ожидаемая реакция вышестоящих инстанций. Основной интерес судьи — не выходя за установленные сроки, вынести такой приговор, который не будет отменен или изменен при обжаловании в вышестоящем суде. С точки зрения вероятности отмены или изменения приговора позиция прокурора намного сильнее, чем позиция обвиняемого и его адвоката, так как у прокуратуры больше ресурсов, опыта и возможностей для неформального давления. Следовательно, решение должно удовлетворять прокуратуру, не иметь поводов для успешного обжалования: «устоять» в вышестоящей инстанции. Таким условиям максимально соответствуют: прекращение уголовных дел по согласию сторон (чаще всего это «примирение сторон») — нет заинтересованных в обжаловании решения суда; на втором месте — обвинительный приговор, постановленный в особом порядке — с признанием вины подсудимым и без судебного следствия. Такой при-

говор не может обжаловать подсудимый, ссылаясь на то, что не совершал преступления, а прокурор будет обжаловать только в случае ошибочного назначения наказания. И, наконец, просто обвинительный приговор, который имеет больше шансов быть неотменным, чем оправдательный. Отсюда следует и главный стандарт, который задает судебная система по отношению к уголовным делам, прошедшим через руки следователей: дело, по которому необходимо выносить оправдательный приговор, с точки зрения возможности отмены приговора вышестоящей инстанцией — самое рискованное.

Ситуация, которая будет складываться в суде, волнует и всех участников, вовлеченных в уголовный процесс на более ранних стадиях¹. Прокурор старается не направлять в суд дела, по которым есть хоть какой-нибудь шанс на оправдание или прекращение по реабилитирующим основаниям. Соответственно, он по возможности не принимает такие дела от следователя, а следователь старается такие «сомнительные» дела прокурору не передавать. В результате возникает система «отсеивания» уголовных дел с непредсказуемым судебным решением до направления дел в суд². Причем преимущественно это происходит еще на этапе расследования³. Это приводит к тому, что свыше 90% уголовных дел, доходящих до суда, содержат признание вины⁴.

Таким образом, на каждой стадии необходимо⁵ выдать максимальный объем решений, риск отмены или изменения которых вышестоящими инстанциями будет минимальным. В результате перед тем как принять работу, ее нужно тщательно проверить во избежание дальнейших сбоев. Такая проверка перед переходом на каждый следующий этап создает ситуацию, когда сколь-либо сомнительные дела⁶ просто не двигаются дальше. Именно поэтому оптимальной стратегией поведения является неформальное смещение принятия значимых процес-

¹ См.: Панях Э. Л., Поздняков М. Л., Тутаев К. Д. и др. Указ. соч.

² Там же.

³ Там же. См. также: Шклярук М. С. Российский уголовный процесс как система фильтров: досудебные траектории и отбор уголовных дел на примере МВД. С. 155—183; Панях Э. Транзакционные эффекты плотного регулирования на стыках организаций. На примере российской правоохранительной системы // Полития. 2013. № 2. С. 38—59.

⁴ См.: Волков В., Тутаев К. Лишь 8% обвиняемых готовы бороться за свое доброе имя // Ведомости. 2013. 28 февр.

⁵ Заметим, что здесь и далее, используя слова «желательно», «необходимо» и т. д., авторы не озвучивают свою позицию, а реконструируют логику участников процесса.

⁶ При этом «сомнительные» — это просто дела, которые имеют шансы быть рассмотренными в суде с постановлением оправдательного приговора или прекращенными на более ранних этапах. Никакого другого смысла (коррупционные дела, дела, в которых следователь не уверен в виновности подозреваемого, и т. д.) это слово здесь не имеет. Оценивается следователем только один параметр — вероятность обвинительного приговора или прекращения дела по нереабилитирующим основаниям в суде.

¹ См.: Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. М., 2012.

суальных решений на этап, предшествующий тому, на котором это решение должно приниматься по закону. Соответственно, на последовательной стадии задача сотрудника полиции — передать следователю такой материал проверки по сообщению о преступлении, который следователь без проблем превратит в уголовное дело. Желательно (с точки зрения всех сотрудников правоохранительных органов) такое, которое без «сбоев» пройдет через все последующие стадии до приговора.

Кроме судебной практики на формирование стратегии поведения следователей и их контрагентов (как внутри, так и снаружи МВД) оказывают серьезное влияние организационная структура ведомств (МВД, Следственный комитет, прокуратура), т. е. давление со стороны вышестоящих ведомственных уровней, которые генерируют стимулы для принятия решений, и «ведомственные интересы», что характерно для любой бюрократической структуры. Все сотрудники организаций выступают как представители ведомств и заинтересованы в генерации своей «удовлетворительной» отчетности.

Однако для понимания того, как принимаются решения, этого недостаточно. Представление о процессе движения уголовного дела как о последовательной траектории (перехода от стадии к стадии, от организации к организации) не учитывает характер ежедневных взаимоотношений участников. Анализ интервью показывает, что чаще всего принятие решений происходит в результате взаимодействия внутри межведомственного коллектива, склонного к компромиссу. При этом в зависимости от стадии и типа уголовного дела действующие лица обладают различной по силе исходной позицией в переговорах. Особенности работы подобных межведомственных коллективов были описаны на материале других стран, например применительно к американским судам¹. Однако структура российского уголовного процесса сильно отличается от американской: в России основное доказывание и принятие решения о достаточности доказательств для направления в суд происходит на этапе предварительного, досудебного расследования.

Ключевое место следователя в уголовном процессе

Решение о том, принять ли материал от сотрудника полиции и превратить ли его в уголовное дело, остается за следователем. В реальности практика работы на уровне района, отдела полиции, район-

¹ См.: Eisenstein J., Jacob H. Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Court. Boston; Toronto, 1977. P. 322. Обзор по-русски см.: Мусеева Е. Микрополитика суда. Рецензия на книгу: Eisenstein J., Jacob H. 1977. Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Court. Boston; Toronto: Little, Brown and Company // Социология власти. 2015. № 2.

ной или городской прокуратуры отлажена так, что сотрудники полиции в большинстве случаев знают «перспективу» материала проверки. Другими словами, они представляют наиболее вероятный исход: списание в архив, расследование «без лица», передача в суд. Похожие случаи — типовые преступления — происходили и происходят десятки, сотни раз, оперативники и участковые быстро овладевают шаблонными навыками оформления и знаниями о рутинных, типовых преступлениях. Требования обычной судебной практики в стране, субъекте Федерации, районе транслируются через прокуроров руководителям следственных органов и следователям¹, те, в свою очередь, передают их сотрудникам полиции. При этом требования судебной практики дополняются тем, как данная районная прокуратура понимает законодательство и требования к содержанию уголовных дел. Все это трансформируется в конкретные указания, сформулированные с учетом мнения начальников районного уровня. Полицейские понимают сущность этих требований через практический опыт: невозбуждение уголовных дел, споры, непринятие материалов следователем от сотрудников полиции. Сложно ответить на вопрос, играет ли следователь роль связующего звена между судебной практикой и отбором уголовных дел при возбуждении. Возможно, он просто находится в нужном месте — ровно на том стыке влияния судебной системы на практику расследования уголовных дел и давления полиции как ведомства на формирование структуры регистрируемой преступности и раскрываемости. То есть оказывается ключевым «транслятором» правил игры — тем, кто наиболее отчетливо формулирует поступающие «сверху» сигналы и передает их «вниз». Приведем пример, который показывает, как это на уровне повседневности видится следователю.

Если наработывалось все (*материал проверки*) следователем, то материал гораздо качественнее, чем от службы уголовного розыска, а тем более от участковых.

В²: А с чем связана такая разница в качестве?

О: Потому что следователь больше видит и знает: какая информация нужна, как ее собрать. Другие думают, что она несущественна. Есть разница даже в том, как берут объяснения участковые или опера и как берет следователь. Опера иногда предоставляют такое, что сидишь и думаешь: для чего это было вообще, зачем?

В: Это вопрос квалификации следователя или оперуполномоченного или это вопрос понимания того, что нужно?

¹ Как именно такое знание транслируется, мы опишем ниже.

² Здесь и далее «В» и «О» — вопрос и ответ.

О: Квалификации, все равно квалификации. Когда следователь работает, он направляет дело в суд, он знает, что нужно, а что лишнее. Они-то просто собрали объяснения, они в конечном варианте даже не видят уголовное дело — какое оно должно быть: для суда какое оно должно быть, для прокуратуры. Следователь должен из этого конфетку сделать.

Следователь МВД

В процессуальном — и реальном, и юридическом — смысле следователь оказывается тем лицом в уголовном процессе, которое принимает ключевые решения: о возбуждении уголовного дела и — главное — фактическое решение о вине подозреваемого. Именно следователь — в соответствии с законом — принимает первое относительно формализованное решение во всей цепочке (выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого или придает лицу формальный статус подозреваемого: путем задержания или избрания меры пресечения). Действия оперативников и других служб полиции не меняют юридического состояния подозреваемого. И именно решение следователя — по факту — оказывается окончательным¹. На следствии будет реабилитировано менее 0,5% тех, кого привлекли в качестве подозреваемого. В суде по тем делам, по которым велось следствие, будет оправдано менее 0,2% подсудимых².

Учитывая, что фактическое решение о виновности лица принимается на досудебной стадии под воздействием организационных факторов, думается, что именно следователь — основной игрок на досудебной стадии расследования. Он обладает уникальными умениями и властными полномочиями, которые выступают ресурсом в коммуникации с другими игроками, заинтересованными в уголовном деле.

Какие следователи бывают и почему в фокусе исследования следователь МВД?

Чаще всего при слове «следователь» возникает ассоциация с работником Следственного комитета России (СКР), созданного на основе организационного выделения следователей из прокуратуры и на 2015 г. возглавляемого А. И. Бастрыкиным. Однако, несмотря на мощный медийный образ СКР, совсем не его следователи направляют основной поток уголовных дел в суды и не они расследуют мас-

¹ Формально человек становится сначала подозреваемым, затем, по окончании расследования, обвиняемым и потом осужденным. Но фактически все подозреваемые становятся осужденными или же носителями маркера «привлекался к уголовной ответственности».

² См.: Шлярук М. С. Траектория уголовного дела в статистике: на примере обобщенных данных правоохранительных органов.

су бесперспективных дел о нераскрытых преступлениях. Название «Следственный комитет», приобретенное в 2007 г. новообразованной структурой (тогда еще «Следственным комитетом при прокуратуре»), совпало с переименованием (а возможно, было его причиной) Следственного комитета на уровне центрального аппарата МВД России в Следственный департамент. Большинство следователей в России работают именно в МВД, большинство уголовных дел расследуется внутри этой структуры.

СКР, МВД, ФСКН и ФСБ — различие компетенций

Сейчас следователи работают в штате четырех разных правоохранительных ведомств: СКР, МВД, ФСКН и ФСБ. Чем они отличаются?

Во-первых, подследственностью. Статья 151 УПК РФ разграничивает компетенцию следователей разных ведомств, устанавливая, в каком из органов предварительного расследования расследуются уголовные дела по различным преступлениям.

Следователи СКР большую часть подследственности «унаследовали» от прокуратуры. Это уголовные дела об убийствах и причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть; обо всех насильственных преступлениях против половой свободы и неприкосновенности личности (чаще всего это изнасилования); о преступлениях против конституционных прав граждан, о преступлениях, совершенных против представителей власти и представителями власти. Последние годы СКР существенно расширяет подследственность: это происходит после резонансных дел или событий или обосновывается важностью сферы собственной жизни, в которой совершается преступление или криминализуются деяния. Так, в 2011 г. к СКР от МВД перешли налоговые преступления¹. СКР чаще, чем МВД, получает в свою подследственность новые, вводимые в УК РФ экономические составы преступления (такие, к примеру, как рейдерские захваты или незаконный игорный бизнес). Другим направлением расширения подследственности стали уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных против несовершеннолетних или несовершеннолетними.

Из размещаемой на официальном сайте статистики видно, что сам СКР считает важным количество расследованных убийств (ст. 105 УК РФ) — 11 235, это 6,7% от всех расследованных (т. е. раскрытых) преступлений; причинений тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть (ч. 4 ст. 111 УК РФ), — 7052 (4,2%); изнасилований, насильст-

¹ Переданы в подследственность СКР Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ.

венных действий сексуального характера, иных преступлений против половой неприкосновенности (ст. 131, 132, ст. 133—135 УК РФ) — 13 053 (7,8%); полученных и дачи взяток (ст. 290 и 291 УК РФ) — 11 861 (7%)¹. В целом среди расследованных преступлений 54% преступлений средней или небольшой тяжести. В среднем уголовном деле СКР один обвиняемый (1,08), совершивший 1,6 преступления. Это значит, что число уголовных дел, совершенных группами и расследуемых СКР, невелико, однако обвиняемому достаточно часто вменяют не одно, а несколько преступлений². Доступные эмпирические данные о работе СКР, соотнесенные со статистикой, позволяют предположить, что нагрузка следователей СКР распадается на два параллельных потока. Первый — производство по сложным (чаще тяжким) делам, поступление которых обусловлено реальной насильственной преступностью (прежде всего это убийства³). Второй — работа по делам «для нагрузки» (чаще всего не относящимся к категории тяжких преступлений). Поступление второй категории дел обеспечивает активная работа полицейских, фиксирующих, например, применение насилия к себе (ст. 318 УК РФ) или находящихся случаи легко расследуемых незаконных проникновений в жилище (ст. 139 УК РФ)⁴.

Следователи ФСБ должны расследовать контрабанду денежных средств или материалов, которые могут быть использованы для создания вооружения, значительную часть преступлений против общественной безопасности, связанных с терроризмом, а также преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (государственная измена, шпионаж, вооруженный мятеж и т. д.).

К подследственности ФСКН относятся преступления, совершенные в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных средств, — сбыт, а также сопутствующие преступления, как правило совершенные организованной группой или в особо крупном размере⁵.

¹ Сведения о деятельности СКР за январь — июнь 2014 г. см.: URL: <http://sledcom.ru/activities/statistic> (дата обращения: 11.11.2015).

² Там же, расчеты авторов.

³ Большинство убийств в России «бытовые», из тех, что не требуют сложного расследования. Но традиционно расследование убийств находится на повышенном контроле руководства и прокурора, а обвиняемый даже в очевидных случаях имеет больше причин отказаться от признательных показаний, если он их изначально давал (в силу суровости ожидаемого наказания), что заставляет проводить большее число следственных действий, чем по другим «несложным» делам.

⁴ См.: Шклярук М. С. Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы. СПб., 2014.

⁵ О работе ФСКН и МВД в части расследования уголовных дел о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств см.: Кнорре А., Скугаревский Д. Как МВД и ФСКН борются с наркотиками: сравнительный анализ результативности двух ведомств: аналитическая записка / под ред. М. Шклярук. СПб., 2015.

Наиболее широкая подследственность у МВД: преступления против здоровья (причинение тяжкого вреда здоровью, ст. 111 УК РФ); преступления против собственности — от краж (кроме простых, предусмотренных ч. 1 ст. 158 УК РФ) и грабежей (ч. 2 ст. 161 УК РФ) до мошенничеств, в том числе в экономической сфере; преступления, совершенные в сфере незаконного оборота наркотиков, и ряд других. По сути, они расследуют все относительно сложные преступления, которые не попадают в компетенцию СКР, ФСБ и ФСКН (простые расследуют дознаватели). В сумме это половина всех дел и больше 80% дел, расследуемых в форме следствия¹.

Однако, несмотря на номинально объемный перечень преступлений, попадающих в подследственность МВД, реально следователи расследуют меньшее количество «наименований» преступлений. Статистика по наиболее часто оканчиваемым делам (см. табл. 1) в основном совпадает с экспертными оценками самих следователей, полученными в ходе анкетного опроса. В числе трех самых частых статей в их индивидуальной практике 83% следователей упомянули ст. 158 УК РФ (кража), 53% — ст. 161 УК РФ (грабеж), 42% — ст. 159 УК РФ (мошенничество). Следующие четыре статьи (162 — разбой, 111 — умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, 228 — незаконный оборот наркотиков, 160 — растрата или присвоение) упоминает еще 80% следователей. Большинство следователей, несмотря на специализацию, работают с ограниченным набором довольно типовых дел.

Численность и нагрузка: МВД как основной источник практики

Второе принципиальное отличие — следователи МВД отличаются от прочих следственных органов численностью. Официальные цифры, которые можно было бы сопоставить по годам и ведомствам, не публиковались, но некоторые данные нам доступны. В 2013 г. в МВД работало 38 280 следователей. В 2010 г. в СКР было 8283 следователя, при этом общая численность колебалась между 16 656² (2007 г.) и 19 156³ (2011 г.). С 2012 г. штатная численность СКР — 21 156 человек. Если соотношение следователей и общей численности осталось около 50%, как было в 2007 г., то сейчас в СКР работает около 10,5 тыс. следователей (не считая военных следователей СКР). Но, скорее всего, их меньше, так как в СКР входят и гражданские служащие. В своих расчетах мы исходим из того, что реально в СКР работают около

¹ См.: Шклярук М. С. Траектория уголовного дела в статистике: на примере обобщенных данных правоохранительных органов.

² См. Указ Президента РФ от 1 августа 2007 г. № 1004 «Вопросы Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации».

³ См. Указ Президента РФ от 14 января 2011 г. № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации». В это число включены гражданские служащие.

9000 следователей. Данных о количестве следователей в ФСКН в публичном доступе нет, но при обсуждении в 2012 г. перспектив создания Единого следственного комитета озвученное число следователей ФСКН равнялось примерно 2000¹. Число следователей ФСБ неизвестно, но, скорее всего, их еще меньше, чем в ФСКН.

Сравнение статистических данных о штатной численности основных ведомств дает представление о их нагрузке. Так, следователи ФСБ расследуют в год около 5000 уголовных дел (из которых около 1200 направляют в суд), что при общем количестве находящихся в производстве более 3 млн уголовных дел не оказывает существенного влияния на практику расследования. Следователи ФСКН в 2014 г. имели в производстве 116 тыс. уголовных дел, из которых окончили 25 тыс. (а приостановили 44 тыс.). В производстве следователей СКР находилось 228 978 дел, из которых окончены были 116 тыс. (см. приложение).

Следователи МВД расследуют 50% уголовных дел в России и 82% уголовных дел, расследуемых в форме следствия² (остальные расследуются в форме дознания либо являются делами частного обвинения, по которым расследование не обязательно³).

Можно с уверенностью утверждать, что практика расследования уголовных дел именно следователями МВД является определяющей для формирования общих правил работы системы уголовного преследования. Именно они — самая многочисленная и самая значимая группа.

Следователь: первые штрихи к портрету

В данном разделе мы остановимся на классических характеристиках любой социальной группы — ее социально-демографической структуре. Половые и возрастные характеристики социальной и профессиональной группы — это важные маркеры того, какое место она занимает в обществе, как устроена ее групповая динамика, какие модели действия окажутся у нее предпочтительными.

¹ См.: Начать с ФСКН // Ведомости. 2012. 13 сент. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/09/13/nachat_s_fskn. Упоминание в статье 23 тыс. следователей СКР ориентировано, по всей видимости, на штатную численность ведомства (вместе с военными следственными органами), однако около половины сотрудников СКР не являются следователями, они выполняют управленческие или контрольные функции. Численность в 45 тыс. следователей и дознавателей МВД выглядит близкой к действительности.

² См.: Шклярук М. С. Траектория уголовного дела в статистике: на примере обобщенных данных правоохранительных органов.

³ Дознание как вид предварительного расследования ведется в более простых формах, в относительно сжатые сроки и проводится по менее значительным делам. По делу, расследуемому в форме дознания, практически невозможно получить наказание, связанное с реальным лишением свободы, если преступление совершено впервые. Граница между следствием и дознанием в России очень напоминает американское разделение на felony и misdemeanor.

Половозрастная структура

Следователь в России — это женская профессия (71,7% опрошенных¹ — женщины). Феминизация профессии обычно говорит об относительно низком статусе внутри сообщества и на рынке труда в целом². Среди руководителей женщины тоже преобладают, хотя и незначительно — 54,8%. Однако, учитывая, что среди рядовых следователей женщины составляют 72,8%, очевидно, что карьере чаще делают мужчины. Вот как это объясняют сами следователи.

У нас как раз отдел следственный — преимущественно женщины. У нас 16 человек в отделе, из них мужчины замначальника, сам начальник и один следователь. Остальные — женщины. Не каждый мужчина идет работать следователем, потому что нужны усидчивость, внимательность, терпение. Те же документы заполнять. Не каждый парень будет сидеть там.

Следователь МВД

Следователи довольно равномерно распределены по возрастным когортам, что указывает на то, что существует постоянный приток новых кадров, но нет резких «волн» оттока и прихода сотрудников. Подтверждение этого мы увидим, если посмотрим на средний стаж работы. Такая возрастная структура контрастирует с тем, что мы знаем о следователях СКР — там число лиц младше 30 лет существенно больше³ (рис. 1).

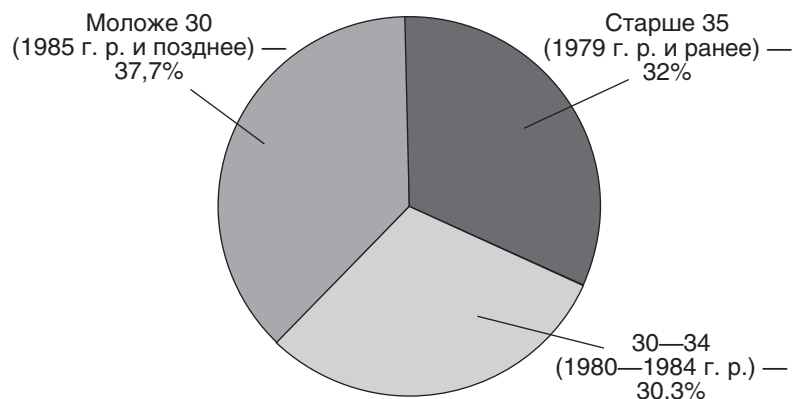
Средний возраст мужчины 31,1 года, женщины — 32,8, медиана⁴, соответственно, 30 и 33. Различие статистически значимо. При этом

¹ Далее, если не указано иное, мы будем всех опрошенных называть следователями, хотя среди них представлены и руководители следственных органов.

² Подробно дискуссию применительно к смежным профессиям см.: Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. Указ. соч.; Иванова Е. Гендерный дисбаланс в российском судебном корпусе: феминизация профессии // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 4. С. 579—594.

³ Так, Ю. А. Цветков, заведующий кафедрой менеджмента деятельности следственного органа Института повышения квалификации Академии Следственного комитета РФ, в статье 2015 г. пишет, что 47% следователей имеют стаж работы до трех лет. См.: Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. С. 203. Таким образом, можно уверенно говорить о том, что за восемь лет существования СКР его кадровый состав постоянно обновляется.

⁴ Медиана — это статистический показатель, показывающий точку, которая делит пополам упорядоченные наблюдения. Таким образом, ровно половина наблюдений принимает значения большие или равные медианному, а половина — меньшие или равные. Используется, чтобы компенсировать отдельные выбросы в наблюдениях. Например, из 101 опрошенных 100 указали доход от 10 до 50 тыс. рублей в месяц, а один — 10 млн. В этом случае среднее будет равно примерно 125 тыс., что создает не совсем адекватное представление о реальности. Тогда мы упорядочиваем все наблюдения от самого маленького до самого большого, берем значение 51 наблюдения, например 30 тыс., и понимаем, что половина опрошенных получает менее 30 тыс., а половина — более.

Рис. 1. Возраст следователей (N¹ = 610)

средний возраст руководителя — 39 лет, а рядового следователя — 32 года. Разделение в возрастных категориях по полу также довольно стабильное. Происходит постепенное вымывание следователей-муж-

Таблица 2

Половозрастная структура без учета руководителей, % (N = 567)

Возраст	Пол		Доля возрастной группы в целом по выборке
	мужской	женский	
Старше 35 (1979 г. р. и ранее)	18,0	82,0	37,7
30—34 (1980—1984 г. р.)	23,6	76,4	30,3
Моложе 30 (1985 г. р. и позднее)	36,8	63,2	32,0
Всего	27,3	72,7	100,0

Таблица 3

Половая структура для разных регионов, % (N = 660)

Пол	Регион			Всего
	Сибирь	Северо-Запад	Поволжье	
Мужской	19,7	41,9	29,6	28,3
Женский	80,3	58,1	70,4	71,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ Здесь и далее N означает общее количество ответивших на данный вопрос.

чин в возрасте. Или же ранее в следователи реже шли мужчины, а теперь идут чаще. Если мы посмотрим на половозрастную структуру без учета руководителей, то картина будет следующей: в старшей возрастной когорте (от 35 лет) 82% женщин, а в младшей (младше 30 лет) — только 63,2% (табл. 2).

Социально-демографические характеристики значимо варьируются по регионам, в которых был проведен опрос. Наиболее «женским» регионом оказывается Сибирь, наименее — Северо-Запад России (табл. 3).

Больше всего молодых сотрудников в Северо-Западном регионе (50%), одновременно в этом же регионе значительно больше доля мужчин, работающих следователями, — 41,9%. В Сибири и Поволжье работа следователей четко маркирована как «женская». Это объясняется совершенно разными социально-экономическими условиями регионов, в которых проводился опрос. Регион, который назван «Северо-Запад», является экономически наименее благополучным из всех¹. Соответственно, рынок труда обеспечивает более высокий престиж профессии следователя.

Семья и мобильность

Весьма устойчивым является миф о том, что на работу в милицию/полицию/МВД приходят «свои» — дети сотрудников МВД или других силовых ведомств, прокуроров или судей. Профессия правоохранителей считается юридической. Однако, если требования о высшем юридическом образовании стали обязательны для почти всех сотрудников полиции только в 2011 г., то для следователей МВД юридическое образование (не всегда высшее) всегда считалось предпочтительным², хотя формально это также было закреплено в 2011 г.³

¹ К сожалению, мы не можем позволить себе детально описывать социально-экономические характеристики региона, так как это деанонимизирует наш опрос.

² Б. Я. Гаврилов приводит следующие данные: на 1 января 2015 г. впервые за 50 лет с момента образования следственного аппарата в системе МВД 95,5% следователей имели высшее юридическое образование. В 90-е гг. и начале 2000-х кадровый состав следователей обновлялся несколько раз и к 2002-му только 43,6% следователей имели высшее юридическое образование. См.: Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. С. 116, 124.

³ Часть 3 ст. 9 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливает в числе квалификационных требований к должностям среднего, старшего и высшего начальствующего состава, выполнение обязанностей по которым предусматривает расследование или организацию расследования уголовных дел, административное расследование, рассмотрение дел об

Однако две трети следователей происходят из семей, в которых нет юристов, а 58,9% — из семей, где нет работников правоохранительных органов. Сотрудники МВД есть в семье у трети следователей, родственников из судебных и прокурорских структур имеют только 3,9% и 4,1% опрошенных соответственно. Таким образом, династичность играет довольно большую роль — представленность выходцев из семей юристов и правоохранителей существенно выше, чем была бы, если бы династии не играли никакой роли, но все же этот канал рекрутинга не является доминирующим. При этом в отдельных случаях семья, связанная с правоохранительной системой, может играть и обратную роль.

В: Как, почему и зачем Вы стали следователем?

О: Мой отец был сотрудником полиции, милиции еще в те времена. Хотя у него не было специального образования, пришел в девяностые. Я все детство провел в милиции (*смеется*). (...) Поступил в институт МВД. Мне интересна была эта работа, (...) по душе следственная работа. Направлять дела в суд, не бегать, искать кого-то, как это делают оперативники, а с юридической точки зрения построить грамотно дело и направить его в суд. В связи с этим я и выбрал следственный факультет.

В: То есть Вы целенаправленно шли на работу в следствие и хотели быть следователем?

(...)

О: Меня отговаривали. Говорили: зачем тебе это надо? Следователь — это вечная кипа дел, двести-триста дел. В девяностых было такое большое количество уголовных дел, которые просто нереально разобрать. Не знаю, почему мне больше захотелось сюда.

В: А кто отговаривал?

О: Многие знакомые. Сам отец говорил: «Твоя жизнь, ты выбирай. Иди, куда душа лежит, раз хочешь в полицию, иди в полицию». (...) Я когда школу заканчивал, с сотрудниками действующими разговаривал — с операми и со следователями — все говорили: в следователи не иди, адская работа, будешь жить тут (*смеется*).

Следователь МВД

Каждый шестой (16,5%) следователь получал образование не в том регионе, где вырос или работает. При этом следователей можно разделить на две группы: тех, кто съездил поучиться в другой регион и вер-

административных правонарушений либо проведение антикоррупционных и правовых экспертиз, наличие *высшего юридического образования*, но в исключительных случаях и на условиях, устанавливаемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, разрешает назначение на эти должности лиц, имеющих другое высшее образование и опыт работы, позволяющий выполнять служебные обязанности. До этого была возможной работа следователем и со среднеспециальным (юридическим) образованием, и с высшим неюридическим образованием. Отметим, что требование юридического образования существовало для следователей прокуратуры, а в царской России — для судебных следователей Российской Империи.

нулся, и тех, кто уехал учиться и остался в этом регионе. Менее 10% следователей имеют опыт жизни более чем в двух регионах. При этом трое из четырех (74,9%) следователей не выезжали за пределы региона, в котором работают, даже для получения образования или работы. Таким образом, большинство следователей — это местные жительницы, выросшие и получившие образование в том же регионе, где работают.

Образование

Согласно опросу 6,2% опрошенных следователей (40 человек) не имеют высшего юридического образования. При этом как минимум у 12 человек среди них нет высшего образования вообще. Гипотезы о том, что в этой группе доминирует молодежь (работающая на последних курсах) или представители старшей возрастной когорты, не подтверждаются.

Десять процентов следователей получили высшее образование к 21 году включительно, половина — в 22—23 года, еще 30% — в возрасте до 30 лет включительно и лишь 10% — в более позднем возрасте. У большинства следователей дневное, очное образование — 55,5%, у 39,3% — заочное. Это практически такая же представленность заочного образования, как у судей (среди них заочное образование имеют 44,2%, разница статистически не значима). Однако доля юристов с дневным высшим образованием значительно выше, чем в целом по России, где 70% студентов получают юридическое образование заочно¹. При этом альма-матер следователей почти в равной доле выступают ведомственные вузы (37,3%) и юридические факультеты классических университетов (36,5%) (табл. 4).

На данный момент меняется преобладающая модель получения высшего образования среди следователей. Выделяется когорта «молодежи», в которой образование в ведомственных вузах получили 51,4%, в то время как для их старших коллег характерно образование на юридическом факультете классического университета (как очное, так и заочное). Мужчины чаще женщин заканчивали ведомственный вуз, что логично — набор девушек в вузы МВД до сих пор ограничен. Именно ведомственные вузы служат «локомотивом» мобильности — на них приходится более 50% образовательной мобильности следователей. Так как ведомственные вузы есть далеко не в каждом регионе, тот факт, что следователь имеет опыт образовательной мобильности, скорее всего, означает, что он учился в таком вузе.

Выбор вуза не связан с наличием/отсутствием в семье родственников-правоохранителей, также как ведомственность вуза не влияет на

¹ См.: Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. Указ. соч.; Моисеева Е. Юридическое образование в России: анализ количественных данных. СПб., 2015.

Таблица 4

Наиболее распространенные модели получения образования, % (N = 595)

В каком вузе Вы получали юридическое образование?	Форма получения образования				Всего
	Дневное	Вечернее	Заочное	Другое (в том числе ускоренное)	
Юридический факультет классического университета	18,2	1,2	16,0	1,1	36,5
Вуз МВД	27,7	0,5	8,9	0,2	37,3
Другой специализированный юридический вуз	3,9	0,3	7,4	0,9	12,4
Юридический факультет другого отраслевого вуза	5,2	0,2	6,4	0,6	12,4
Другое	0,5	0	0,7	0,2	1,3
Всего	55,5	2,2	39,3	3	100,0

последующее занятие руководящей позиции. Распространенное мнение о том, что ведомственные вузы воспроизводят профессиональные династии, не находит эмпирического подтверждения.

Отметим, что существует позитивный возрастной тренд — с уменьшением возраста следователей увеличивается доля получивших очное образование. Если среди тех, кто старше 35 лет, заочное образование получали две трети следователей, то среди тех, кто моложе 30, — уже три четверти получили очное юридическое образование.

В трех из четырех случаев (72,2%) работа следователем оказывается единственным опытом работы, примерно такая же доля не имеет никакого образования кроме высшего юридического (исключая ведомственное среднее образование МВД). Остальные 27,8% распадаются на множество мелких групп, анализ которых для общих выводов невозможен, так как в каждой группе окажется слишком мало случаев для того, чтобы делать статистически значимые выводы.

Профессиональные ценности: раскрывать или расследовать, наказывать преступника или возмещать ущерб?

Одной из особенностей российской правоохранительной системы является унаследованное от советской правовой системы¹ разделение на следователей, дознавателей и оперативных уполномоченных (или

¹ См.: Головки Л. В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6—8 октября 2010 г. / сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. М., 2012. С. 26.

в более широком смысле на органы дознания¹ и оперативно-розыскные службы). Выделение таких процессуальных фигур, отделение их от прочих общеполитических служб должно было обеспечить независимость принятия решений следователями. Как мы уже говорили, в более глубокой исторической перспективе фигура следователя и идея его процессуальной независимости восходит к следственному судье — должности, появившейся во время судебной реформы 1864 г.² Именно следователь в России принимает наибольшее количество решений в ходе расследования уголовного дела.

Противоречивость фигуры следователя очевидна, если обратиться к дискуссии о возможностях реформирования этого института. В России обсуждаются противоположные траектории развития. Одна — разделение следователей и оперативников на различные ведомства как продолжение реформы по выделению Следственного комитета из прокуратуры. В рамках этого подхода все следователи должны работать в отдельном ведомстве и никакого, кроме Президента, общего начальства с представителями служб, занимающихся розыском преступников, не иметь. Другая траектория основана на идее о необходимости четкого разделения полицейской, прокурорской и судебной функций. Дело полицейских — раскрывать преступления, прокуроров — решать вопрос о предъявлении обвинения и передаче дела в суд, судей — осуществлять правосудие. В этой траектории роли следователя и оперативника практически сливаются в одну³, более близкую современному положению оперативного работника. Следователь становится, по большому счету, просто «старшим оперативником», который, в отличие от «младшего оперативника», работает с бумагами.

Раскрывать или расследовать? Бюрократы и детективы

Исходя из дискуссии о месте следователя, а также из анализа интервью со следователями, мы дали два варианта ответа на вопрос о том, что составляет основное содержание его работы. Сейчас мы рисуем общие контуры того, как следователи видят свою позицию в профессиональном мире.

Первый вариант основан на предположении о том, что следователь в своей повседневной работе ориентируется на формальные цели уголовного процесса, закрепленные в кодексах. Согласно закону уголов-

¹ К которым относятся и участковые уполномоченные, проводящие проверку в порядке ст. 144—145 УПК РФ, по результатам которой принимается решение о том, есть ли основания для возбуждения уголовного дела.

² См.: Смирнов А. В. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета // URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html.

³ См.: Головки Л. В. Указ. соч. С. 27.

ное дело возбуждается при наличии достаточных оснований полагать, что совершено преступление. При этом не важно, есть ли на момент возбуждения уголовного дела подозреваемый. Это предполагает, что в производстве следователей находится ряд уголовных дел о нераскрытых преступлениях. Методическая литература для следователей содержит рекомендации о раскрытии преступлений. Например, о том, какие версии можно выдвигать, основываясь на информации, имеющейся в деле, как их проверять и т. д. Из этого можно заключить, что следователи участвуют в раскрытии¹ преступлений. При этом следователь не единственный, кто работает над раскрытием преступления. Он или концентрируется на раскрытии преступления путем следственных действий², или руководит оперативниками, например при выезде в составе СОГ или в ходе расследования уголовного дела.

Дознание — кузница кадров для следствия, потому что человек с таким опытом умеет организовать выезд следственно-оперативной группы на место преступления. Он может анализировать процесс, потому что у него есть опыт: суммировать, давать указания, вывести на раскрытие преступления.

Следователь МВД

Однако следователи МВД редко (в нашей выборке — практически никогда) рассказывают о своей активной роли в раскрытии преступления. Если и встречаются описания роли следователя, в которой следователь сомневается в заключениях оперативников, то это чаще всего связано с тем, что ему не кажется очевидной вина подозреваемого, найденного оперативниками.

Следователь должен быть независим и объективен. Бывает, ты внутренне убежден, что этот человек виновен, но у тебя нет доказательств. Как я имею право человека привлекать к уголовной ответственности, если он не виновен? Бывает другое: доказательства показывают, что виновен этот, но ты внутренним чутьем понимаешь, что что-то здесь не так.

¹ Описания именно такой ситуации имеются, но относятся ко временам следствия прокуратуры. Например:

В: Прошу прощения, если это глупый или очевидный вопрос, следователь тоже отвечает за раскрытие?

О: Да-да-да! (...) Это было еще в пределах одного ведомства. (...) Если следователю поступает нарекание на ведомственном совещании, отговорки, что это опера плохо сработали, не принимаются. Вы — следователь, вы должны организовать раскрытие преступления, отработку версий. Конечно, при помощи служб, но не за их счет. Хотя фактически получается, что громкие задержания производятся оперативными работниками, но следователь должен быть инициатором и подвести к этому оперативных работников.

Следователь СКР

² Раскрытие преступления возможно посредством оперативной работы (неформальной) или посредством следственных действий (формализованных).

Что человеком кто-то прикрывается. Значит, если у тебя хватит твоего профессионализма — НАЙДИ того, кто истинный виновник. Понимаете? Найди — вот то тонкое звено, которое может доказать, что все-таки этот не виновен.

Следователь МВД

Второй вариант основан на результатах наших предыдущих исследований¹ и предполагает, что следователи расследуют только те уголовные дела, в которых есть подозреваемый. При этом содержательная работа по поиску виновного лица и информации, которая затем будет оформлена как доказательства, смещается на стадию доследственной проверки, следователь в ней не участвует.

О1: Раскрывают, как правило, у нас оперативники. Предоставляют информацию, а мы уже доводим дело до ума. То есть установили подозреваемого, начинаем допрашивать, обставляться, допросы свидетелей, потерпевших, следственная проверка показаний, следственные эксперименты, все вот это. В плане раскрытия у меня на практике было одно дело, которое следственным путем раскрылось.

В: Понятно. А кто в первую очередь фокусируется на раскрытии? Это Ваша задача, или это оперативные работники, или это участковые?

О2: Ну в целом это, конечно, общая задача, но на раскрытии больше работают опера. То есть у них больше возможностей. Нашу работу можно сравнить с делопроизводством. Мы все фиксируем, пишем, печатаем. А вот такого, как у оперов: поехал, кого-то поспрашивал, кто-то ему на ухо шепнул, у нас такого нет.

В: Понятно.

О2: Бывает, информация поступает от участковых. У них в этом плане тоже больше возможностей, у них доверительные отношения с местным населением. Хороший участковый — это много значит.

Следователи МВД

В МВД много уголовных дел о нераскрытых преступлениях, которые в зависимости от региона имеют разное жаргонное название, самые известные, благодаря литературе и сериалам, «глухарь» и «висяк». Можно было бы предположить, что в тех делах, где подозреваемого нет, часть работы по раскрытию достается следователю. Весьма распространена практика, в рамках которой расследовать такие уголовные дела поручают молодым следователям для получения опыта.

И еще один момент: у нас не было раньше деления на дела «без лиц»² и «с лицами». Сейчас у нас *девушка занимается конкретно делами*

¹ См.: Панях Э., Титаев К., Шклярук М. Указ. соч.

² С целью анонимизации региона мы заменили профессиональный сленг — региональный эквивалент «глухаря/висяка» — на смысловые понятия.

«без лиц» — следователь. Все остальные следственные дела («с лицами») расследуют в другой части межрайонного отдела. Там тоже *молодой человек занимается делами «без лиц»*, остальные следственные дела расследуют. Поэтому у них дел побольше, потому что нераскрытые дела расследуют. А мы именно те, у которых есть судебная перспектива.

Следователь МВД

Дела, где подозреваемого не установили сразу, часто считаются бесперспективными. Работа по ним ограничивается совершением всех положенных формальных действий.

О: Сначала, когда ты приходишь, тебе дают просто нераскрытые уголовные дела. Ты их расследуешь. Ничего там, конечно, такого замудренного нет. Показали примерно схему, как что делать.

В: А что входило в схему?

О: Инструкция в действии (*смеется*). Ну, ничего такого, в основном кражи же. Нераскрытые кражи: допрос потерпевших, свидетелей, ну, если там экспертизы какие-то — дактилоскопическая, трасологическая, поручения в органы дознания, потом справочку о проделанной работе получаешь. В рамках этого работа твоя по нераскрытым делам приостанавливается.

Следователь МВД

Следователи не должны считать себя ответственными за раскрытие преступления, поскольку раскрыть преступление — это задача оперативного работника или иного сотрудника полиции.

В: Часто бывают нераскрытые преступления, когда возбуждается дело, а подозреваемого нет?

О: Конечно. Чаше, чем есть человек.

В: И что потом, как опера в этом участвуют?

О: Если нет следов на месте преступления, то, естественно, только оперативным путем можно это дело раскрыть. Когда нет информации, опера применяют свои методы.

В: А Вы как-то в этом участвуете?

О: В оперативном сопровождении? Нет. Только по поручениям¹.

В: Вы дело возбудили, и дальше, если оно не раскрыто?..

О: Согласованные планы, поручения в службу, не только оперативную, но и участковому, то есть обрабатывается круг лиц.

В: А как они их раскрывают?

О: У них же есть свои какие-то заморочки.

В: Что Вы видите в итоге? То есть они приводят Вам человека...

¹ О практике поручений мы расскажем ниже.

Таблица 5

Ответы на вопрос «Кто на практике обычно раскрывает преступление?»

Вариант ответа	Количество	Доля, %
Тот, кто проводит проверку в порядке ст. 144—145 УПК РФ ¹	139	21,6
Следователь	68	10,5
Оперативник	430	66,7
Иное	8	1,2
Всего	645	100,0

О: Мы видим рапорт оперативного работника или участкового, например, о том, что кражу совершил такой-то человек. И его объяснения. Или вдруг сам пришел, такое же тоже может быть. *Редко, правда*.

Следователь МВД

Следователь должен подключаться только тогда, когда подозреваемый в первом приближении установлен и нужно решать вопрос о том, можно ли юридически корректно доказать его вину, и если да, то как это нужно сделать.

Выше мы уже показали, что сами следователи видят себя скорее специалистами-юристами, занимающимися доказыванием вины и квалифицированным описанием обстоятельств преступления, а не теми, кто должен установить преступника. Идеологическая позиция, связанная с тем, что «следователь доказывает, а не раскрывает», полностью совпадает с тем, как с точки зрения следователей организована их повседневная работа.

Так, две трети следователей ответили, что обычно на практике преступления раскрывает оперативник, каждый пятый — что тот, кто проводит доследственную проверку (это может быть и оперативник, и участковый, и дознаватель, и даже следователь, но главным будет то, что раскрытие происходит до возбуждения уголовного дела). Только каждый десятый полагает, что раскрывает преступление следователь (табл. 5). Другими словами, следователь, самостоятельно раскрывающий преступление, воспринимается как относительно редкий случай. Описание типовой ситуации, которое станет озвучивать следователь, когда дает интервью неспециалисту, будет звучать следующим образом:

¹ Эти две статьи УПК РФ описывают порядок проведения доследственной проверки. Переводя с профессионального языка — тот, кто собирает материалы до того, как принято решение о том, будет ли возбуждаться уголовное дело. Это может быть участковый, сотрудник ППС, оперативный работник или вся СОГ.

В: А как соотносится работа следователя и работа оперативника?

О: Они взаимодействуют между собой. Оперативник раскрывает преступление, а следователь расследует его.

В: А в чем разница между этими понятиями?

О: Оперативник раскрывает преступления, то есть ему нужно провести оперативное мероприятие, чтобы установить лиц, совершивших преступление, установить орудия преступления, установить, где находится похищенное имущество. Потом он всю эту информацию предоставляет следователю, а следователь уже должен эту информацию обработать.

Руководитель следственного отдела МВД

Мы протестировали связи ответов с регионом, позицией руководителя, размером отдела и числом оперативников в расчете на одного следователя. Значимых закономерностей найдено не было. При этом полагают, что дело раскрывает именно следователь, склонны те респонденты, которые имеют большую нагрузку.

Выпускники вузов МВД чаще других описывают работу следователя как детективную работу по раскрытию преступлений, а не по доказыванию вины уже установленного преступника (табл. 6).

Те, у кого в семье не было работников правоохранительных органов, несколько чаще считают важнейшим признаком профессионализма — раскрытие преступления (установление подозреваемого): 20,0% против 13,1% (тех, у кого есть родственники среди правоохрани-

Таблица 6

Ответы на вопрос «В чем в первую очередь состоит профессионализм следователя?» и тип вуза, % (N = 596)

Вариант ответа	В каком вузе Вы получали юридическое образование?					Всего
	Юридический факультет университета	ВУЗ МВД	Другой специализированный юридический вуз	Юридический факультет другого отраслевого вуза	Другое	
Умение устанавливать подозреваемого исходя из результатов следственных действий	14,2	24,5	15,1	7,5	12,5	17,1
Умение грамотно провести следственные действия после установления подозреваемого	85,8	75,5	84,9	92,5	87,5	82,9
Всего респондентов	219	216	73	80	8	100,0

Таблица 7

Ответы на вопрос «В чем в первую очередь состоит профессионализм следователя?» в разных династических ситуациях (правоохрана), % (N = 647)

Вариант ответа	Есть/были ли в Вашей семье работники правоохранительных органов?		Всего
	Были	Не было	
Умение устанавливать подозреваемого исходя из результатов следственных действий	13,1	20,0	17,2
Умение грамотно провести следственные действия после установления подозреваемого	86,9	80,0	82,8
Всего респондентов	267	380	100,0

Таблица 8

Ответы на вопрос «В чем в первую очередь состоит профессионализм следователя?» в разных династических ситуациях (юриспруденция), % (N = 644)

Вариант ответа	Есть/были ли в Вашей семье юристы?		Всего
	Были	Не было	
Умение устанавливать подозреваемого исходя из результатов следственных действий	12,7	18,6	16,8
Умение грамотно провести следственные действия после установления подозреваемого	87,3	81,4	83,2
Всего респондентов	204	440	100,0

телей). Так вот, те, кто социализировался вне правоохранительной системы, чаще транслируют представление о работе следователя как о детективной (табл. 7).

Тенденция считать работу следователя скорее «детективной», а не «бумажной» есть и среди тех, у кого в семье не было юристов (табл. 8).

Тем не менее большинство следователей воспринимают свою работу как бюрократическую:

Я же говорю: следователь работает только с тем, что ему предоставляют. Он сам не ищет, не ходит, не роет. Единственно, у него есть, конечно, возможность запросы посылать. Замечательно, если ему ответит какая-то суперорганизация, что все в цвет, все совпадает. Это бывает иногда, но очень редко. Поэтому следователь работает с информацией, которую ему предоставили. Если не наработали, естественно, мы сдать ничего не можем.

Следователь МВД

Однако такая бюрократическая работа — необходимость собирать и производить большое число документов — оправданна в глазах следователей. С одной стороны, без их работы уголовное дело не уйдет в суд, работа всего коллектива (оперативников, экспертов и т. д.) окажется бесполезной. С другой стороны, следователи — часть системы уголовного преследования, у которой есть декларируемые социально значимые цели. И следователи воспринимают достижение этих целей как значимый фактор, который влияет на чувство удовлетворенности от своей работы.

В: Что приятного в работе следователя?

О1: *Моральное удовлетворение, что ты сделал что-то хорошее: что вернулись деньги в бюджет, что нашел похищенное имущество.*

О2: Не знаю, мне кажется, еще коллектив, на самом деле. Потому что были порывы уволиться, когда были определенные проблемы с начальником, и все равно коллектив спасал. Потому что ты нужен. Когда дежуришь, садишься в эту дежурную машину, там эксперт сидит, опер сидит, водитель, вы едете и решаете какую-то проблему. Может, она и незначительная, но ты чувствуешь, что ты нужен. И как-то нервы уgomонятся, дальше работаешь.

Следователи МВД

Социальную значимость, полезность для общества работы правоохранительной системы следователи обосновывают, рассказывая о конкретных случаях из своей практики. Необходимость заниматься бюрократической работой компенсируется осознанием ее значимости и взаимоотношениями в коллективе. Однако это не меняет роли следователя — бюрократической, а не детективной. Он занимается оформлением бумаг, а не поиском информации.

Цели уголовного процесса: в чем смысл работы следователя?

Следующий стержневой вопрос, ключевой для понимания следственной работы — вопрос о сравнительной важности целей уголовного процесса. Их четыре, все они в той или иной степени продекларированы законом¹, их ранжирование не дает возможности выбрать нормативный ответ, а значит, выбор остается на усмотрение следователя.

¹ Статья 6 УПК РФ и ст. 2 УК РФ устанавливают в качестве таковых защиту потерпевших, защиту граждан от незаконных и необоснованных обвинений, предупреждение преступлений, обеспечение общественного порядка. Дополнительно ч. 2 ст. 43 УК РФ вводит понятие целей наказания: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений».

При этом за каждой целью стоит совершенно особая логика и идеология работы правоохранительных органов, системы уголовной юстиции и следователей. Следуя давно сложившейся в социологии традиции, американский социолог права Дональд Блэк классифицирует типы права как таковые и соответствующие им типы уголовного правосудия¹.

- Компенсация ущерба потерпевшему — реститутивный тип уголовного правосудия. Это наиболее современный подход, связанный с традицией, представляющей экономически-ориентированный взгляд на преступление. Практически любое преступление наносит конкретному потерпевшему или обществу в целом некоторый измеримый урон, и главное — этот урон компенсировать. В этом плане права индивидуального или коллективного потерпевшего выходят на первый план. Все остальные цели уголовного правосудия оказываются вторичными. При этом важно понимать, что речь может идти не только о прямой материальной компенсации — физическая изоляция преступника и связанные с этим страдания правонарушителя, из-за которого, предположим, потерпевший остался инвалидом на всю жизнь, являются одной из форм компенсации морального ущерба, понесенного жертвой.

- Наказание преступника — пенитенциарная традиция, связанная в первую очередь с позитивным² пониманием права. Преступник воспринимается прежде всего как посягнувший на установленный государством запрет. Проблема не в том, что он нанес ущерб кому-либо, но в том, что он посягнул на закон и в соответствии с этим законом должен быть наказан.

- Предупреждение преступности — коммунитарная традиция, опирающаяся на представления о том, что на первом месте — интересы сообщества. Задача уголовной юстиции — защищать сообщество и в первую очередь — будущее этого сообщества. Сегодняшняя активность правоохранительных органов должна сокращать количество преступлений завтра. В соответствии с российской традицией мы разделили этот вариант на два подтипа³:

изоляция преступника — наиболее общая для европейских стран традиция, опирающаяся на представление о том, что если определен-

¹ См.: *Black D. The Behavior of Law Bingley. Emerald, 2008.*

² Философская и юридическая традиция, понимающая установленный государством закон как основной источник права, обычно противопоставляется естественно-правовой школе, которая предполагает, что право существует и вне установленного государством закона.

³ Д. Блэк также говорит о консенсусном праве, цель которого — восстановление нарушенного баланса в обществе, но поскольку такой подход предельно далек от отечественной криминальной юстиции, мы не останавливаемся на нем.

ных людей не изолировать физически¹, то они с неизбежностью совершат новые преступления;

профилактика преступлений — идея, активнее, чем где бы то ни было, продвигавшаяся в Советском Союзе, связанная как с «воспитательным воздействием» суда на потенциальных преступников, так и с идеей «исправления» в местах лишения свободы или в процессе отбывания наказания, не связанного с лишением свободы. Была популярна в раннесоветский период и в 1960-е гг.² Предполагается, что вовремя примененные меры уголовно-правового воздействия способны как оказать влияние на окружение преступника, так и остановить его на пути к более тяжким преступлениям. Параллельно развивалась похожая традиция в европейской пенологии³, но ее рецепция в России оказалась довольно слабой.

Понятно, что когда следователь отвечает на вопросы анкеты, он не опирается на предложенные выше академические описания. Однако в интервью видно, что данные концепции так или иначе освоены следователем, как и любым юристом, связанным с системой уголовного преследования. Поэтому доминирование той или иной концепции является значимым маркером представлений следователей о том, как должна работать система уголовного преследования. Почти половина следователей самой важной целью считают наказание преступника, а еще более трети — изоляцию опасного лица. Таким образом, следователи воспринимают как важнейшие в первую очередь репрессивные цели уголовного процесса. Изоляция опасного лица является, конечно, и превентивной мерой, но также ориентирована на репрессию, а не, например, перевоспитание. В определенной степени это свидетельствует о том, что следователи не верят, что профилактика преступления и стоящая за ней концепция правосудия возможны в современной России. Хотя есть и альтернативное объяснение — наказание за малое преступление, наказание, не связанное с реальным лишением свободы, часто рассматривается внутри системы как профилактика.

Отметим при этом, что в интервью следователи говорят, что испытывают профессиональное удовлетворение не только, когда дело уда-

¹ Разбор происхождения и критику см.: *Кристи Н.* Контроль над преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГу западного образца. СПб., 2012; *Он же.* Приемлемое количество преступлений. СПб., 2011; *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Simon and Schuster, 2009.

² См. обзор: *Сундуров Ф. Р.* Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. Казань, 1976.

³ Обзоры см.: *Кристи Н.* Контроль над преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГу западного образца; *Он же.* Приемлемое количество преступлений.

ется направить в суд, но и когда пострадавшему удастся компенсировать ущерб.

В: Когда дела Ваши уходят в суд, Вы знаете, что дальше с ними происходит?

О: Да, я контролирую.

В: Почему Вам интересно?

О: Ну, у меня чувство собственного удовлетворения наступает (*улыбается*), что все хорошо. Если люди не являются (*в суд*), стараюсь помочь как-то, например, вызвонить сама этого человека. Мне не тяжело, я позвоню либо попрошу на личном контакте кого-то из оперативников, они съездят, привезут.

В: А что для Вас хороший результат в суде?

О: Судимость у человека! То, что человек понес наказание. Не всегда, конечно, оно бывает справедливым. Но это мнение суда, а мнение суда — единственно верное, наверное. Еще то, что дело не вернулось. Мне вообще хорошо, когда находят человеку похищенное имущество. Будь это хоть компьютер, хоть алюминиевый бачок! Потому что человек, когда приходил заявление писать, это имущество ему было дорого. Он для этого приходит, как правило. Редко кто приходит и говорит, что я хочу, чтобы нашли именно лиц, которые у меня что-то похитили. Ну и мне вот радостно, когда человек получает свое имущество...

Следователь МВД

В табл. 9 отражены данные опроса о важности целей уголовного процесса (в каждой строке — доля следователей, поставивших цель на соответствующее место).

Таблица 9

Ответы на вопрос анкеты «Расположите в порядке важности от 1 до 4 цели уголовного процесса», %

Вариант ответа	Самая важная	Менее важная	Не очень важная	Самая неважная	Ранг по среднему	Всего опрошенных
Компенсация ущерба потерпевшему	17,2	27,2	27,2	28,3	4	558
Изоляция опасного лица	37,9	29,5	20,1	12,4	2	556
Наказание преступника	46,6	26,1	16,9	10,4	1	556
Профилактика преступлений	29,7	18,7	19,5	32,1	3	555

Это довольно устойчивая структура ответов. Выявить связь с обычными демографическими (например, пол и возраст) или профессиональными (опыт работы, специализация и т. п.) характеристиками не удалось. Однако есть парные зависимости¹ для отдельных целей. Более загруженные следователи считают менее значимой компенсацию ущерба. Чем крупней отдел и больше оперативников работают со следователем, тем менее важной становится цель изоляции лица от общества. Также следователи, работающие с большим числом оперативников, считают менее важной профилактику. В общем, это может быть интерпретировано так: чем более бюрократической, рутинной является работа следователя, тем более репрессивной, дегуманизированной видит следователь ее цель, тем больше она ориентирована на позитивно-легистскую логику², т. е. такую, которая опирается на закон и ни на что кроме закона.

Молодые следователи, в отличие от своих старших коллег, оценивают «профилактику» преступлений как значительно более важную цель уголовной юстиции (36% против 26% в обеих старших возрастных категориях). Это можно интерпретировать как своего рода юношеский романтизм, но, скорее всего, это свидетельствует об отсутствии практического опыта, поскольку декларируемые этой группой профессиональные нормы очень близки к тем, которые излагаются в учебниках (табл. 10).

Ценностные модели следователей, о которых мы говорили выше, их представления о собственном назначении можно свести к двум образам — «следователь-детектив» и «следователь-бюрократ»³. В зависимости от того, какой образ является значимым, существенно различаются и представления о том, насколько важно наказание в уголовном процессе (табл. 11).

С вопросом о том, в чем же смысл уголовной юстиции вообще, соотносятся и вопросы о том, в чем состоит функция суда. Варианты, которые предлагались следователям, связаны с определенной теоретической логикой. Мы выделяем три основные модели судейства (и связанные с ними модели уголовного процесса) в зависимости от того, как мы описываем ситуацию в судебной системе.

¹ В социологии так называют связи между двумя переменными, в которых не учитываются другие возможные факторы.

² См.: *Титаев К.* Экспансия юридической профессии: юридикализация бюрократического языка в России. Постановочное эссе // Обратная связь: книга для чтения. Сборник статей и эссе к 60-летию Михаила Рожанского / под ред. *Д. Димке, К. Титаева, С. Шмидта.* СПб., 2014. С. 269—276.

³ Технически это просто разделение по ответу на вопрос, который приведен в табл. 6—8.

Таблица 10

Важность цели уголовного преследования «профилактика преступлений» для разных возрастных групп, % (N = 505)

Вариант ответа	Возраст			Всего
	Старше 35 (1979 г. р. и ранее)	30—34 (1980—1984 г. р.)	Моложе 30 (1985 г. р. и позднее)	
Самая важная	26,3	26,5	36,1	29,7
Менее важная	21,8	20,6	14,9	18,7
Не очень важная	14,7	21,9	22,7	19,5
Самая неважная	37,2	31,0	26,3	32,1
Всего опрошенных	156	155	194	505/100%

Таблица 11

Важность цели уголовного преследования «наказание преступника» для разных типов следователей, % (N = 542)

Вариант ответа	«Детектив»	«Бюрократ»	Всего
Самая важная	28,1	50,6	46,6
Менее важная	27,0	25,8	26,1
Не очень важная	30,3	14,3	16,9
Самая неважная	14,6	9,3	10,4
Всего опрошенных	89	453	542/100%

- Теоретические модели правосудия предполагают сложную и комплексную работу судьи — он восстанавливает справедливость, добивается адекватной компенсации для потерпевшего, назначает наказание, определяет обстоятельства, которые нужно устранить, чтобы преступление не было совершено повторно, и т. д. Суд, по большому счету, выходит за пределы простых задач уголовной юстиции, которые были описаны выше.

- В классическом инквизиционном процессе¹ в ходе судебного следствия судья и следователь становятся единой фигурой, цель кото-

¹ О разных моделях уголовного процесса и месте следователя в нем см.: *Смирнов А. В.* Модели уголовного процесса. СПб., 2000. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/smirnov_modeli/smirnov_modeli.pdf; *Он же.* Типология уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/smir>. Пользуясь случаем, мы благодарим А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского, дискуссии с которыми помогают нам лучше понимать особенности уголовного процесса в России.

Таблица 12

Ответы на вопрос «Какова, на Ваш взгляд, основная цель суда?»

Вариант ответа	Количество	Доля, %
Назначить наказание	155	23,7
Установить виновного	75	11,5
Восстановить справедливость	423	64,8
Всего	653	100,0

рой — установить виновного или даже, в советском варианте, возврат к которому сейчас обсуждается, «установить истину»¹.

• На основании исследований Института проблем правоприменения² мы сформулировали отдельную функцию суда — назначение наказания. Понятно, что ею функции суда не ограничиваются. Но в той системе ограничений, в которой действуют российские суды, рассматривая уголовные дела, эту функцию стоит выделить. Учитывая тот факт, что после предъявления обвинения реабилитируется менее 1% подозреваемых и обвиняемых, можно сказать, что суд не занимается вопросами виновности. Человек, который отправлен в суд в качестве обвиняемого, будет осужден. Единственное, что фактически определяет судья, — это итоговая квалификация преступления (хотя и она в большинстве случаев совпадает с той, которую дал следователь), вид и размер наказания. Формально именно судья ответствен за решение как таковое и, следовательно, за работу всех предшествующих «звеньев». Но в действительности основная задача суда в России сегодня — назначить наказание.

Интересно, что с точки зрения следователей задача судьи — восстановление справедливости. Так считают двое из трех следователей. Почти каждый четвертый следователь определяет задачу судьи как назначение наказания. Только 11,5% следователей считают, что виновного устанавливает суд (табл. 12). Как мы видим, формальную,

¹ Желая углубиться в дискуссию вокруг понятия «объективная истина» можно рекомендовать два тематических номера журналов, посвященных этой теме: тематический номер «Объективная истина в уголовном процессе: за и против законодательной инициативы» журнала «Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию» (приложение к журналу «Уголовный процесс») № 1 за 2015 г. (URL: <http://e.ugpr.ru/book.aspx?mid=21737>) и журнал «Библиотека криминалиста. Научный журнал» (2012. № 4. URL: <http://bkrim.ru/archive/5.html>). Также можно посмотреть статью С. А. Соловьева «Объективная истина — ключ к “ящику Пандоры” уголовного процесса России» (Уголовный процесс. 2015. № 6. URL: <http://www.soslovie-ab.ru/read/detail.php?id=87>).

² См.: Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. Указ. соч.

«высокую» модель работы суда декларируют как основную большинство следователей. На втором месте эмпирическая модель судьи, который назначает наказания. Судья-инквизитор, входящий в процесс с чистой головой и устанавливающий в ходе процесса истинного виновника, — это наименее популярная модель.

В ответе на этот вопрос есть некоторая региональная разница, но она невелика.

* * *

Итак, какую картину мы видим в итоге? Кто такой следователь и в чем его *raison d'être*¹?

В типовом случае следователь — это относительно молодая (чуть старше 30) женщина с очным или заочным высшим образованием, которая, скорее всего, не покидала пределов родного региона, а если и покидала, то для того, чтобы получить образование в ведомственном вузе. В одном случае из трех она представитель профессиональной династии — среди ее родственников есть работники правоохранительной системы или юристы, но в большинстве случаев она первый сотрудник правоохранительных органов в семье.

Именно такой человек будет играть ключевую роль в российской системе уголовной юстиции — готовить дела к направлению в суд. Следователь является элементом правоохранительной машины и работает в контакте с другими элементами. В рядовом случае следователь включается в работу тогда, когда у всех задействованных игроков есть твердое понимание, что преступление имело место и надо возбуждать уголовное дело. С этого момента задача следователя — собрать (иногда с помощью оперативных работников) и, что гораздо важнее, должным образом оформить всю доступную и имеющую значение информацию о произошедшем преступлении. Его работа состоит в производстве документов. Если задача оперативного работника — установить подозреваемого, то задача следователя — по установленным законом правилам сформировать пакет документов, который убедит суд в виновности конкретного лица. Или же, если судебной перспективы у дела нет (например, преступник не установлен), то документы покажут руководству, чтобы продемонстрировать, что все необходимые действия, направленные на то, чтобы найти виновного или доказать его вину, совершены.

Если описать содержание работы следователя, концентрируясь на содержании каждого конкретного дела, то мы получим следующее. Работа следователя сосредоточена на оформлении процессуальных

¹ Смысл существования (франц.).

документов и доказательств, своеобразной легализации информации, полученной на этапе доследственной проверки или в ходе работы оперативника по раскрытию преступления.

Следователь разделяет свою роль и роль оперативного работника. Он видит свою задачу в юридическом или бюрократическом сопровождении процесса уголовного преследования. Причем чем сильнее следователь укоренен в профессиональной культуре — чем он опытнее, чем плотнее его неформальные связи в правоохранительном и юридическом сообществе, — тем большую склонность к условно «юридико-бюрократическому» способу действия он проявляет.

Процесс работы и его смысл для следователя оказываются связанными с той должностной позицией, которую он занимает. Будучи частью правоприменительной машины, он считает целью уголовной юстиции наказание за преступление. Работа в коллективе позволяет воспринимать себя не как одиночного игрока, но как часть сплоченной команды, делающей общее дело.

При этом в той же мере, в какой следователь отделяет себя от оперативной работы, он отделяет себя и от судебной системы, цели которой следователь видит принципиально отличными от своих. Если сам он должен подготовить материалы уголовного дела, а цель уголовного процесса — это наказание виновного, то цель суда — восстановление справедливости. По большому счету, следователь всегда верит (практически безосновательно), что за ним есть суд, который, если что, «разберется».

Глава 2

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО — ГЛАВНЫЙ «ПРОДУКТ» ПОВСЕДНЕВНОЙ РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ: КАК И КЕМ ОН ПРОИЗВОДИТСЯ

Состав уголовного дела. — Документы в уголовном деле. — Следственно-оперативная группа. — Получение документов для уголовного дела вне пределов СОГ. — Бюджет времени следователя. — Постоянная перегрузка. — Состав следственного отдела. — Отношения внутри отдела. — Начальная профессиональная социализация

Эта глава посвящена тому, как устроена повседневная жизнь следователя — что он делает на работе и как выглядит результат этой работы. Мы не будем перечислять полномочия следователя, сформулированные в УПК РФ, т. е. то, что следователь имеет право делать, мы расскажем о том, что он делает на практике.

Еще в советских исследованиях, посвященных бюджетам времени¹, было показано, что распределение времени между разными видами деятельности — одна из самых важных характеристик той или иной работы. Конечно, для творческих профессий или профессий, предполагающих постоянную смену видов занятости, описание временных затрат не так важно. Например, представим себе такое описание для художника: стоит перед мольбертом 1 час 40 минут в день, водит кистью по мольберту 35 минут в день и т. д. Но для профессий, предполагающих производство относительно однотипного продукта, где высока стандартизация труда, такое описание является важнейшим условием понимания этой работы.

В художественной (в том числе претендующей на достоверное описание повседневности следователя и милиции/полиции) и мемуарной литературе профессия следователя часто подается как творческая, требующая в первую очередь не постоянной работы с бумагами, а вдумчивого анализа². Однако этот образ следователя относится к прошлому, поскольку его работа существенно трансформировалась в последние десятилетия. Современные эмпирические данные показы-

¹ См.: Бюджет времени. Вопросы изучения и использования / под ред. Б. П. Кутырева. Новосибирск, 1977.

² См., например: Топильская Е. Тайны реального следствия. Записки следователя прокуратуры по особо важным делам. М.; СПб., 2007; Безуглов А. Закон есть закон. М., 1979.

вают, что следователь, который может себе позволить провести полдня в размышлениях о том, как бы решить сложную юридическую или криминалистическую проблему¹, если и существует, то работает следователем по особо важным делам в управлении по субъекту Федерации. Всем остальным этого не позволяет нагрузка.

Именно поэтому вторая часть этой главы посвящена нагрузке. Чтобы понять, как происходит превращение выпускника юридического факультета в следователя, мы кратко рассматриваем практики научения основам следовательской работы — профессиональной социализации на рабочем месте. Завершает главу рассказ о том, как устроен коллектив следственного отдела. Разделение труда внутри него — еще один важный контекст работы следователя. Следственная работа в этом плане довольно парадоксальна. С одной стороны, следователь большинство времени работает в одиночку, скрепляет документы своей личной подписью и принимает их индивидуально. С другой — он всегда работает в коллективе, в котором существует специализация, обмен опытом и постоянная взаимная поддержка.

Уголовное дело: из чего оно состоит

Если опираться на официальные статистические данные, то получится, что средний следователь МВД рассматривает за год 33 материала проверок, из которых по 30 возбуждает дела. За год в производстве находится 48 дел, 7 из которых присоединяются к другим делам, 3 передаются по подследственности, 10 направляются в суд, 1 прекращается, 22 приостанавливаются², 5 остаются в производстве на следующий год³.

¹ Напомним читателю: это два основных типа задач, которые стоят перед следователем. Юридическая проблема — это вопрос приложения нормы закона к конкретной ситуации. Например, если человек залез в окно квартиры и начал совершать кражу, но был замечен хозяином и сбежал, унося краденый ноутбук, — это кража (тайное хищение имущества) или грабеж (открытое хищение)? Криминалистическая проблема связана с формами доказывания и закрепления доказательств. Например, как лучше доказать, что конкретную куртку со следами крови потерпевшего когда-либо носил подозреваемый: опросить свидетелей, провести одорологическую экспертизу (сопоставление запахов) или поискать на куртке волосы, микрочастицы кожи и т. д. Причем практическая работа следователя в решении юридической задачи отягощается еще тем, что для этого нужно знать практику «своего» суда. Для решения же криминалистической задачи необходимо знать реальные возможности «своих» оперативников и экспертов.

² За редким исключением, приостановление — это официальное признание того факта, что подозреваемого установить не удалось либо же подозреваемый установлен, но найти его невозможно. Фактически это нераскрытые дела.

³ Данные приведены на основании сводного отчета по России о следственной работе и дознании за январь — декабрь 2013 г. и сводного отчета по России о рассмотрении сообщений о преступлении за январь — декабрь 2013 г. URL: <http://data.openpolice.ru/>

Итак, за год следователь МВД в среднем подготовит 10 дел для передачи в суд, а еще 22 приостановит. Это очень консервативная оценка, основанная на официальной статистике и численности следователей. Если мы учтем отпуска, время на переподготовку, исключим следователей, работающих на региональном уровне со сложными делами, то эти цифры придется как минимум удвоить. В большинстве интервью следователи говорили о том (напомним, что мы разговаривали в основном со следователями, работающими «на земле», т. е. в районах и небольших городах), что необходимо направлять в суд как минимум два уголовных дела в месяц. При этом по приостановленным делам также нужно провести основную массу работы, которая будет показывать, что усилия для установления преступника предпринимались, но не дали результатов. Таким образом, в месяц (с учетом отпуска) следователь будет три-пять дел возбуждать и три-пять дел завершать (одно-три передавая в суд и два-три приостанавливая, но чаще приостановленными делами будет заниматься отдельный следователь). Практически все, что следователь сделал, так или иначе находит отражение в материалах уголовного дела. Итак, как же выглядит уголовное дело?

Уголовное дело в конце расследования — это подшитая в картонные корочки стопка бумаги. В процессе расследования следователи могут держать материалы дела в картонной папке или в папке-накопителе. К моменту ознакомления с материалами дела адвоката и обвиняемого, самое позднее — к моменту передачи дела прокурору оно должно быть подшитым. Основную часть дела составляют бумажные документы, к которым могут быть добавлены другие объекты. Например, CD-диск, конверт с пленкой с места происшествия, на которую сняли отпечатки пальцев, и т. д. Более крупные вещественные доказательства (к примеру, топор или фомка) будут храниться отдельно. Одной из типичных характеристик российского уголовного процесса является его письменный характер и сильная формализация, что подразумевает большой объем документов в уголовном деле. Наше исследование подтверждает это — дело меньше 50 листов встречается очень редко. Большинство следователей утверждают, что средний объем уголовного дела — свыше 100 листов (27,1%), 25,2% говорят об объеме от 101 до 200, 27,1% — о том, что объем больше 250 листов не является редкостью (табл. 13). Причем последний вариант (больше 250 листов) означает, что дело займет несколько томов, так как техни-

dataset/svodnyi-otchet-o-sledstvennoi-rabote-i-doznanii-za-2013; <http://data.openpolice.ru/dataset/svodnyi-otchet-o-rassmotrenii-soobschenii-o-prestupleniyah-za-2013>. Данные получены в рамках проекта: Амара М. И., Шклярчук М. С., Бегтин И. В. Указ. соч.

Таблица 13

Объем типичного дела

Вариант ответа	Количество	Доля, %
До 50 листов	19	3,2
51—100 листов	104	17,5
101—200 листов	161	27,1
201—250 листов	150	25,2
Больше 250 листов	161	27,1
Всего	595	100,0

чески предельный объем тома — это 300 листов. При этом следователь должен оставить в последнем томе место для не менее 50 листов, чтобы суд затем мог подшить к делу протокол судебного заседания, ходатайства, заявления участников и процессуальные документы.

Обратим внимание, что речь в табл. 13 идет не о структуре дел, а о том, как следователь описывает типовое дело, т. е. о том, что ему кажется максимально типичным в его личной практике. Таким образом, четверть следователей обычно расследует дела, которые занимают два тома или более, а половина — дела, по которым собирается 100—250 листов бумаги.

Что же входит в такое уголовное дело? Позволим себе привести рассказ следователя, который раскрывает содержание уголовного дела — показывает, чем же на практике занимается следователь и как формируется такое уголовное дело.

Следователь дежурит, поступает сообщение. В милицию звонит заявитель, сообщает: у моей бабушки похитили сотовый телефон. Собирается следственно-оперативная группа: эксперт, участковый, оперативник и следователь. Выезжает на место происшествия к этой бабушке, которая пишет уже соответственное заявление. Делают осмотр. Бабушка говорит: «Ко мне приходила ранее знакомая гражданка Иванова. После ее ухода я обнаружила, что у меня пропал сотовый телефон». Дальше обошли соседей, собрали доказательства, что видели эту гражданку, что телефон пропал, что потом заявительница приходила к ним, попросила позвонить на похищенный телефон. После этого съездили, взяли вместе с бабушкой распечатку звонков. Потому что, как правило, люди у нас считают, что это обязанность милиции все делать. Я подал заявление, на этом моя работа закончилась, больше я делать ничего не хочу. Хочу получить похищенное. Через несколько дней дело возбуждено. Это тридцать первого октября.

А двенадцатого ноября — через двенадцать суток — нашли ту Иванову. Она пояснила, что «да, телефон я взяла, потому что видела, как бабушка ушла в ванну, за мной никто не смотрел». Sim-карту по дороге выкинула, пришла к своей подружке. Они обе частенько употребляют спиртное. Предложила ей продать телефон. Сказала, что телефон нашла по дороге. Сказала, у меня паспорта с собой нет, давай ты сдашь. В любом городе сейчас этих скупок бывшего имущества целая куча, там принимают без всего. Они пошли, сдали телефон, который стоит пять тысяч, за семьсот рублей. Все. Выпили.

В: Кто в скупку поехал за этим телефоном? Вы или оперативника послали?

О: Нет, совместно. У нас такая практика. Мы съездили, изъяли сотовый телефон в скупке. В скупке договор составляют, когда принимают сотовый телефон — паспортные данные указывают. Все это изъяли, договор оставляем здесь, телефон возвращаем владельцу. Все, бабушке телефон вернули, соседей допросили, собрали характеризующий материал на эту Иванову. О том, что она не состоит на учете в психушке, требование в ИЦ (*информационный центр*) — справка о наличии или отсутствии судимостей. Сколько раз судима гражданка? Шесть раз, в двенадцатом году освобождена условно-досрочно на два года. Все, ознакомили всех с делом, составили обвинительное заключение, сейчас буквально опись печаталась (*смеется*), пока я с вами разговаривала, направила дело.

В: А сколько листов получилось в деле?

О: Сто. Ну вот без обвинительного заключения получилось сто тридцать два. Обвинительное заключение — девять листов. Это обычное, маленькое, типовое дело, не выдающееся.

Следователь МВД

Небольшое исследование материалов уголовных дел позволяет сопоставить с фактической ситуацией то, что говорят об их объеме следователи¹. При этом важно помнить, что есть существенная региональная специфика. Так, по результатам опроса, наиболее объемные дела — в Сибири, наименее — в Поволжье. Это может объясняться

¹ Исследование проводилось в 2014 г. в двух районных судах Санкт-Петербурга. Было отобрано и проанализировано 104 уголовных дела. Статистический анализ проведен Юлией Рабовски. Основные результаты представлены в статье: Шклярчук М. С., Рабовски Ю. В. Возможности эмпирического метода изучения правоохранительной практики (на примере расследования типичных уголовных дел) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 15—29. URL: http://enforce.spb.ru/images/Nauchnie_raboty/MShklyaruk/LSLP_2015_33.pdf. Мы признательны за участие в исследовании студентам юридического факультета РГПУ им. А. И. Герцена, а также А. В. Смирнову и Е. Г. Шадриной за организацию работы студентов и ценные консультации по ходу исследования.

разной практикой назначения экспертиз или, например, разницей в стандартах оформления документов. Соответственно, приводимые далее результаты исследования в Санкт-Петербурге не могут быть напрямую сопоставлены с данными опроса — они относятся к региону, в котором опрос не проводился, и охватывают дела, подследственные не только следственным органам МВД, но и дознанию всех видов, следствию СКР и ФСКН. Тем не менее краткий обзор результатов этого исследования позволит получить представление о том, из каких элементов состоит дело и какие шаги необходимо предпринять, чтобы направить уголовное дело в суд. Итак, мы можем выявить следующие типичные ситуации.

- В половине случаев в деле будет протокол обыска (скорее всего, обыск будет только один).
- В половине случаев в деле будут результаты осмотра места происшествия.
- В двух третях случаев в деле будут результаты одной или более (в трети случаев — более) экспертиз.
- Почти обязательно в деле будут показания свидетелей (более 80% дел), в типовом деле это будет два-три свидетеля.
- В половине случаев есть признательные показания обвиняемого¹. Среди тех, кто признательных показаний не дал, примерно поровну тех, кто отказался давать показания вообще, ссылаясь на ст. 51 Конституции РФ (и при этом среди них есть те, кто дал признательные показания в качестве подозреваемого, т. е. раньше, и те, кто не признал вину, но и не стал давать показаний), и тех, кто в показаниях излагал свою версию событий (и тем самым не признавал вину или признал ее частично).

Кроме того, в деле обязательно будут документы, характеризующие обвиняемого — справка о судимости, характеристика с места жительства или работы, справки из наркологических или психиатрических диспансеров и т. д. Другой обязательной частью является обвинительное заключение и документы, производимые следователем, — постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении лица в качестве подозреваемого и т. д. В деле, переданном в суд, в обязательном порядке будет протокол ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела.

¹ При этом отсутствие признательных показаний отнюдь не означает, что подозреваемый не признал свою вину. Он может сделать это на любой стадии, в том числе и в суде. По материалам изучения выборки из 10 тыс. уголовных дел, рассмотренных районными судами, обвиняемый полностью или частично признает свою вину в 92% случаев. См.: *Тумаев К. Д.* Предварительное заключение в российской уголовной юстиции: социологический анализ вероятности предварительного заключения и его влияния на решение суда // *Экономическая социология*. Т. 15. 2014. № 3. С. 88—118.

Рис. 2. Ответы на вопрос «Какие источники сведений о фактах Вы предпочитаете (не более двух)?». Доля ответивших, % (N = 651)

Понятно, что практика для разных категорий дел очень сильно различается. Так, в «наркотическом» деле обязательно будут материалы экспертизы, но практически никогда не будет показаний потерпевшего, в «имущественном» же деле все будет ровно наоборот. Однако такое общее описание того, что присутствует в уголовном деле, позволяет понять, как идет работа следователя.

В опросе самыми популярными источниками сведений о произошедших событиях оказываются результаты экспертиз и примерно в половине случаев показания свидетелей (рис. 2). И это несмотря на то, что система экспертиз в России крайне неудобная — 88,4% следователей именно длительность экспертиз назвали одной из двух основных причин, по которым дело не удается расследовать в указанные сроки (это самый популярный ответ, на втором месте — «число других преступлений, совершенных тем же лицом» с 46,0%).

При этом состав документов в приостановленном и в переданном в суд деле будет в целом примерно одним и тем же. Конечно, в приостановленном деле не будет показаний подозреваемого, но большая часть прочих документов останется. Итак, что же делает «среднестатистический» следователь за типовой месяц?

- Выносит три-пять постановлений о возбуждении уголовного дела, два-три — о приостановлении и готовит одно-два обвинительных заключения.

• Проводит один-два обыска и один-два осмотра места происшествия. Это, так же как и допросы, он может поручать оперативным работникам или другим сотрудникам полиции, но следователь редко так поступает.

- Назначает две-четыре экспертизы.
- Проводит 8—10 допросов (включая допросы потерпевших, свидетелей и подозреваемых).
- Направляет пакет запросов в различные инстанции для получения документов (например, в психоневрологические диспансеры или другие медицинские учреждения). Однако точное количество запросов, которые следователь направляет в месяц, оценить сложно. По нашим данным, от 10 до 20 запросов.
- Готовит одно-два ходатайства или других документа в суд.

В случае специализации следователей и концентрации работы следователя только на делах с перспективой направления в суд количество допросов и ходатайств в суд увеличивается минимум в два раза. Дела, направляемые в суд, обычно значительно объемней приостановленных.

Большая часть этих действий распадается на отдельные виды деятельности. Так, чтобы провести обыск, нужно собрать и документально зафиксировать информацию о принадлежности или использовании обыскиваемого помещения, подготовить постановление о проведении обыска, получить санкцию суда, в случае необходимости подготовить необходимые документы для привлечения к обыску сотрудников полиции, подготовить протокол по результатам обыска, документы, подтверждающие ознакомление всех участников с их правами и результатами обыска. Большая часть этих документов окажется в материалах уголовного дела. Поскольку считается, что слишком объемным дело не бывает, это могут оказаться и относительно бессодержательные документы, которые попали туда просто потому, что была возможность их к делу приобщить. Таким образом, обыск, даже не давший вообще никаких результатов, потребует для своего оформления 5—10 листов бумаги. То же касается и остальных следственных действий — экспертиз, осмотров места происшествия и т. д.

При этом российская традиция предполагает очень подробное расписывание всех мелочей¹, которые имеют к делу хоть какое-то отношение. Приведем пару обширных цитат из интересного учебного пособия А. Ю. Шапошникова, которое вскоре должно быть издано. Опытный следователь поучает студентов, как надо фиксировать действия в ходе осмотра места происшествия.

«Не просто вписывать, а еще и так, чтобы эти отметки совпадали с описанием предметов и объектов, которые вы фотографировали.

¹ Подробнее о происхождении этой традиции см.: Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Тутаев К. Указ. соч.

Пишется это примерно так: «Следователем с использованием цифрового фотоаппарата Nikon Coolpix с разрешением 16,0 МР с жестко-встроенным объективом NIKKOR 6X WIDE OPTICAL ZOOM VR с фокусным расстоянием 4,6—27,6 мм осуществлялась ориентирующая фотосъемка места происшествия методом круговой панорамы, светочувствительность матрицы 100 ISO, диафрагма 11, выдержка 1/125 секунды, расстояние 20 м, выполнено четыре фотоснимка, фото № 1—4». Точно так же расписывается каждый последующий прием фотосъемки. Вообще применение любых технических средств фиксируется в протоколе подробнейшим образом»¹.

«...В этой части протокола пишем: “В ходе осмотра проводилась фотосъемка, всего выполнено 10 фотоснимков, которые сохранены на флэш-карте (подробные данные карты), которая передана следователю для печати фотографий и оформления фототаблицы”. А дальше в разделе “К протоколу прилагаются” пишем: “Приложение № 1. Схематический план территории Самарского государственного университета; Приложение № 2. План-схема места происшествия; Приложение № 3. Фототаблица по ее изготовлению следователем”»².

Приведем для сравнения фрагмент из интервью, в котором опытный следователь, перечисляя наиболее частые ошибки, описывает, чему нужно учить молодых специалистов.

Молодые сотрудники, естественно, хотят научиться и, естественно, допускают ошибки. При составлении документов кто-то спросит, как сделать, а кто-то сам сделает. Потом это все приходится разгребать. Мы же не можем просто исправить. Допустим, в постановлении о возбуждении уголовного дела указаны неправильные инициалы лица. (...) А исправления в таких документах не допускаются. Что делать? Если направить в таком виде дело в суд, прокуратура его вернет. Скажет, что неверно указаны данные, личность не установлена, расследование проведено не в полном объеме. Есть такого рода, как мы говорим, подчищающее постановление следователя. Согласно нашим нормам УПК следователь имеет право вынести постановление, где просто указываются эти моменты. (...) Например, в ходе следствия установлено, что это гражданин Иванов И. С. и указанные инициалы И. И. считать И. С. Если этого подчищающего постановления не будет вынесено следователем, то может быть дополнительное расследование. Естественно, молодые сотрудники немножко невнимательны в каких-то датах. Как говорится, компьютерная болезнь. Я распечатала текст, прежде чем его подписать, я его сна-

¹ См.: Шапошников А. Ю. Практическая криминалистика. Ч. 1: Криминалистическая техника. Гл. 1. (Рукопись готовится к изданию.)

² Там же.

чала прочитала. Ага, увидела опечатки, (...) поверх одного документа напечатала другой. Заметил, исправил, перепечатал. Молодой сотрудник что у нас время от времени делает? Напечатал, сразу же подписал, вставил, отдал, копию в надзорное производство в прокуратуру направил. Извините, уже ничего нигде не перепечатать, уже ничего нигде не исправить.

Следователь МВД

Если каждое действие зафиксировано таким образом, становится понятно, как возникают 500—700 страниц, которые следователь в течение месяца (25—35 страниц в день) подшивает в уголовные дела. Следователь формирует уголовное дело, совершая относительно немного (меньше одного в день) процессуальных действий и до 20 других рабочих манипуляций, которые не являются процессуальными действиями, например готовя один-три запроса/повестки за тот же день. При этом следователь может организовывать свою работу по-разному. Например, многие предпочитают объединять однотипные задачи. Неделя может выглядеть так: один день на дежурство в составе СОГ; один день — серия допросов, к которым иногда готовятся: продумывают список вопросов, порядок разговора; один — запросы и т. п.; один — назначение экспертиз. Но каждое такое действие требует очень серьезной бумажной работы, как с точки зрения оформления конкретного документа, так и с точки зрения количества документов на одно действие.

Описанная выше работа следователя, как стало понятно из интервью, распадается на несколько блоков:

1) работа по выполнению процессуальных действий (написание текстов ходатайств о продлении, принятии к производству, выполнение требований по ознакомлению и согласованию и другие формальности, включая написание обвинительного заключения);

2) работа с подозреваемым, обвиняемым (написание и предъявление обвинения, допросы и т. д.);

3) работа по получению доказательств (допросы свидетелей/потерпевших, обыски, осмотры места происшествия, выемки).

Таблица 14

Основное содержание работы следователя: описательная статистика, %

Вид работы	Среднее
Работа по выполнению процессуальных действий (N = 551)	39,2
Работа с подозреваемым/обвиняемым (N = 548)	29,4
Работа по получению доказательств (N = 547)	40,3

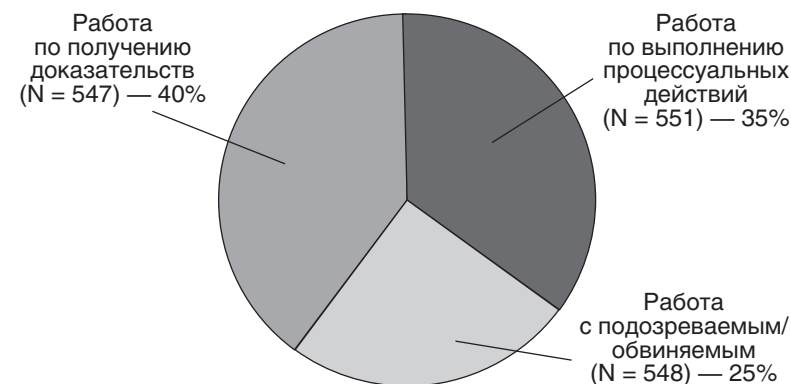

Рис. 3. Рабочий день среднестатистического следователя (медиана ответов на вопросы о доле времени, которую занимают разные виды деятельности)

Мы попросили следователей оценить, каковы пропорции этих видов работы. Результаты, приведенные в табл. 14, показывают, какую долю общего рабочего времени занимают разные типы работы (при этом вариация ответов очень небольшая, предельная ошибка¹ для каждого случая не превышает 1,8%).

Медианное значение ответа на этот вопрос делит работу по делу следующим образом: 35% уходит на выполнение процессуальной работы, связанной с формальностями расследования, 25% — на работу с подозреваемым/обвиняемым, 40% — на получение доказательств, что в данном случае чаще всего означает их оформление (рис. 3). Однако разница между ответами в регионах сильная: как и с объемом дел, мы можем говорить, что в этой части практики, сложившиеся в регионах, сильно различаются. Где-то гораздо больше внимания уделяют качеству документов, фиксирующих следственные действия, где-то — документам, которыми следователь оформляет свои решения.

Возникает естественный вопрос: а как выглядит процесс работы, результатом которой становится итоговое уголовное дело, — кто принимает участие в этой работе и какова последовательность действий? Напомним еще раз, что речь идет о типовых, рутинных делах, которые и создают основную нагрузку следователя. Понятно, что у каждого следователя раз в год или в несколько лет случается дело, которое

¹ Статистический показатель, указывающий, насколько истинные значения показателя могут отличаться от полученных на основании выборочного исследования.

требует нетривиальных подходов и о котором потом годами рассказывают коллегам. Но нас интересует именно повседневность, профессиональная рутина.

Уголовное дело: как оно возникает

Уголовное дело и следственно-оперативная группа (СОГ)

В большинстве случаев уголовное дело, с которым будет работать следователь МВД, начинается с выезда на место происшествия СОГ. В ходе исследования мы собрали много рассказов о роли СОГ в первоначальной проверке поступающих сообщений о преступлениях. СОГ формируется на базе отдела полиции из дежурных сотрудников различных служб (иногда могут привлечь следователя другого ведомства, но это, как правило, следователь СКР в случае обнаружения трупа и сотрудник МЧС при пожарах). Каждый день в отделе МВД дежурит сотрудник от каждой крупной службы: дежурный участковый, дежурный оперативник, дежурный следователь, дежурный эксперт или специалист, дежурный дознаватель. Они находятся на своем рабочем месте и — если нет вызовов — занимаются текущими делами (как правило, такими, которые легко бросить в любой момент). В составе СОГ на место происшествия может выехать как дежурный дознаватель с участковым, так и дежурный следователь с участковым, оперативником и экспертом-криминалистом, а то и просто участковый. Состав группы в каждом конкретном случае определяется оперативным дежурным или ответственным дежурным от руководителей отдела полиции. Например, когда речь идет об убийстве, будет вызван дежурный следователь СКР и на место обязательно отправится судмедэксперт. Когда речь идет о драке с применением оружия, вместе с группой, скорее всего, поедет экипаж ППС и т. д. В типичном случае квартирной кражи на место отправится следователь, специалист-криминалист, оперативник и (или) участковый. Основная задача СОГ — проведение максимально полной проверки в дежурные сутки по сообщению о преступлении, особенно по сообщениям, по которым очевидна перспектива возбуждения уголовного дела — неважно, раскрытого или нет. По сути, это выработанный практикой способ организации работы полиции по части категорий преступлений, сообщения о которых поступают в полицию. Собирая в одной группе несколько сотрудников для решения обычной, типовой задачи, полиция снижает издержки на взаимодействие подразделений (в некоторых случаях — ведомств).

В: А когда Вы возбуждаете уголовное дело, Вы уже представляете результат или еще нет?

О: Нет. Конечно, бывают такие ситуации, что ты уже знаешь примерно, кто это совершил (...). А бывают такие ситуации, когда состав преступления есть, но кто совершил, неизвестно. Бывают те же квартирные кражи, которые очень редко у нас раскрываются (...). А бывают такие случаи, что люди непосредственно указывают — они предполагают, кто это совершил. Тут отрабатывается сразу — дежурные сутки — люди устанавливаются, опрашиваются.

В: То есть если дело очевидное, то, возбуждая его, Вы уже знаете, что оно так или иначе...

О: Ну конечно. Если имеет перспективу однозначную, что да, раскроется не сегодня завтра. А бывает, конечно, возбуждается, а ты знаешь, что навряд ли оно раскроется.

Следователь МВД

Такое описание работы СОГ соответствует нормативному представлению, т. е. представляет работу так, как она должна, с точки зрения респондентов, выглядеть: выезд на место происшествия вместе со специалистами, нужными в данных обстоятельствах, сбор первичных доказательств, по возвращении — возбуждение уголовного дела и фиксация доказательств, достаточных для задержания подозреваемого или его точного установления. Социологический опрос дал следующую картину поступления материалов доследственной проверки к следователям: 50,2% следователей исключили ситуацию поступления к ним материалов, по которым не было проведено действий СОГ, еще 36,6% ответили, что, минуя СОГ, к ним поступает менее четверти материалов (табл. 15). Другими словами, через СОГ поступает большинство материалов. Исключения связаны с несколькими причинами:

переквалификацией дела (в случае, когда дела поступают от дознавателя, который мог получить материал от участкового (без работы СОГ));

Таблица 15

Ответы на вопрос «Какая часть материалов в Вашей практике попадает к Вам, минуя дежурную СОГ?»

Вариант ответа	Количество	Доля, %
Таких ситуаций не бывает	324	50,2
Менее 25%	236	36,6
От 25 до 75%	58	9,0
Более 75%	27	4,2
Всего	645	100,0

работой в сельской местности — там также чаще будет материал, проверенный до возбуждения дела только участковым;

делами, возбужденными по оперативным материалам, где главным является оперативное мероприятие (оперативный эксперимент или проверочная закупка), рапорты и документы, составленные оперативниками.

Взгляд руководителей на этот вопрос несколько отличается: только 15,8% ответили, что таких ситуаций не бывает, а 65,8% оценили число материалов без отработки СОГ в менее чем четверть от поступающих. Также отличается и ситуация по регионам. Северо-Запад и Поволжье чаще получают материалы без работы СОГ, но количество таких материалов меньше четверти от общего, в то время как в Сибири большинство следователей оценивают поступающие материалы как те, по которым работала СОГ. Связей с нагрузкой или структурой отдела не выявлено.

Довольно часто мы встречали следующее описание процесса проверки сообщений о преступлении: сначала работает СОГ, но по итогам суточной работы выясняется, что материалов для возбуждения уголовного дела недостаточно, поэтому проводится дополнительная проверка. В этом случае материал остается в дежурной части и утром его получает или другой следователь, или оперативный сотрудник, или участковый, которые затем проводят проверку уже по устоявшимся правилам. Бывают дни, когда СОГ полные сутки находится на вызовах, переезжая от места к месту, проводя осмотры и собирая объяснения. Часто после дежурства в СОГ следователь может выйти на работу через половину дня или через сутки, поэтому даже возбужденное уголовное дело может достаться другому следователю: не тому, кто возбуждал его в дежурные сутки. Отметим, что под дополнительной проверкой понимается продолжение проверки в порядке, установленном УПК РФ. На доследственную проверку УПК РФ отводит до 30 суток, причем первые трое суток не требуют продления срока проверки руководителем или прокурором.

Доследственная проверка и расследование: информация и доказательства

Закон предусматривает два разных вида работы: доследственную проверку (до возбуждения уголовного дела) и расследование (после возбуждения уголовного дела). Но в последние годы разница между ними все больше нивелируется, сегодня это признают даже юристы. «В деятельности следственных органов, при поддержке законодателя, происходит неуклонное смещение центра тяжести досудебного производства на стадию, предшествующую возбуждению уголовного де-

ла», — пишет Ю. А. Цветков, считая, что причиной этого является панический страх перед возбуждением уголовного дела, которое затем придется прекратить¹. А. В. Смирнов полагает, что на досудебной стадии следователи «в менее формализованных, а значит, комфортных для себя условиях выясняют все обстоятельства преступления, не будучи стеснены особыми процессуальными рамками»². Несмотря на то, что один из процитированных авторов скорее ориентируется на следователей СКР (которые больше опасаются «глухарей» и прекращений), а другой в большей степени оценивает теоретические стимулы законодательной регламентации, оба они отмечают смещение формально разделенных стадий уголовного процесса. Для МВД характерно разделение этих стадий по субъектам — разные функции выполняются сотрудниками разных подразделений. Так, большинство следователей (70,1%) отметили, что проверку до возбуждения уголовного дела проводит оперативник. Лишь 20% следователей полагают, что обычно по материалам такой проверки работает следователь.

Мы можем предположить, что мнение о том, что доследственную проверку проводит кто-то помимо следователя, связано с тем, что следователи в итоге получают только те материалы, которые подразумевают возбуждение уголовного дела. Таким образом, логично, что работа между первыми проверочными действиями и возбуждением дела поручается оперативнику, чья задача — «раскрыть преступление». Траектория движения материала от сообщения о преступлении до уголовного дела³ чаще всего такова:

проверка в течение суток силами СОГ → **установление подозреваемого** → возбуждение уголовного дела;

проверка силами СОГ → **неустановление подозреваемого** → поручение проверки оперативному работнику → проверка от 3 до 30 суток → → передача следователю для возбуждения уголовного дела с подозреваемым или без (последнее происходит, если не нашлось оснований утверждать, что преступления не было) (табл. 16).

Можно предположить, что это будет зависеть от того, насколько загружен следователь и каково количество оперативников в районе: чем больше загружены следователи и чем больше оперативников, тем реже следователь будет заниматься доследственной проверкой. Однако таких связей выявить не удалось. Но есть региональная вариация. Оперативный работник везде выступает основным субъектом дослед-

¹ См.: Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. С. 204—205.

² Смирнов А. В. Почему России нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс // Уголовный процесс. 2014. № 9. С. 81. Цит. по: Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. С. 205.

³ По делам, расследуемым следователями МВД.

Таблица 16

Ответы на вопрос «Если в течение дежурных суток не принято решение о возбуждении уголовного дела, то кто чаще всего проводит дальнейшую проверку, если она необходима?»

Вариант ответа	Количество	Доля, %
Следователь	98	19,2
Дознаватель	2	0,4
Оперативный работник	358	70,1
Участковый	41	8,0
Другое	12	2,3
Всего	511	100,0

Таблица 17

Ответы на вопрос «Если в течение дежурных суток не принято решение о возбуждении уголовного дела, то кто чаще всего проводит дальнейшую проверку, если она необходима?» в разных регионах, % (N = 511)

Вариант ответа	Регион			Всего
	Сибирь	Северо-Запад	Поволжье	
Следователь	26,0	26,4	9,4	19,2
Дознаватель	0,1	0,8	0,5	0,4
Оперативный работник	65,7	62,8	77,9	70,1
Участковый	4,1	9,3	10,3	8,0
Другое	4,1	0,8	1,9	2,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

ственной проверки, но в Сибири и на Северо-Западе вторым по частоте ответственным за проверку выступает следователь, а в Поволжье эту роль следователь делит с участковым уполномоченным (табл. 17).

Чем крупней отдел МВД (независимо от числа реально работающих оперативников и следователей), тем чаще проверкой сообщения о преступлении, по которому не возбудили уголовное дело в первые сутки после регистрации, занимается оперативник, а в самых маленьких отделах это обязанность участкового.

Затем материалы проверок попадают к следователям, которым приходится решать вопрос о возбуждении уголовного дела. Следователи явно разделяют качество работы разных полицейских подразделений.

Когда следователей просили оценить, кто поставляет им наиболее качественные материалы, то на первом месте оказались оперативные сотрудники уголовного розыска¹ (56,2% давших содержательный ответ указали это подразделение), на втором — оперативные сотрудники структуры по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией (14,8%). Был задан и обратный вопрос: какая из служб поставляет наименее качественные материалы? Участковых выбрали 47,2% давших содержательный ответ на этот вопрос, уголовный розыск — 24,6%. Третье место с долями ниже 10% делят структуры по борьбе с экономическими преступлениями и система дознания. Оперативники уголовного розыска получают наибольшее количество положительных оценок и не являются лидерами по числу отрицательных, это говорит о том, что их взаимодействие со следователями самое отработанное.

Итак, следователь в составе СОГ (или СОГ в ином составе) проводит первоначальную проверку материала, затем происходит возбуждение уголовного дела в «дежурные сутки», или, как правило, оперативным работником проводится проверка, после чего материал передается следователю для возбуждения уголовного дела. Раскрытие преступления (что до, что после возбуждения уголовного дела) — это, по мнению следователей, задача оперативника.

*Раскрытые и нераскрытые преступления в уголовных делах:
«перспективные» дела и «глухари»*

Но что происходит в тех случаях, когда подозреваемого приходится искать после возбуждения уголовного дела? Согласно опросу больше 50% следователей оценивают, что на момент возбуждения уголовного дела заподозренное лицо известно в менее чем четверти материалов, т. е. 75% процентов дел требуют поиска подозреваемого (табл. 18).

Здесь зафиксирована большая кросс-региональная вариация: на Северо-Западе больше материалов с заранее известным подозреваемым. Кроме того, чем меньше у следователя в производстве дел и чем меньше дел он получает в месяц, тем в большем количестве дел, с его точки зрения, заранее известно заподозренное лицо. Это означает, что в этом случае полиция отсеяла все бесперспективные (с неизвестным подозреваемым) дела до передачи следователю. В результате до следователя дошло меньше дел, его нагрузка уменьшилась.

Также чем крупнее отдел, чем больше в районе следователей и оперативников, тем чаще в деле, с точки зрения следователя, извест-

¹ Это устаревшее название, но оно до сих пор широко используется на практике, чтобы внутри оперативных подразделений полиции обозначить именно тех, кто работает с основной массой преступлений.

Таблица 18

Ответы на вопрос «В Вашей практике обычно в какой доле материалов на момент возбуждения уголовного дела известно заподозренное лицо?»

Вариант ответа	Количество	Доля, %
Менее 10%	170	26,0
Более 10%, но менее 25%	209	31,9
От 25 до 50%	167	25,5
От 50 до 75%	51	7,8
От 75 до 90%	39	6,0
Более 90%	19	2,9
Всего	655	100,0

но заподозренное лицо. То есть в крупных подразделениях чаще возникает возможность работать только по делам с лицами и больше возможностей для создания технологий отсека «неправильных» дел «без лиц». Таким образом, на практику очень сильно влияет организационный и технический контекст работы.

Специалисты Института проблем правоприменения уже отмечали¹, что существует фактический перенос принятия ключевых решений на более раннюю (или предыдущую) стадию расследования. Это значит, что решение о виновности принимается до начала расследования. Человек, который признан подозреваемым, практически никогда не реабилитируется в процессе судебного разбирательства. Уголовно-процессуальный кодекс дает следователю возможность сначала возбудить уголовное дело, если есть основания *полагать*, что совершено преступление, а потом это дело прекратить, если в ходе расследования будет установлено, что основания оказались ложными или недостаточными. Однако на практике так никто не поступает. В 2014 г. прекращалось менее 5% возбужденных дел, и даже в этих случаях нередко речь шла о том, что потерпевший своим поведением заставлял следователя прекратить дело² или же истекли сроки давности. Смещение стадий принятия решений на более ранние этапы для следователей — обыденность, оно не ощущается ими как что-то исключительное, а, напротив, описывается как стандартная ситуация.

¹ См.: Панеях Э. Л., Поздняков М. Л., Титаев К. Д. и др. Указ. соч.

² Само по себе изменение позиции потерпевшего не является основанием для прекращения уголовного дела, но нередко, когда он отказывается от показаний, следователь может посчитать, что такое дело «не устоит» в суде.

Кражи, мошенничества легкие, части вторые двести двадцать восьмых¹ — это незаконное хранение в особо крупном и просто крупном размере наркотических средств. Двести двадцать вторые — тяжкие преступления. Там есть сбыт оружия, незаконное хранение оружия. То есть это статьи, которые, по большому счету, легко доказываются. То есть тот материал, который к тебе уже поступил, там уже должны содержаться все доказательства. Если это наркотики — заключение эксперта и два свидетеля, при которых это все случилось. Тут все просто. Эти дела... в принципе при хорошей помощи оперативных сотрудников можно за две недели с ними управиться.

Следователь МВД

При изучении уголовных дел в Санкт-Петербурге² мы установили, что новая информация или доказательства в уголовных делах после того, как они были возбуждены, появляются нечасто — не больше чем в 30% дел, которые доходят до суда (табл. 19). По данным опроса, следователи более скептически оценивают возможность наличия полной информации на момент возбуждения уголовного дела, однако тоже отмечают, что новая информация впоследствии появляется редко. Так, новую информацию в более чем трех четвертях дел находят только 7,4% следователей, еще 18,5% обнаруживают новую информацию в диапазоне от половины до трех четвертей дел. В менее чем четверти уголовных дел находят информацию 41,5% следователей. В общем и целом большинство следователей (почти 75%) полагают, что более чем в половине дел новая информация не появляется. Однако

Таблица 19

Ответы на вопрос «Часто ли при расследовании уголовного дела обнаруживается новая информация или доказательства, о которых не было известно из материалов проверки?»

Вариант ответа	Количество	Доля, %
Менее 10% дел	78	11,7
Более 10%, но менее 25% дел	198	29,8
От 25 до 50% дел	216	32,5
От 50 до 75% дел	123	18,5
От 75 до 90% дел	38	5,7
Более 90% дел	11	1,7
Всего	664	100,0

¹ «Наркотические» статьи.

² См. сноску на с. 67.

мы бы предостерегли читателя от того, чтобы трактовать это так, будто следователь получает полностью готовое дело.

После возбуждения уголовного дела происходит то, что называется «процессуальное закрепление доказательств». Например, участковый побеседовал с соседкой, которая сказала, что видела, как именно этот человек выносил из квартиры телевизор. После этого следователю нужно официально допросить эту соседку и, возможно, провести процедуру опознания. С точки зрения здравого смысла на момент возбуждения уголовного дела все уже понятно, но с точки зрения формирования уголовного дела — процессуального закрепления доказательств, с точки зрения суда работа только начинается¹.

Конечно, когда мы смотрим на дела, дошедшие до суда, или разговариваем со следователями, внимание сосредоточено на раскрытых преступлениях, делах с подозреваемым/обвиняемым. Однако есть и другая категория дел — преступления, которые остались нераскрытыми. Это уголовные дела, по которым спустя некоторое время (чаще всего два месяца) расследование будет приостановлено. Как мы говорили выше, в разных регионах для наименования таких дел используются разные жаргонные обозначения, одним из самых распространенных является «глухарь». Именно эта категория дел используется для того, чтобы учить молодых специалистов расследованию: правилам оформления уголовных дел, протоколов следственных действий и т. д. Только потому, что ошибки, которые могут совершить молодые следователи, не повредят общей работе, поскольку шанс раскрыть такое дело и довести его до суда ничтожно мал.

При возбуждении таких дел подозреваемый был неизвестен, а общая информация о преступлении, исходя из опыта оперативников, следователей и их начальников, позволяла с высокой степенью вероятности прогнозировать, что подозреваемого установить не удастся. В МВД, где таких дел довольно много — 49,4% от принятых следователями к производству — они воспринимаются как «неизбежное зло»

¹ Существует обширная дискуссия о том, насколько такая модель разумна и не стоит ли перейти к какому-либо иному способу организации работы полицейских и следователей, но здесь мы касаться этой дискуссии не будем. Читатель может ознакомиться с ней, обратившись к работам Л. В. Головки, А. С. Барабаша и А. А. Брестера, А. В. Смирнова, А. С. Александрова и др. Последняя крупная дискуссия на тему другой организации работы следователей или отказа от фигуры следователей вообще разразилась после публикации проекта А. В. Смирнова о возрождении института следственных судей и проекта нижегородской группы процессуалистов под руководством А. С. Александрова. Подбор основных публикаций в рамках дискуссии доступен на сайте «Открытая полиция» (URL: <http://www.openpolice.ru/pages/reform/diskussiya-o-reforme-ugolovnogo-processa>), а также на сайте Международной ассоциации содействия правосудию (МАСП/IUAJ) (URL: <http://www.iuaj.net>).

и приостанавливаются в течение года (в отличие от СКР, в котором доля приостановленных дел от принятых к производству меньше 10% — 7,6% в 2014 г.). Конечно, нераскрытые преступления — это, несомненно, неприятное событие для всех сотрудников полиции (см. гл. 3 о влиянии показателей на работу следователей и исследования Института проблем правоприменения о роли показателей в работе полиции¹). Но нераскрытое дело — это не эксцесс, а вполне обычное событие. Если по такому преступлению возбуждают уголовное дело, то по нему точно так же проводят работу по сбору доказательств: осмотр места происшествия, изъятие следов, фиксация похищенного, при необходимости — назначение экспертиз. Нужно зафиксировать легальным, правильным образом все возможные доказательства. Они пригодятся, если через какое-то время найдется подозреваемый — например, пойманный при квартирной краже начнет рассказывать про предыдущие (наличие одинаковых следов взлома квартиры будет веским аргументом для поддержания признательных показаний, как и отпечатки/следы пальцев рук, если их раньше не было в базе данных).

Такие уголовные дела проверяют после приостановления прокуроры (а до них теоретически и начальники следственных отделов). В ходе проверки смотрят на законность и обоснованность приостановления следствия, что чаще всего (если проверка реально проводится) подразумевает контроль двух обстоятельств: все ли доказательства, которые надо было зафиксировать и собрать, собраны и все ли действия по установлению лица, причастного к преступлению, выполнены. Последнее означает, что потерпевший и свидетели должны быть допрошены на предмет того, не подозревают ли они кого-нибудь. В том случае, если они видели потенциального преступника, оперативным работникам должно быть дано поручение о проведении оперативных мероприятий по поиску причастных лиц. Но, как правило, внимание на приостановленные дела обращают лишь в том случае, когда потерпевший пожаловался на приостановление расследования. В большинстве случаев «глухари» так и остаются приостановленными и спустя несколько лет прекращаются в связи с истечением срока давности: в среднем в МВД в год прекращается миллион таких дел, а больше 15 млн стабильно числятся нераскрытыми за все предыдущие годы (поскольку около 1 млн в год добавляется).

¹ См.: Панеях Э. Л., Поздняков М. Л., Титаев К. Д. и др. Указ. соч.; Шклярчук М. С. Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы. СПб., 2014; Шклярчук М. С., Скугаревский Д. А. Указ. соч.; Панеях Э., Титаев К., Шклярчук М. Указ. соч.

Таким образом, получается, что работа следователя в основном сводится к оформлению процессуальных документов и доказательств, это своеобразная легализация информации, полученной на этапе следственной проверки или в ходе работы оперативника по раскрытию преступления.

Уголовное дело — это результат такой легализации каждого шага: допросов свидетелей, экспертиз изъятых материалов, осмотров мест происшествия и т. д. Уголовное дело — итог работы большого коллектива, который силами следователя обращается в форму, в которой его можно передать в архив или в суд.

Повседневная нагрузка

В производстве следователя находится одновременно несколько уголовных дел. Причем нередко одновременно несколько дел «с судебной перспективой» и несколько дел, которые со временем будут приостановлены в связи с тем, что лицо, совершившее преступление, не установлено. Количеством уголовных дел определяется нагрузка и рабочий график следователя. Это важные характеристики его повседневной работы.

По данным опроса, в производстве среднего следователя всегда находится 13,1 дела, в месяц он получает 6,4 новых дела. Медианное количество дел в производстве равно 9, а новых — 4. Цифры, названные выше¹, несколько меньше. Дело в том, что специфика работы следственных органов такова, что одновременно работает около половины следователей. Как и во многих других (особенно силовых) ведомствах, значительная часть сотрудников пребывает в отпусках (более длительных, чем в гражданских ведомствах), на очередном повышении квалификации, в командировках и т. д. Кроме того, сообщество неоднородно — следователь по особо важным делам, работающий на региональном уровне, может расследовать два дела в год, в то время как его коллега на низовом уровне будет «выдавать» в 10 раз больше дел. Напомним, что целевой группой опроса были следователи именно низового звена — те, кто работает на районном уровне. Более того, организация опроса была такова, что у следователя, работающего на более ответственной должности и занимающегося одной конкретной категорией дел, было больше шансов оказаться в числе опрошенных. Поэтому данные опроса сильно отличаются от усредненных цифр, рассчитанных нами на основании официальной статистики, которые предполагают, что: а) все наличествующие сле-

¹ См. начало этой главы.

дователи работают и б) что все они работают с одинаковой нагрузкой. Нельзя игнорировать, конечно, и привычку любого человека завышать свою нагрузку, но на значимость системных факторов это не влияет. Если выше при описании работы типового следователя мы опирались на цифры, соотносимые с официальными данными, то далее будем работать с опросными данными.

Общая картина такова: нагрузка руководителей значимо не отличается от нагрузки рядовых следователей, нагрузка разных возрастных категорий значимо не отличается между собой. В целом нагрузка следователей равномерная и не зависит от социально-демографических характеристик.

Обнаружена существенная региональная вариация: если в Поволжье следователь получает 7 дел в месяц, то на Северо-Западе — 4,5 дела. Это говорит нам о том, что организация работы и фактические обстоятельства в части нагрузки сильно отличаются от региона к региону. Ситуация, когда следователь получает одно-два новых дела в неделю, создает описанный выше объем работы, который нужно проделать по каждому делу, а это очень большая нагрузка.

Именно поэтому большинство следователей задерживаются на работе: практически половина делает это каждый рабочий день, еще 37,8% — несколько раз в неделю. Больше трети следователей выходят на работу в выходные каждую неделю, еще половина — каждые две недели. То есть следователь МВД в России перерабатывает в постоянном режиме. Неделя, когда он не задерживается на работе и не работает в выходные, редкость (табл. 20, рис. 4).

Наряду с объективными характеристиками нагрузки важно и то, какое количество времени тратится на выполнение той или иной работы. Опрос позволяет увидеть, каков реальный режим труда и отдыха у представителя той или иной профессиональной группы.

Таблица 20

Ответы на вопрос «Как часто Вам приходится задерживаться на работе или работать дома после окончания рабочего дня?»

Вариант ответа	Количество	Доля, %
Практически каждый день	334	49,3
Несколько раз в неделю	256	37,8
Примерно раз в неделю	73	10,8
Практически никогда	14	2,1
Всего	677	100,0

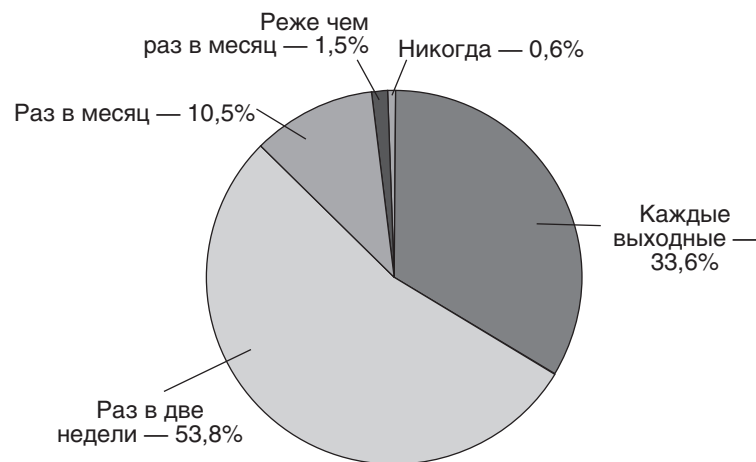

Рис. 4. Ответы на вопрос «Как часто Вы работаете в выходные?» (N = 673)

Причем такая нагрузка не связана с дежурствами, т. е. режимом, который подразумевает работу в течение суток. Как было рассказано выше, следователи регулярно выходят на дежурства в составе СОГ. Но эти дежурства в типовом случае не могут объяснить все переработки. Одна пятая следователей дежурит несколько раз в неделю, еще 26,1% — раз в неделю, но большое число следователей (40,4%) дежурят только несколько раз в месяц (табл. 21).

Давайте попробуем представить — раз в неделю человек выходит на суточное дежурство (а это нормальная ситуация почти для половины следователей). Следующий день по-хорошему должен быть выходным. Добавим два официальных выходных и увидим, что у следовате-

Таблица 21

Ответы на вопрос «В каком режиме лично Вы дежурите?»

Вариант ответа	Количество	Доля, %
Почти ежедневно	13	2,0
Несколько раз в неделю	130	19,6
Раз в неделю	173	26,1
Несколько раз в месяц	268	40,4
Реже чем раз в месяц	49	7,4
Никогда	30	4,5
Всего	664	100,0

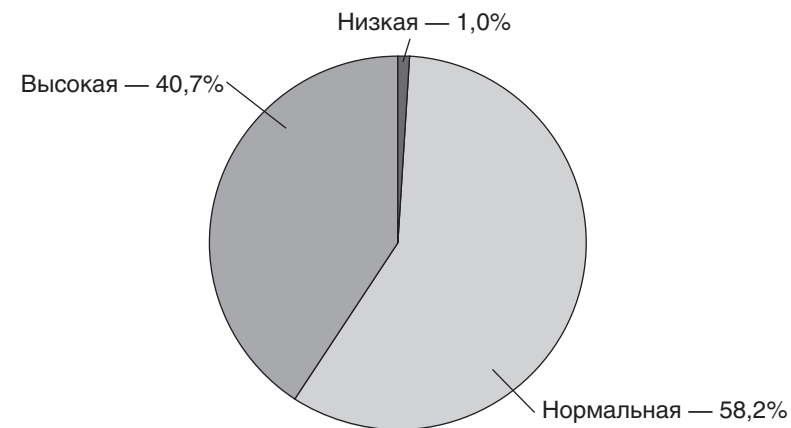

Рис. 5. Ответы на вопрос «Как Вы оцениваете свою нагрузку?» (N = 673)

ля формально остается три рабочих дня на то, чтобы сделать все, что описано в предыдущем разделе этой главы. Не будем также забывать, что в большинстве следственных отделов, в которых мы проводили полевую работу, практиковались ежедневные (часто и дважды в день) планерки, которые редко длились менее получаса.

Несмотря на это, большинство следователей (58,2%) оценивают свою нагрузку как нормальную, 40,7% — как высокую (рис. 5). Возможно, следователи воспринимают необходимость задерживаться на работе и работать в выходные как неотъемлемую часть работы.

Свободное время в принципе найти всегда можно. Если правильно все организовать, все можно. Задержаться на час-два. Вот по дежурству, например. Сегодня человека задержали в четыре часа: пока одно, второе, третье, ты можешь до десяти и до двенадцати просидеть. Могут человека задержать вообще ближе к ночи, и ты всю ночь проработаешь. На следующий день все доработал. Два-три дня ты потратишь на это все — на все первоначальные следственные действия. {...} По идее — по закону — пять дней мы работаем, но бывает в субботу, в пятницу, допустим, задержали. В субботу приходится тебе выходить работать. Ничего... Служба такая, ничего здесь такого. Отдыхать всегда есть время. Если правильно организовать, то, я считаю, можно найти время всегда отдохнуть. То есть в последнее время у меня не возникает вопросов таких, как было первоначально. Первоначально, когда я только пришел, я, если в две-три недели один-два дня отдохнул, то это хорошо.

Следователь МВД

Таблица 22

**Ответы на вопрос «Как бы Вы оценили собственную нагрузку?»
в разных возрастных группах, % (N = 604)**

Возраст	Вариант ответа			Всего
	Низкая	Нормальная	Высокая	
Старше 35 (1979 г. р. и ранее)	1,6	49,2	49,2	100,0
30—34 (1980—1984 г. р.)	0,5	60,0	39,5	100,0
Моложе 30 (1985 г. р. и позднее)	1,3	65,0	33,6	100,0
Всего	1,2	58,4	40,4	100,0

Почти нет зависимости между ответом на вопрос о нагрузке и реальным количеством дел в производстве. В опросе значимой оказалась разница между следователями, задерживающимися раз в две недели, и теми, кто задерживается раз в месяц: у первых в производстве в среднем 13 дел в месяц, у вторых — 9.

Оценка нагрузки связана с возрастом: чем моложе следователи, тем чаще они оценивают нагрузку как нормальную (табл. 22). Одновременно руководители оценивают нагрузку как высокую (61,9% руководителей по сравнению с 39,3% следователей). Это, скорее всего, объясняется двумя факторами. Во-первых, руководители, как можно предположить, больше ценят свое рабочее время и обладают большей свободой в выражении собственной позиции — меньше опасаются сказать «что-то не то». Кроме того, низовые руководящие позиции в российских правоохранительных органах, как правило, действительно предполагают очень большое количество работы, связанной с контролем нижестоящих. Реформа УПК 2007 г., практически закрепившая полную ответственность руководителя за все, что делает следователь, только усугубила эту ситуацию.

Те, у кого среди родственников есть сотрудники правоохранительных органов, чаще считают нагрузку нормальной, чем те, у кого родственников в силовых и судебных органах не было. Последняя закономерность может быть косвенным маркером того, что нагрузка следователей не выше, чем в среднем в правоохранительной системе или в юридической профессии, — те, кто имеют возможность сравнивать, относятся к своей нагрузке более спокойно. То же касается и правоохранительных органов в целом (табл. 23).

Интересно, что наличие родственников не только в правоохранительной системе, но и в юриспруденции вообще меняет взгляд следователей на собственную нагрузку. То есть можно говорить о некотором завышенном стандарте нагрузки не только в правоохранительных органах, но и в юридической профессии в целом (табл. 24).

Таблица 23

**Ответы на вопрос «Как бы Вы оценили собственную нагрузку?»
для разных династических ситуаций (правоохрана), % (N = 653)**

Есть/были ли в Вашей семье работники правоохранительных органов?	Как бы Вы оценили собственную нагрузку?			Всего
	Низкая	Нормальная	Высокая	
Были	—	62,6	37,4	100,0
Не было	1,8	55,1	43,1	100,0
Всего	1,1	58,2	40,7	100,0

Таблица 24

**Ответы на вопрос «Как бы Вы оценили собственную нагрузку?»
для разных династических ситуаций (юриспруденция), % (N = 650)**

Есть/были ли в Вашей семье юристы?	Как бы Вы оценили собственную нагрузку?			Всего
	Низкая	Нормальная	Высокая	
Были	—	63,6	36,4	100,0
Не было	1,6	55,6	42,8	100,0
Всего	1,1	58,2	40,8	100,0

Таблица 25

**Частота задержек в зависимости от того, имел ли следователь опыт работы
в других местах, %**

Опыт работы	Часто ли Вам приходится работать дома или задерживаться после окончания работы?				Всего
	Практически каждый день	Несколько раз в неделю	Примерно раз в неделю	Практически никогда	
Другие опыты	54,7	30,0	14,1	1,2	100,0
Только следствие	47,7	40,6	9,4	2,3	100,0
Всего	49,7	37,7	10,7	2,0	100,0

Также удалось установить, что те следователи, которые имеют опыт работы в других местах, чаще работают вне графика. Здесь можно предложить два объяснения. С одной стороны, можно предположить, что такие следователи имеют меньше привычки к отдельным бюрократическим процедурам и, соответственно, тратят больше времени. Но есть и альтернативное объяснение. Чаще вариативный опыт встречается в небольших отделах, где, соответственно, у следователей меньше возможности для перераспределения нагрузки (табл. 25).

Общая картина получается довольно простой: основной контекст работы следователя — это постоянная и тотальная перегрузка, которая воспринимается как норма. Причем чем больше следователь социализирован в профессиональной (правоохранительной, юридической) среде, тем более нормальной эта ситуация ему кажется.

Рабочий коллектив

Следователь не работает в одиночку. Он — часть довольно обширного рабочего коллектива. Во всех наблюдавшихся нами случаях в отделах проводились ежедневные планерки (иногда две), на которых формулировались итоги и задачи текущей работы, нередко обсуждались индивидуальные планы каждого сотрудника. Внутри следственных отделов существует практика если не наставничества, то консультаций со старшими коллегами. Молодые следователи много общаются с более опытными. Большую роль в коллективе играет руководитель следственного органа. После реформы 2007 г. он визирует если не большинство, то очень многие решения следователя, а с точки зрения отчетности (см. гл. 3) и вовсе выступает ответственным за работу всего вверенного ему коллектива. Это заставляет руководителей и их заместителей внимательно относиться к тому, что делают рядовые следователи, — тщательно отслеживать качество их основного продукта — уголовного дела. При этом следователь довольно сильно зависит от работы полицейского-оперативника. Поэтому важно знать, какое количество оперативников и как работают со следователем.

Главная задача руководителя следствия, так же как и руководителя оперативного подразделения, — наладить взаимодействие между службами, поскольку основной задачей является направление уголовных дел в суд. Чтобы как можно больше преступлений раскрыть и как можно больше привлечь лиц к уголовной ответственности, чтобы они понесли наказание за те преступления, которые они совершили.

Начальник следственного отдела МВД

Устройство следственного отдела зависит от количества следователей и дел. Следователей может быть 5, а может быть 40, в крупных управлениях — может быть и больше 100. Специализация следователей (см. об этом ниже) может быть оформлена официально — делением на отделы или отделения (отделение по расследованию ДТП или разбоев и грабежей, дел о наркотиках), а может быть неформальной. В силу высокой нагрузки и того, что следователи часто работают в одном или в соседних помещениях, отношения в коллективе тесные.

Следователи часто сидят в кабинетах по два-три человека, вместе обедают, а значит, видят друг друга практически все время.

Было и три человека в одном кабинете. Разно было. Было и четыре человека в одном кабинете. Это было уже родное. Я же видел. Я с людьми так вот общался. Это дни рождения вместе. Всё вместе. Походы вместе, после работы все вместе. На работе вместе. Ругаемся, миримся, дружим, обижаемся, плачем. У кого-то жена, у кого-то муж, у кого-то любовник, у кого-то любовница, у кого-то что-то. Мы все обо всех всё знаем. Всё здесь с радостью обсуждается. Всё мы переживаем вместе.

Следователь МВД

Взаимовыручка, товарищество и помощь должны быть, потому что мы живем большей частью в отделах. А раз мы живем в отделах, считай, это наша семья. И в семье, конечно, не без уroda. Но самый большой урод в семье — это урод-руководитель.

Следователь МВД

Начальник следственного отдела имеет одного или двух-трех зама, внутри отдела могут быть помощники следователей и своя канцелярия/гражданский служащий, ответственный за делопроизводство. На повседневную работу следователей особого влияния устройство следственного отдела не оказывает — помощники немного снижают нагрузку по заполнению статистических карточек или отправлению запросов, но в целом каждый следователь «сам себе канцелярия». Следователи (а не только их начальник) учитывают свои уголовные дела, составляют справки о работе, становящиеся основой отчетности, следят за получением ответов на запросы.

Типичный коллектив следственного отдела, обслуживающего, как правило, один административный район, состоит из 16 следователей (медиана — 14), с которыми работают 12 полицейских-оперативников (медиана — 10).

Объективные условия и исторически сложившаяся практика дают весьма разную картину в разных регионах. Так, в Поволжье относительно крупные отделы — в среднем по 18 человек и при этом относительно большое количество оперативников (14), на Северо-Западе отделы гораздо меньше — по 12 работающих следователей. Сибирь при этом отличается меньшим количеством оперативников на одного следователя — почти два следователя на одного реально работающего оперативного сотрудника полиции. Напомним, что мы показываем региональные различия для того, чтобы читатель мог увидеть, какая ситуация типична и универсальна для всей страны, а какая сильно связана с локальной и (или) региональной спецификой. Структура отдела довольно сильно зависит от региона, его географии и локаль-

Таблица 26

Ответы на вопрос «Какую долю следственных действий Вы поручаете оперативным сотрудникам?»

Вариант ответа	Доля, %
Вообще не поручаю	8,1
Меньше 25%	70,4
От 25 до 50%	17,7
От 50 до 75%	3,5
Больше 75%	0,2
Всего опрошенных	626

ных традиций. Таким образом, несмотря на все попытки централизации полиции, она удалась только в плане выстраивания отчетности и создания единых, большей частью негативных, стимулов для следователей (см. гл. 3). Кадровые различия остаются весьма сильными. Их следует учитывать в дискуссиях об изменениях регламентации стадии предварительного расследования.

Если в книгах и фильмах чаще всего можно увидеть множество оперативников, которые день за днем в поте лица выполняют поручения следователя, то в реальности, как мы видим, все не так. На одного работающего следователя приходится менее 0,9 работающего оперативника. При этом у оперативника есть и другие задачи помимо выполнения поручений следователя. Возможно, именно поэтому большую часть следственных действий следователи выполняют сами: так, 78,5% следователей поручают оперативникам меньше четверти следственных действий (табл. 26).

Однако есть и другое объяснение — к моменту возбуждения уголовного дела большинство доказательств уже собрано «вчерне», ситуация ясна. Далее остается легализация полученной картины путем проведения следственных действий. Разделение труда на формализованный следственный и неформальный оперативный — это нормальная и привычная для всех участников ситуация. Следователь пользуется помощью оперативника только в том случае, когда следственные действия связаны с риском, далекими поездками или требуют физической силы (насколько мы можем судить по экспертным интервью, большинство оперативников — мужчины). Такое разделение труда связано и с гендерной спецификой.

Работа следственных отделов может строиться по нескольким принципам. Одним из них является специализация следователей на

Таблица 27

Присутствующие специализации (N = 664)

Специализация	Доля, %
Нет специализации	10,4
Нераскрытые преступления	63,1
Кражи	40,5
Имущественные преступления с насилием (грабежи, разбой)	43,8
Экономические преступления	65,2
Преступления, связанные с оборотом наркотиков	51,1
ДТП	28,9
Насильственные (неимущественные) преступления	12,3
Дела, связанные с несовершеннолетними	38,7
Многоэпизодные дела	25,3
Иные	5,7

определенной категории преступлений. В зависимости от величины отдела это более или менее узкая специализация. Иногда не все следователи имеют специализацию. Выделяется тот, кто работает с нераскрытыми делами (63% следователей указали, что такая специализация в отделе существует), возможны специализации по другому признаку. Но часть следователей получают уголовные дела о различных преступлениях, распределение которых скорее зависит от нагрузки отдела и следователя, а не от типа преступления. Только 10% следователей ответили, что в их отделах нет специализации по типам дел. Еще более частой, чем работа по нераскрытым преступлениям, специализацией внутри отделов является расследование дел экономической направленности (табл. 27).

В среднем в одном отделе присутствует четыре направления. Существует значимая вариация между регионами, связанная, вероятно, с разным размером отделов, что подтверждается плотной коррелированностью этих признаков. Чем больше отдел, тем больше в нем направлений.

Следователи так описывают ситуацию со специализацией и ее выбором:

О1: Пришел сначала в следственный отдел, территориальный, отработал там буквально полтора месяца, получил — в кавычках — «предложение» на специализацию по расследованию ДТП. Отказался, отправили в приказном порядке. Всё.

В: Вы до сих пор специализируетесь на ДТП?

О1: Да. Уже лет шесть, наверно...

В: А у Вас специализация какая-то есть в отделе?

О2: Смотря какое количество дел в производстве у отдела находится. Если я на тяжких, допустим, против личности, здоровья, но таких сейчас нет, то будешь и другими заниматься.

В: То есть по наличию, да?

О2: Да, да. Тут же нет определенности. Нет «своих», так кражами занимаются.

Следователи МВД

Обратим внимание, что специализация по наиболее массовым категориям дел — кражам и грабёжам/разбоям есть менее чем в половине отделов. Специализация по наркотикам более часта, чем специализация по кражам. Почему? Для ответа на этот вопрос важно понять, что, как правило, означает технически тот факт, что в отделе есть специализация. На самом деле за этим может стоять два принципиально разных механизма.

Первый связан с выделением какой-либо «линии», как правило, относительно сложной и необычной, но идеологически важной: экономические, наркотические преступления, преступления с вовлечением несовершеннолетних. Работа с такими преступлениями предполагает наличие довольно большого корпуса «фонового» знания. Например, каковы особенности правового статуса потерпевшего в возрасте до 16 лет? Можно ли его допросить в отсутствие родителей или нет? А если установить местонахождение родителей не представляется возможным? А нужно ли ему, в отличие от взрослого потерпевшего, обязательно вызывать адвоката? А какие экспертизы назначать для бухгалтерских документов и какие вопросы формулировать для эксперта? Обычный следователь, приложив определенные усилия, сможет разобраться в каждом из этих вопросов: кодексы, профессиональная литература, профессиональные форумы часто дают готовые пошаговые алгоритмы. Но такое выяснение займет довольно много времени.

В ситуации постоянного цейтнота и перегрузки разумный руководитель постарается, чтобы такое дело попало к тому следователю, который уже работал с подобными делами. Отсюда и связь с нагрузкой: чем выше нагрузка по количеству расследуемых дел, тем с большей вероятностью возникает специализация. Если же таких следователей нет, то тот, кто первым разберется с таким делом, навеки станет «специалистом», которому будут их поручать. При этом стихийная «специализация» на определенной категории дел отнюдь не означает, что следователь будет вести только такие дела: скорее всего эта категория

Таблица 28

Объем дел в разных возрастных группах, % (N = 539)

Каков объем типичных дел, которые Вы расследуете?	Возраст			Всего
	Старше 35 (1979 г. р. и ранее)	30—34 (1980—1984 г. р.)	Моложе 30 (1985 г. р. и позднее)	
До 50 листов	1,8	1,2	6,3	3,3
51—100 листов	12,4	16,7	23,6	18,0
101—200 листов	30,8	23,5	26,9	27,1
201—250 листов	26,0	27,2	22,1	24,9
Больше 250 листов	29,0	31,5	21,2	26,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

окажется относительно узкой, а такие преступления — несчастными. Большую часть времени он будет работать с теми преступлениями, которые в данном отделе являются наиболее массовыми (скорее всего, кражами, грабёжами, разбоями и наркотическими преступлениями).

Второй механизм, называемый «специализация», — разделение следователей на категории в зависимости от квалификации или опыта, связанное со специализациями на нераскрытых преступлениях и многоэпизодных делах. Это два полюса следовательской квалификации, на одном из которых молодые или не очень квалифицированные следователи, готовящие дела к их последующему приостановлению, на другом — те, кому поручают большие и сложные дела с потенциальным публичным эффектом и реальной потребностью в раскрытии такого дела и передаче его в суд. Это проявляется и в других сферах. Например, молодые следователи работают на более простых, т. е. менее объемных, делах (табл. 28).

При этом в одном и том же отделе могут присутствовать (и часто присутствуют) обе формы специализации. Молодые следователи занимаются относительно простыми и, часто, нераскрытыми делами, а среди их более опытных коллег есть специалисты, которым, если что, будут переданы экономические или «наркотические» дела.

Специализация по кражам или грабёжам будет возникать только в относительно крупных отделах, именно поэтому такая специализация представлена меньше чем в половине случаев. В стандартном варианте эти дела будут рассматриваться как «основной поток» и раздаваться всем следователям с учетом их нагрузки.

Как учатся быть следователем? Начальная социализация

Когда молодой следователь оказывается в профессиональной среде, то понимает, что один из главных показателей профессионализма — это умение справляться с потоком дел. Причем справляться так, чтобы не допускать критических ошибок. Мы попробуем показать, как следователь работает на начальном этапе своей карьеры. Следователей, только начавших работать, не очень много среди тех, кто участвовал в нашем опросе. Молодым сотрудником следователь считается около года, а основная масса опрошенных следователей работает от 5 до 12 лет. Средний стаж опрошенного следователя — 8 лет 6 месяцев. Медиана — 8 лет. Четверть работает четвертый год или менее, менее четверти — 13 лет и более.

Как видно из табл. 29, сотрудники, которые говорят о том, что они еще считаются молодыми, в среднем работают два года. Другими словами, для молодых сотрудников ситуация выглядит несколько иначе, чем для тех, кто оценивает ситуацию «снаружи». Те, кто уже не считает себя молодыми сотрудниками, как правило, выбирают ответы, которые предполагают, что молодыми сотрудниками они были существенно меньше, чем те, кто еще считает себя молодыми (табл. 30).

Начальный этап карьеры связан с интенсивным обучением и именно так воспринимается самими следователями.

В: Чему именно пришлось учиться на этом этапе?

О: На этапе обучения, когда пришла? Всему абсолютно!

В: Если бы сейчас сидел молодой следователь в соседнем кабинете, что бы Вам ему пришлось подсказывать?

О: Абсолютно всё. У меня в том году пришла стажерка, я была у нее наставником в течение полугода. Она не умела ничего, несмотря на то, что пришла с института. Вот от одной бумажки, от самого первого, даже элементарного — как правильно сложить уголовное дело, куда запросы отправить, как с человеком поговорить, как его вызвать, что нужно указывать, что не нужно в допросах, какие вопросы уточняющие нужно выяснять.

В: Как сложилось, например, что важно, что неважно в допросе, как Вы определяете?

О: Время важно, были ли у человека, допустим, документы на что-либо из похищенного, обязательно — подозревает ли он кого-то или нет, почему он подозревает. Вдруг у него, допустим, неприязненные отношения с соседом либо ранее случаи какие-то были. Вот это все уточнять нужно. Когда приходят сотрудники, они этому внимание не уделяют должное.

В: Сотрудники, которые первое объяснение берут, да?

Таблица 29

Ответы на вопрос «Как долго Вы считались молодым сотрудником?»

Вариант ответа	N	Доля, %
Еще считаюсь	115	17,2
Полгода	190	28,4
Год	209	31,3
Два года	102	15,3
Три года и более	52	7,8
Всего	668	100,0

Таблица 30

Основные варианты ответов «Как долго Вы считались молодым сотрудником?»: описательная статистика для категории «опыт работы»

Вариант ответа	Среднее	N	Стандартная ошибка среднего	Медиана
Еще считаюсь	2,2321	112	0,21412	2,0000
Полгода	10,4262	183	0,41379	10,0000
Год	9,4774	199	0,36425	8,0000
Два года	9,3750	96	0,45698	8,5000
Три года и более	10,6250	48	0,81684	10,5000
Всего	8,5486	638	0,22442	8,0000

О: Да. Первое время, допустим, человек работает, два-три месяца, он сидит в такой эйфории, может не указать время в допросах. (...) Он может не указать время, допустим, во сколько вы ушли на работу, во сколько вы пришли, во сколько что обнаружено. Почему, допустим, именно этого человека подозревает? А вдруг у него просто неприязненное отношение?

В: У кого Вы учились этому?

О: Училась у всех понемножку. У того, кто не занят, подходила, спрашивала — никто не отказывал.

Следователь МВД

Давайте внимательно разберем этот фрагмент. Опытный следователь, во-первых, показывает нам, чему приходится учить молодых коллег (уходя от разговора о том, чему учился сам, но косвенно подтверждая, что ее личная социализация прошла по той же модели). Во-вторых, важно, что именно она описывает как первичные, самые ос-

новные навыки, отсутствие которых у молодого специалиста делает работу в качестве следователя если не невозможной, то сложной. Это самое «элементарное — как правильно сложить уголовное дело» очень о многом говорит. Заметим, в уже цитировавшемся учебнике автор начинает ровно с этого же — с оформления описи документов:

«В любом судебном деле, и в уголовном, и в гражданском, всегда есть опись, и всегда тот, кто ее составляет, подписывает каждую страницу, тем самым заверяя, что опись проверена и составлена именно тем лицом, которое ведет дело. Это позволяет создать определенную защиту от подмены материалов дела. Технически от фальсификации и подмены документов подпись не защитит, но тот, кто захочет подделать материалы и опись, должен будет подделать и подпись, а это сложнее, чем просто заменить листы. Поддельную подпись легче выявить, благо сравнительных образцов подписи следователя в деле достаточно, практически в каждом документе.

— Значит, отсутствие подписи на каждой странице описи — это ошибка, — заключил Сергей¹.

Работа следователя, которой учат в коллективе, на которую ориентируют коллеги, предстает набором технических приемов, первичных действий — «куда запросы отправить», «как человека вызвать». При этом в качестве органической части профессиональной социализации на первом этапе выступают бесконечные доделки и переделки по рекомендациям старших коллег или официально назначенного наставника².

В: Вы учились самостоятельно или кто-то помогал?

О: Ну конечно, наставник был, которого можно спрашивать, если что непонятное. Но, в основном, сама.

В: То есть отношения с наставником какие — пришел, спросил и уходи, или помогает?

О: Ну в основном приходишь и спрашиваешь, они говорят, как делать. Делаете, переделываете и доделываете.

Следователь МВД

При этом прямая передача опыта абсолютно доминирует, хотя используются и другие обучающие механизмы. Обратим внимание, что лишь 0,3% следователей (два человека) сказали, что не пользовались ничем из перечисленного в табл. 31.

В процессе социализации следователя происходит и формирование разговорного языка, характерного для общения следователя

¹ Шапошников А. Ю. Указ. соч.

² Формальный институт, предполагающий закрепление конкретного опытного следователя за молодым сотрудником. Наставник обязан обучать начинающего следователя, он несет ответственность за качество работы «стажера».

Таблица 31

Используемые для обучения материалы (N = 671)

Когда Вы были начинающим следователем, какими материалами Вы пользовались?	Доля, %
Образцами документов, допросов, обвинительных заключений для разных типов дел в компьютере, который Вам достался	23,2
Образцами документов у коллег в отделе	87,5
Образцами документов, полученных на профессиональных форумах	4,2
Образцами из УПК РФ и профессиональной литературы	59,6
Другое	1,0
Ничем из перечисленного не пользовался	0,3

с окружающими, как с коллегами, так и с людьми, находящимися вне сообщества следователей. В разговорном языке смешивается юридическая терминология и укоренившаяся в регионе/ведомстве разновидность профессионального жаргона. Так, следователь никогда не употребит словосочетания «открыть уголовное дело», такие обороты характерны для профанов, обывателей, людей извне. Следователь скажет «возбудить уголовное дело», а в более неформальной обстановке — просто «надо возбудиться». Также редко следователи будут использовать термин «закрывать уголовное дело», напротив, поправят исследователя или собеседника: правильно не «закрывать», а «прекратить». Слово «закрывать» зарезервировано в профессиональном жаргоне для задержания лица в порядке ст. 91—92 УПК РФ, т. е. для процедуры помещения подозреваемого на два дня в изолятор временного содержания. В то же время внутри сообщества следователь может употребить просто слово «прекратить» вместо формального «прекратить уголовное преследование/дело в связи с истечением срока давности/примирением сторон». Или, скажем, «заглухарить» вместо «приостановить предварительное расследование в связи с тем, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено». Могут быть и ведомственные различия. Так, если следователи МВД в период работы одного из авторов настоящей книги в следствии (вплоть до 2010-х гг.) употребляли для обозначения ходатайства о продлении срока расследования слово «продлёнка», то в прокуратуре (Следственном комитете) следователи использовали слово «отсрочка».

Область профессионального сленга следователей и разбор оборотов типа «надо бы вернуть дело по 237-й в следствие, чтобы оно там

умерло»¹ еще ждут своих исследователей. Мы же ограничимся констатацией того факта, что внутри сообщества следователей есть собственный профессиональный жаргон и его знание/использование позволяет отделять юристов, знакомых с практикой работы следственных органов и сотрудников правоохранительных органов, от других юристов и простых граждан. «Письменному языку» следователей мы посвятили отдельную главу, он значительно отличается от разговорного².

Следователь, как правило, «воспитывается» на месте, и основной инструмент его воспитания — это передача профессиональных техник, отдельных навыков.

* * *

Следователь — работник, ориентированный на производство «правильного» уголовного дела, состоящего в типичном случае из относительно небольшого числа видов типовых документов. Эти документы производятся по строго определенным шаблонам, которые передаются от следователя к следователю внутри типового отдела. Шаблоны возникают как результат консенсуса между всеми локальными правоохранительными и судебными органами, при этом отдельные документы в разных районах могут сильно отличаться.

Достаточно часто при возбуждении уголовного дела следователь понимает его перспективу, т. е. знает, есть ли подозреваемый, какая информация есть о его причастности к преступлению, какие следственные действия придется провести в следующие дни. Материал для

¹ Может быть употреблено в отношении уголовного дела, которое следствие направило прокурору, прокурор в суд, а в суде выяснились обстоятельства, по которым появились риски оправдательного приговора. Прокурор может предложить вернуть уголовное дело из суда ему (ст. 237 УПК РФ), затем вернуть его в следствие, где следователям, чтобы не допустить оправдательного приговора (о его значении см. гл. 3), придется найти способ дотянуть расследование до истечения срока давности. Например, приостановить расследование в связи с тем, что «временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, достоверное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях» (п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), и подождать несколько лет.

² Мы не стали затрагивать вопрос употребления матерной лексики следователями: в статусе исследователей мы подобных случаев не наблюдали. Подобный вопрос может возникнуть после изучения материалов журналистского расследования — одного из немногих, показывающих «кухню» следственной работы и использующих переписку следователей. Данное журналистское расследование сосредоточено на истории возможной фальсификации одного уголовного дела. С этической точки зрения мы не можем оценивать достоверность и обыденность изложенных там фактов. Однако его внимательное прочтение может быть полезно для понимания того, как формальный процесс расследования, ориентированность на «бумажные» доказательства, правоохранительная машина (об этом подробнее см. в гл. 3 и 4) делают возможными подобные случаи. См.: URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27535701.html>.

возбуждения уголовного дела следователь или собирает сам, или получает после работы коллеги в составе СОГ, побывавшей на месте преступления, или он достается ему после работы оперативника уголовного розыска. Следователь сразу вынужден работать с наиболее «бумажно-ориентированными», кажущимися независимыми от внешнего влияния данными — экспертизами, показаниями свидетелей, которым доверяет прокурор и суд. Чаще всего итоговое дело содержит свыше 100 страниц (27,1%), также вполне обычны дела до 200 и свыше 250 страниц.

Следователь работает в составе небольшого, но тесного коллектива, который всегда находится в состоянии перегрузки. В случае необходимости следователь легко может обратиться к коллегам. Относительно сложные решения, требующие консультаций, принимаются расширенной группой, в которую обязательно входит начальник следственного отдела. Коллектив встречается ежедневно — все следователи в курсе сколь-либо серьезных проблем в работе друг друга.

Скорее всего, следователь был воспитан в той же следственной среде (в том же отделе). В результате у следователя формируются профессиональные предпочтения, связанные как с его опытом и спецификой работы отдела, так и с необходимостью выполнять все существующие требования в условиях постоянного цейтнота. Основное требование — справляться с нагрузкой и не совершать ошибок, ставящих под угрозу успешное направление дела в суд.

Глава 3

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ МАШИНЕРИЯ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Необходимость внешних контактов. — Основные «смежники». — Работа в дежурные сутки. — Отношения с отделом полиции. — Взаимодействие с оперативниками. — Роль суда. — Согласования. — Заказные дела. — Показатели и отчетность. — Планерки. — Круг общения

Работа следователя — это прежде всего производство правильных бумаг. Однако производство каждого документа в уголовном деле требует взаимодействия с самыми разными специалистами и организациями. Чтобы получить характеристику на подозреваемого, нужно связаться с участковым. Чтобы провести экспертизу — с экспертной организацией или соответствующим подразделением внутри МВД. Чтобы провести обыск (если он не срочный¹) или взять подозреваемого под стражу, необходимо взаимодействие с судом. Прокурор, который после реформ 2007 г. формально контролирует следователя гораздо меньше, чем раньше, на самом деле продолжает играть очень большую роль — он подписывает статистическую карточку на любое значимое процессуальное решение, а без такой статкарточки действия как будто и не было, во всяком случае при оценке деятельности следователя оно учтено не будет.

Расследование уголовного дела — это ряд процессуальных решений, центральные из которых: решение о возбуждении уголовного дела, решение о задержании подозреваемого, предъявление обвинения и направление уголовного дела в суд.

Эти решения формально принимает следователь, но в процессе расследования уголовного дела он контактирует со своим руководителем и сотрудниками вышестоящего управления, а также с внешними «игроками» — оперативным работником, прокурором и его замами и помощниками, судьями. Мы рассматриваем процесс принятия

¹ Обычно обыск проводится с санкции суда, однако в «исключительных случаях, когда производство следственного действия не терпит отлагательства» следователь согласно ч. 5 ст. 165 УПК РФ производит следственное действие самостоятельно, а потом (в течение 24 часов) уведомляет суд и прокурора.

решений на районном уровне — именно там складываются межведомственные коллективы.

Итак, в принятии основных решений задействованы: 1) оперативник, 2) следователь, 3) руководитель следственного отдела, 4) прокурор и его помощники. Работники суда непосредственно не участвуют в принятии ключевых решений, но входят в окружение следователя, поскольку суд — это организация, дающая согласие на заключение под стражу, на часть следственных действий и затем принимающая решение по делу.

В этой главе мы попробуем сначала нарисовать общую карту контактов следователя, а потом разобрать отдельно несколько историй, которые характеризуют наиболее частые ситуации/форматы взаимодействия.

С кем контактируют следователи?

Для понимания того, как устроена профессиональная деятельность, необходимо описать не только повседневные обязанности следователя, но и круг его или ее профессионального общения. С кем взаимодействует следователь на каждом этапе расследования уголовного дела? По каким поводам он советуется, где получает согласования, где отдает распоряжения?

В целом следователь ведет довольно активную социальную жизнь — он взаимодействует с различными контрагентами за пределами следственного отдела один-два раза в день (семь-восемь контактов в неделю¹). Контакты со всеми перечисленными выше участниками (прокуратура, оперативные работники и т. д.) совершенно открыто описывались в интервью и прямо предполагаются УПК РФ или другими нормативными актами. То есть, указывая, что контактирует с представителями смежной профессии, следователь никак не демонстрирует некоторого ненормативного поведения. Вот так следователь описывает свое повседневное взаимодействие:

В: А прокуратура?

О: Взаимодействуем: они осуществляют надзор за нами. Они — контролирующий орган: при возбуждении дела статистические материалы подписывают. Всегда через них все проходит. Когда направляем дело в суд, когда приостанавливаем.

В: А они только контролируют или могут помочь где-то?

О: Помочь могут.

¹ В рамках опроса следователям было предложено оценить, насколько часто они контактируют с теми или иными представителями «смежных» профессий.

В: В чем?

О: Как негласная помощь.

В: Негласная — это...

О: Допустим, задержание человека мы всегда согласовываем с прокуратурой. Иногда при возбуждении дела есть какие-то вопросы: возбуждать — не возбуждать.

В: То есть они могут проконсультировать как-то?

О: Да, да.

В: А это вы к ним обращаетесь или они к вам?

О: Ну конечно, мы к ним.

В: А с адвокатами?

О: Ну, с адвокатами тоже контактируем. Постоянно.

Следователь МВД

В течение обычной рабочей недели следователи больше всего общаются с работниками суда: почти 40% следователей контактируют с ними каждый день, еще почти 30% — несколько раз в неделю. Реже чем раз в неделю с работниками судов общаются менее 5% следователей. На втором месте — работники прокуратуры: 16,7% следователей контактируют с ними каждый день, еще 18,4% — несколько раз в неделю (табл. 32).

Начнем с роли прокуратуры в следственной работе. Ее можно разделить на четыре части.

Во-первых, прокурор и его подчиненные осуществляют надзор за тем, как ведется расследование. Кроме того, прокурор рассматривает жалобы на следователя и утверждает обвинительное заключение. Это его формальная роль, закрепленная в уголовно-процессуальном зако-

Таблица 32

Ответы на вопрос «Как часто Вы общаетесь с перечисленными ниже работниками?», %

Вариант ответа	Каждый день	Несколько раз в неделю	Раз в неделю	Реже	Всего опрошенных
Работники прокуратуры	16,7	18,4	43,1	21,8	664
Работники оперативных служб полиции	2,5	2,5	17,7	77,2	668
Другие работники полиции	5,2	12,7	40,2	41,9	659
Адвокаты	8,8	14,4	51,8	25,0	660
Работники суда	39,8	29,1	26,8	4,4	654

нодательстве. Также сотрудник прокуратуры вместе со следователем ходит в суд при получении разрешений на следственные действия и аресты. Помощник прокурора или его заместитель по надзору приходят в следственный отдел и читают материалы дел. Обвинительное заключение и дело, переданное для утверждения обвинительного заключения, рассматриваются уже тщательнее — скорее всего, сотрудник прокуратуры потратит на это несколько часов. Нередко дела неформально (чаще) или формально (реже — около 3% от всего потока¹) возвращаются для устранения нарушений — исправлений и доделок. Такие же рекомендации по исправлениям и доделкам могут быть даны после знакомства с делами в ходе текущего надзора. В общем, прокурор выступает как контролер качества, который имеет право давать указания по работе над делом. При этом формально УПК РФ ограничивает права прокурора как надзирающей инстанции, но общая ситуация выглядит именно так — прокурор оказывается основным «приемщиком» работы следователя. Что же касается жалоб на следователя, которые должен рассматривать прокурор, то это не очень частая практика. Большинство подозреваемых в России принадлежат к малообеспеченным группам населения² (60% осужденных — безработные и 20% занимаются ручным трудом), с ними обычно работают адвокаты «по назначению». То есть у них нет возможности оплатить услуги адвоката, и его услуги оплачивает государство. Фактически такого адвоката назначают следователь или суд. Такие адвокаты гораздо меньше мотивированы отстаивать интересы подозреваемого, особенно если это может привести к конфликтам со следователем или судом, которые определяют, получит ли этот адвокат такую работу в следующий раз.

О: Ну, я как могу судить. Есть адвокаты, которые работают за деньги, есть, которые за государственные. Ну естественно, те, которым платят, больше стараются для своего клиента.

В: А Вам как следователю с какими легче работать? С теми, кто за деньги или кого назначили?

О: По назначению, конечно.

В: Почему?

О: Ну, проще. Они не так активно проявляют свою... функцию по защите.

В: То есть для Вас это хорошо, а для их подопечных...

¹ См.: Шклярук М. С. Траектория уголовного дела в статистике: на примере обобщенных данных правоохранительных органов.

² См.: Волков В., Дмитриева А., Скугаревский Д. и др. Уголовная юстиция в России в 2009 г.: комплексный анализ судебной статистики. СПб.; М., 2014.

О: Нет, ну почему, ну как бы мы все равно против закона-то ничего не делаем. Просто, ну как сказать, когда человека защищает адвокат на платной основе...

Следователь МВД

Во-вторых, прокурор подписывает статистические карточки, на основании которых формируется отчетность — показатель, по которому оценивают работу следователя и всего отдела. Это один из важнейших механизмов, благодаря которому, несмотря на реформу 2007 г., влияние прокуратуры на следствие сохранилось. Отдельные специалисты, правда уже вышедшие в тот момент на пенсию, утверждали, что, по сути, прокуратура оказалась исключенной из процесса уголовного преследования¹, но практики всегда знали, что это не так. Поскольку до подписания прокурором карточки в статистику не попадают два важнейших события: возбуждение уголовного дела и передача его в суд. Прокурор, утратив формально многие права в сфере контроля над уголовным делом, почти полностью сохранил их на практике.

В-третьих, прокурор фактически выполняет функцию арбитража, медиации между правоохранителями. Это задается формальными рамками уголовного процесса (например, именно прокурор разрешает споры о подследственности, такие как конфликт между МВД и СКР по конкретному уголовному делу). Кроме того, ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»² устанавливает, что прокуратура является органом, координирующим борьбу с преступностью. Например, на совещаниях у прокурора будут обсуждаться наиболее сложные и резонансные уголовные дела, особенно нераскрытые, ухудшение криминогенной обстановки. Прокурор стремится найти компромисс в спорном случае или при необходимости оказать давление на разные органы и тем самым активизировать их совместную работу, чтобы улучшить показатели работы или раскрыть сложное дело.

¹ См.: *Киракозов В.* Указ. соч.

² Статья 8 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»:

«1. Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, органов таможенной службы и других правоохранительных органов.

2. В целях обеспечения координации деятельности органов, указанных в пункте 1 настоящей статьи, прокурор созывает координационные совещания, организует рабочие группы, истребует статистическую и другую необходимую информацию, осуществляет иные полномочия в соответствии с Положением о координации деятельности по борьбе с преступностью, утверждаемым Президентом Российской Федерации».

В-четвертых, работники прокуратуры, как правило, лучше знают судебную практику, именно им потом принимать дело у следователя и идти в суд с составленным следователем обвинительным заключением. Поэтому следователи нередко обращаются к сотрудникам прокуратуры за советом по сложным вопросам, хотя это и не является ежедневной практикой. В целом с прокурорами, их заместителями и помощниками у следователей нередко возникают рабочие, но менее формальные отношения.

Редко контактируют следователи с оперативниками — более трех четвертей следователей контактируют с представителями оперативных служб реже, чем раз в неделю. Это хорошо соотносится с представленной выше картиной: расследование следователь ведет сам, в ходе повседневной работы следователь к оперативным сотрудникам полиции практически не обращается. К тому моменту, когда дело попадает к следователю (с большой вероятностью не напрямую от оперативных работников, а через дежурную часть и руководителя следственного отдела), работа оперативников уже закончена, если в ней вообще была необходимость.

С адвокатами следователи видятся примерно раз в неделю. На первый взгляд эти опросные результаты вступают в противоречие с тем фактом, что примерно четверть рабочего времени занимает у следователя работа с подозреваемым/обвиняемым, а контакты с подозреваемым/обвиняемым у следователя должны проходить в присутствии адвоката. Приведем простой расчет: в среднем следователь в месяц направляет в суд два дела (речь идет о типовых, рутинных делах). Следователю нужно провести допрос подозреваемого (с участием адвоката), ознакомить с постановлениями о назначении экспертиз и их результатами (желательно в разные дни), предъявить обвинение, а потом ознакомить обвиняемого с материалами уголовного дела (все это тоже в присутствии адвоката). Получается, что если следователь работает в обычном деле, в котором участвует адвокат «по назначению»¹, то в месяц следователь проводит минимум пять следственных и процессуальных действий, требующих участия адвоката. Вот и получается, что следователь должен встречаться с адвокатом примерно раз в неделю. При этом следователь между допросом подозреваемого/обвиняемого и окончанием расследования практически не нуждается в контактах с адвокатом: он занят оформлением других доказательств. Отсюда мно-

¹ О практиках работы «по назначению» см.: *Моисеева Е.* Рабочие группы в судах Санкт-Петербурга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 4. С. 86—100; *Ходжаева Е., Рабовски (Шестернина) Ю.* Стратегии и тактики адвокатов в условиях обвинительного уклона в России // Социология власти. 2015. № 2. С. 135—167.

гочисленные истории о том, что обвиняемого заключили под стражу и он месяцами не видится со следователем, который просто продлевает срок содержания его под стражей. Если уж человек получил статус подозреваемого и заключен под стражу, значит, следователь уже принял решение о направлении дела в суд и занят оформлением документов. Следователю не нужно для этого видеть подозреваемого. Все, что следователь должен сделать в его отношении, это вовремя выйти в суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей и получить подписи на некотором количестве документов (постановлениях о назначении экспертиз, результатах экспертиз и т. д.). В остальное время расследование идет без участия подозреваемого и, что важно, его адвоката. При этом тот же адвокат может работать и по другим делам, которые ведет этот следователь, кроме того, они почти наверняка работали вместе в прошлом и будут работать в будущем. Адвокат принадлежит к профессиональному кругу общения следователя. Подозреваемый же оказывается одним из «объектов» вместе с результатами экспертиз или вещественными доказательствами.

Картина для руководителей иная — большинство из них каждый день контактируют с работниками суда и адвокатами. Это может объясняться тем фактом, что руководители (особенно в маленьких отделах) могут самостоятельно расследовать сложные дела, в которых представлены более активные адвокаты (по соглашению). Кроме того, именно на руководителя падает обязанность по выстраиванию отношений с местным адвокатским сообществом — создание механизма быстрой и безотказной поставки адвоката «по назначению», когда это необходимо следователям (табл. 33).

Таблица 33

Ответы руководителей на вопрос «Как часто Вы общаетесь с перечисленными ниже работниками?», %

Вариант ответа	Каждый день	Несколько раз в неделю	Раз в неделю	Реже	Всего опрошенных
Работники оперативных служб полиции	0	2,4	14,3	83,3	42
Другие работники полиции	4,8	7,1	50,0	38,1	42
Адвокаты	14,6	19,5	46,3	19,5	41
Работники суда	45,2	16,7	28,6	9,5	42

Региональные различия есть, они значимы, но не велики. Можно говорить о том, что структура межведомственного взаимодействия более или менее стабильна и слабо зависит от географических условий и локальных традиций. В целом это довольно логично. Работу внутри отдела и свой собственный труд следователь или руководитель может организовать так, как ему кажется более удобным или правильным. Межведомственные контакты в гораздо большей степени подчиняются внешним регуляциям и часто оказываются вынужденными — следователь в соответствии с УПК РФ обязан взаимодействовать с прокурором.

Однако наличие внешнего принуждения не отменяет того факта, что разные группы следователей будут по-разному взаимодействовать со своими контрагентами. Следователи с заочным образованием ощутимо реже общаются с работниками прокуратуры, чем те, кто получил дневное очное образование. Причины этого не ясны¹. Более понятна гендерная специфика контактов: женщины-следователи чаще общаются с работниками прокуратуры, чем мужчины. Они же чаще контактируют и с работниками суда.

Это логично — чаще всего в следственных отделах существует разделение труда. Мужчины, как правило, выполняют относительно гендерно-специфичную работу: они чаще работают с оперативниками. Женщины же фокусируются на следственных действиях (или делах), которые требуют большей бюрократической работы и, соответственно, чаще оказываются в ситуации, когда по поводу выполнения того или иного действия необходимо проконсультироваться с представителями структур, стоящими «дальше» по цепочке движения уголовного дела — в прокуратуре (табл. 34) или в суде (табл. 35).

Таблица 34

Ответы на вопрос «Как часто Вы общаетесь с работниками прокуратуры?» в разных гендерных группах, % (N = 647)

Вариант ответа	Пол		Всего
	Мужской	Женский	
Каждый день	10,3	19,7	17,0
Несколько раз в неделю	18,5	18,1	18,2
Раз в неделю	45,7	42,1	43,1
Реже	25,5	20,1	21,6
Всего	100,0	100,0	100,0

¹ К сожалению, объем выборки не позволяет понять, какие именно дополнительные факторы могли бы влиять на это распределение.

Таблица 35

Частота общения с работниками суда в разных гендерных группах, % (N = 637)

Вариант ответа	Пол		Всего
	Мужской	Женский	
Каждый день	32,6	42,5	39,7
Несколько раз в неделю	32,6	27,2	28,7
Раз в неделю	27,6	26,8	27,0
Реже	7,2	3,5	4,6
Всего	100,0	100,0	100,0

Таблица 36

Частота общения с работниками прокуратуры в зависимости от того, какую «модель профессионализма» предпочитает следователь, % (N = 648)

Вариант ответа	В чем в первую очередь состоит профессионализм следователя?		Всего
	Умение устанавливать подозреваемого исходя из результатов следствия	Умение грамотно провести следственные действия после установления подозреваемого	
Каждый день	6,4	18,8	16,7
Несколько раз в неделю	20,0	17,8	18,2
Раз в неделю	47,3	42,2	43,1
Реже	26,4	21,2	22,1
Всего	100,0	100,0	100,0

Таблица 37

Частота общения с оперативниками в зависимости от того, какую «модель профессионализма» предпочитает следователь, % (N = 652)

Вариант ответа	В чем в первую очередь состоит профессионализм следователя?		Всего
	Умение устанавливать подозреваемого исходя из результатов следствия	Умение грамотно провести следственные действия после установления подозреваемого	
Каждый день	7,2	1,7	2,6
Несколько раз в неделю	0	3,0	2,5
Раз в неделю	20,7	17,2	17,8
Реже	72,1	78,2	77,1
Всего	100,0	100,0	100,0

Интересно, что ценностные ориентиры следователей ощутимо влияют на то, с кем они общаются. Так, выбор модели «следователь-детектив» (профессионализм следователя состоит в умении установить подозреваемого, а не грамотно провести следственные действия после раскрытия преступления) предполагает меньшее общение с работниками прокуратуры и большее — с оперативниками (табл. 36, 37).

Каково здесь направление причинной связи, точно определить невозможно: или круг общения следователя задает его сферу интересов, или же, наоборот, его интересы определяют предпочитаемый круг общения. Более того, может не существовать прямой связи между этими двумя факторами — они могут объясняться третьим. Однако если эта связь все же существует, то мы получаем отдельную категорию: руководитель следственного органа, которому, доверяя своим подчиненным (следователям) контакты с прокуратурой и судом, т. е. согласование бумажной части работы, сам уделяет больше внимания выстраиванию отношений между оперативниками и следователями.

Следователи, нагрузка которых по расследуемым делам невысокая, редко контактируют с другими сотрудниками полиции. Такие контакты — это часто вынужденная ситуация, когда необходимо быстро достичь какого-то результата (доставить свидетеля, привезти результаты экспертизы и т. д.). Это может вынудить следователя обратиться в дежурную часть, позвонить напрямую участковому и т. д. Однако чем меньше у следователя нагрузка, тем реже у него возникает потребность в таких контактах.

Те же следователи, которые имеют высокую нагрузку, чаще коллег общаются с адвокатами. Большинство уголовных дел рутинны, но все равно предполагают три процедуры, которые нельзя провести без подозреваемого и его адвоката: допрос подозреваемого, предъявление обвинения и ознакомление с материалами уголовного дела. Чем больше дел «в работе» у следователя, тем чаще ему нужно работать с адвокатом.

Напомним, что работа следователя состоит из двух типов рутинных действий — повседневной работы и дежурства в составе СОГ. Вопрос возбуждения уголовного дела или задержания подозреваемого часто возникает в дежурные сутки. Его решение требует участия других частей правоохранительной машинерии. Мы спросили у следователей, с кем они обычно созваниваются в дежурные сутки (табл. 38).

Оказалось, что двое из пяти обычно созваниваются за дежурные сутки с дежурными адвокатами. Это логично, если речь идет о задержании подозреваемого, его допросе или некоторых иных следственных действиях. С остальными представителями правоохранительной системы следователи обычно не созваниваются. Из этого можно сле-

Таблица 38

С кем созваниваются следователи в течение дежурных суток, %

Вариант ответа	Никогда	Обычно нет	Обычно да	Всего опрошенных
Сотрудники прокуратуры	41,8	43,6	14,6	594
Руководители дежурного оперативника	35,4	46,1	18,6	571
Начальник ОВД	46,8	42,5	10,7	562
Дежурный адвокат	23,4	33,1	43,6	599
Дежурный судья	49,3	36,8	13,9	554

лать вывод, что СОГ — это механизм, обладающий высокой степенью автономности.

Устойчиво значимы региональные различия: работа СОГ в разных регионах организована по-разному и предполагает разную степень автономии. Например, в Сибири с начальником ОВД регулярно созваниваются лишь 6,8% следователей, а на Северо-Западе — 17,4% следователей.

Таким образом, если работа в СОГ не предполагает контактов с другими структурами (все «нужные» люди находятся буквально в одной машине), то повседневная работа над расследованием дела подразумевает активные контакты с окружающими структурами. Далее мы попробуем разобрать несколько отдельных вопросов, касающихся таких контактов.

Место следователя в отделе полиции

Формально следственный отдел (или управление) — это часть отдела/управления МВД по городу или району. Начальник следственного отдела является заместителем начальника отдела МВД, подчиняется ему по дисциплинарным вопросам, участвует в большинстве совещаний, как и другие заместители начальника отдела, выступает периодически в роли «ответственного дежурного от руководства». Это означает, что начальник следственного отдела в курсе основной деятельности отдела МВД в целом, знаком с общим потоком сообщений, поступающих в дежурную часть, основными проблемами отдела. Дежуря как руководитель, он может проводить развод патрулей ППС, давать указания по подготовке материалов, которые должны быть отработаны в дежурные сутки, реагировать на проблемные ситуации.

Но одновременно с этим начальник следственного отдела всегда в стороне от непосредственной работы по охране общественного порядка или оперативной деятельности. Его повседневная работа распадается на руководство следователями, контакты с вышестоящим руководством по линии следственной работы и контакты с коллегами по отделу МВД — замами по другим линиям работы (чаще начальником полиции или начальником оперативных работников): начальником отдела дознания и начальником отдела МВД. Особенность позиции начальника следственного отдела (как и следователей) в том, что формальная подчиненность начальнику отдела МВД ограничивается в большей степени вопросами «трудовой дисциплины». В вопросах расследования уголовных дел — решений, какие дела возбуждать, а какие нет, задерживать ли подозреваемого, сколько дел направить в суд — начальник следствия от начальника отдела МВД не зависит. И формально, и фактически он зависит от прокурора или вышестоящего начальника — следственного управления МВД по городу или субъекту РФ. Именно они могут дать указания по поводу того, как именно расследовать дело. Кроме того, прокурор может не пропустить дело в суд и тем самым усложнить жизнь следственному отделу.

Руководство следственным отделом, который отвечает примерно за половину всех показателей территориального отдела МВД¹ в части, касающейся уголовного преследования, — значимая позиция, поэтому начальники следственных отделов в целом высоко оценивают место своего отдела в общей структуре.

В: Какое место следственный отдел, с Вашей точки зрения, занимает в структуре ОВД в целом?

О: Да первое место занимает он в структуре ОВД! По тому, сколько мы направим в суд уголовных дел, оценивается работа отдела. Раскрыл преступления, доставил подозреваемых, обвиняемых, установил лиц — это же работа всего отдела, а не только нашего следствия.

Начальник следственного отдела МВД

Следователи относятся к своему положению гораздо более скептически:

За людей нас не считает никто. Хотя считается, что следователь поручения дает, нам же оперативники поручений не могут дать. А мы соглас-

¹ Поскольку оценка работы территориального органа МВД строится исходя из формальных показателей, которые связаны с раскрываемостью, которая, в свою очередь, оценивается преимущественно по количеству направленных в суд уголовных дел. А дела в суд направляет следственный отдел. Остальные структуры «готовят для следствия материал». Другую половину, а то и больше направляемых дел обеспечивает отдел дознания.

но статье тридцать восьмой даем поручения. Но на деле получается, что нами командуют все, а мы не можем никем. Мы должны всем... Хотя от нас зависит работа, зависит план-график направления дел в суд — вся работа УВД! Однако же мы должны всем. Нам никто не должен. Обидно, что нас никто не ценит. Вот оперативники — да, а то, что ты сидишь ночами — ну и сиди!

Следователь МВД

Такое расхождение во мнениях объясняется тем, что руководитель оценивает ситуацию с точки зрения показателей, а следователь фокусируется на повседневных рутинных взаимодействиях, которые необходимы для возникновения этих показателей.

Территориально возможно два варианта расположения следователей внутри подразделений отдела МВД или отдела полиции. Так, бывает, что все (или почти все¹) сотрудники полиции сидят в одном здании, а следователи занимают одно крыло или этаж здания. Это может быть как в совсем небольших районах («вижу оперативника каждый день, сидит через несколько кабинетов, у нас отдел маленький, всех видно»), так и в довольно крупных (с численностью отдела около 100 человек), поскольку новые здания МВД обычно строятся так, чтобы объединить все службы.

Другой вариант, когда следственный отдел (часть управления, управление) расположен в отдельном здании. Это также бывает и в небольших районах, и в крупном городе. В последнем случае следователи могут числиться в следственном управлении, едином на весь город, но физически находиться в том отделе полиции, на территории которого они работают.

Существует два правила, которые определяют контакты оперативников и следователей.

1. Следователям и оперативным работникам, занимающимся типовыми, массовыми делами, легко встретиться: они работают или в одном здании, или в зданиях, которые расположены близко друг от друга.

2. Следователи и оперативники концентрируются на разных задачах. Следователь работает в своем кабинете с вызванными потерпевшими, свидетелями, занимается бумагами, ездит/ходит в прокуратуру, в дни дежурства — на места происшествий. Оперативник существенно реже бывает в своем кабинете: он часто выезжает, дорабатывает материалы проверок, опрашивает людей по месту их жительства и т. д.

¹ Даже когда отдел полиции или отдел/управление МВД компактно, патрульно-постовая служба может иметь отдельное расположение, а участковые — опорные/участковые пункты.

Таким образом, следователи всегда могут переговорить с представителями других служб, но большую часть времени работают изолированно от них. При этом они принадлежат к одному коллективу (отдела МВД) и часто поддерживают неформальные отношения с сотрудниками других служб.

Я напрямую работаю. Потому что это бессмысленно — идти к начальнику и говорить: «Мне вот то-то, то-то надо». Этот начальник скажет его начальнику, тот начальнику... Я сама это могу, я здесь сколько лет работаю! Сколько лет с ним знакома, почему я не могу подойти: «Ой, пойдём, Миша, сделаешь это», «Пойдем, Паша, и сделай мне то-то!». И еще знаете что? Самое главное, что нужно сделать, чтобы такое качественное взаимодействие было — заинтересовать оперативника, участкового в работе. Не так, чтобы: «Ой, у меня там что-то не получается, мне зачем-то ты нужен». У меня дело есть, им надо заинтересовать: вот тот-то и тот-то у меня установлен, а этого нету! Если мы это установим, у меня это дело так пройдет! Все, оперативник заинтересован: «Да, конечно, помогу!»

Следователь МВД

Профессиональная культура поощряет установление неформальных связей между рядовыми сотрудниками, а внешние условия (см. последний раздел этой главы) приводят к тому, что начальники привлекаются только в случаях конфликтов. В редких случаях сложных дел вопрос обсуждается неформально начальными и исполнителями или при необходимости создать формальные документы о работе над сложными делами собирается официальное совещание с начальниками и исполнителями. Больше того — официальное совещание чаще инициируется прокурором, начальники отделов предпочитают решать проблемы на неофициальных, относительно коротких совещаниях («зашел начальник следствия к начальнику розыска и договорились»).

Кроме неформального общения с коллегами по отделу, в том числе по вопросам расследования конкретного дела, у следователей существуют и формальные взаимоотношения. Часто формальное и неформальное общение переплетается: договорившись о том, что оперативник проведет обыск или что участковый подготовит справку, следователи готовят формальное поручение или запрос. Дело в том, что провести обыск или выполнить какое-то действие, итогом которого будет доказательство, сотрудник полиции может только при наличии письменного, специально оформленного поручения о проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий. Моменты неформальной договоренности, фактического исполнения и формального оформления могут не совпадать.

Естественно, официально все, но можно позвонить, сказать: «Нужно срочно по этому делу отработать того, того, того. Можно без поручения?» Естественно, в деле надо оформить все официальными бланками. Они отписывают, все официально подписывается, все делается. Но просто можно по-человечески позвонить, попросить, сказать: «Я поручение еще пока не отправил, завтра отправлю, но можно сделать это для меня сегодня?»»

Следователь МВД

Зачастую это складывается даже без отдельных поручений. Вот, допустим, я допрашиваю кого-нибудь, у меня возникла необходимость быстро провести следственное действие. Зачем мне эта лишняя бюрократия: дать ему бумагу, поручение это писать? Зачем оно мне надо? Я позвонила, сказала: иди туда, сделай то. Все. Он пришел, сделал. Соответственно, ну, учитывая то, что это положено, конечно же, поручение туда вкладывается. Поручение фактически дано было.

Начальник следственного отдела МВД

В меньшей степени это касается мероприятий, связанных с сопровождением расследования дела, но не заканчивающихся непосредственным получением доказательств. Так, чаще неформальными будут контакты по доставке свидетеля, подозреваемого, иногда даже потерпевшего. Теоретически принудительная доставка возможна только после вынесения постановления о приводе (которому должна предшествовать повестка) с подписью лица и его неявка по повестке. Однако на практике все заинтересованы в том, чтобы обойти формальности.

О: С уголовным розыском сотрудничаем. Если человека доставить надо — обратился, они тебе привезут (...). Даже письменное поручение не надо писать: подойдешь, скажешь — парни, надо! Они — не вопрос. Между собой, в отделе, отношения нормальные, идут друг другу навстречу.

В: Взаимодействие с оперативниками — Вы сказали, оно неформальное больше — это во всем так или...

О: В том плане, что лишний раз бумажку писать не надо. Или по доставке людей. А так, естественно, письменно поручения им даем. Например, изъятие вещественных доказательств. Все это они тоже, безусловно, выполняют. Все делают, производят обыски.

Следователь МВД

Кроме того, структура полиции, как и любая бюрократическая система, вырабатывает практики контроля. Следователь, который не написал поручения оперативникам о проведении мероприятий по установлению лиц, совершивших преступление по нераскрытому делу, будет нести ответственность за то, что такой документ отсутствует

в материалах дела. Для проверяющего обязательно наличие в нераскрытом деле поручения и потом формального ответа (например, «не представилось возможным установить лиц, совершивших преступление»). За редчайшими исключениями проверяющие будут знакомиться с материалами дела, а не собирать всех, кто по нему работал, и выяснять, что же было сделано на практике. Случается, что оперативник проводил какие-нибудь следственные действия без формального поручения следователя, произошел какой-нибудь конфликт или эксцесс, а следователь затем не подтвердил факт поручения. Хорошим тоном считается в любой ситуации «держат слово» и давать обещанное письменное поручение, при необходимости зарегистрировав его «задним числом». Но из этого правила могут быть исключения, которые ужесточают практику официального оформления поручений в конкретных районах. Претензии от следователя («оперативник обещал, но не сделал») не будут приняты во внимание его руководством, если не было письменного поручения.

Если допросить поручение даешь кому-то, нужно расписать конкретно. Спрашиваешь: вот это, это, это и это! Если следователь сам не может выехать, то оперу надо дать вот такое задание. Можно даже написать. (...) Хотя все зависит от желания работать совместно следователя и опера. Иногда бывает, нормально все это происходит, иногда, *как говорится, из-под палки*¹.

Следователь МВД

«Горизонтальные» взаимодействия следователей с коллегами по отделу МВД, как правило, сопровождаются формальными документами.

Собственно, такие формально оформленные взаимоотношения можно разделить на четыре группы.

1. Поручения о проведении следственных действий. Они предусмотрены УПК РФ. Оперативник или участковый² выступают в роли

¹ То есть приходится использовать формальный инструмент — поручение, чтобы заставить оперативника выполнить необходимые следователю действия.

² Вопрос о том, кто будет помогать следователю в конкретном деле, зависит, как правило, от квалификации преступления и того, кто занимался изначальным материалом. По экономическим преступлениям почти всегда «сопровождать расследование», т. е. помогать следователю, будут оперативные уполномоченные по борьбе с экономическими преступлениями, по тяжким насильственным преступлениям — оперативники уголовного розыска, по кражам могут быть и участковые, а по ДТП — сотрудники ГИБДД. Также это может зависеть от того, какие сотрудники есть в конкретном районе, от их вовлеченности в работу следствия, заинтересованности в раскрываемости. Следователь «расплачивается» за помощь указанием в статистических данных того, кто помогал (его службу, как службу, раскрывшую преступление, установившую подозреваемого). Это важная административная «валюта» внутрислужебного взаимодействия.

сотрудника «органа дознания», составляют протокол следственного действия, выступающий доказательством в уголовном деле: допроса свидетеля, обыска, выемки. Обычно следователи поручают оперативникам или другим сотрудникам полиции проведение незначимых следственных действий.

Я могу им поручить установить, допустим, какие-то мелочи. То есть попытаться найти человека, допросить незначительного свидетеля, который просто подтвердит, что он видел, это тот человек проезжал. Вот такое могу доверить допросить.

Следователь МВД

В ходе пилотного исследования содержания уголовных дел, дошедших до суда в Санкт-Петербурге, мы проверили, насколько справедливо мнение оперативных работников о том, что следователи делегируют им проведение большого числа следственных действий (чаще всего обысков). На уровне районов видно, что обычно обыски проводятся следователями. Причем, как правило, однократно: из 50 дел, в материалах которых встречаются результаты обыска и известен его исполнитель, в 40 случаях обыск проводился следователем, в восьми случаях — оперативником и в двух случаях — дознавателем по делам, им же и расследованным¹.

2. Поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Их можно разделить на две группы. Первая — формальные. Они нужны в уголовных делах о нераскрытых преступлениях как на первоначальном этапе, так и перед приостановлением расследования.

...Отдельное поручение пишется в ОБЭП: на установление лица, которое совершило преступление, и дело приостанавливается за неустановлением лица.

В: И как долго ОБЭП может искать?

О: Постоянно ищет.

Следователь МВД

Другие поручения на проведение ОРМ связаны с делами, которые еще не были раскрыты, но имеют такие перспективы.

Большинство оперативников занимаются раскрытием по нашему поручению. Мы даем поручение отработать после допроса, например, потерпевших. У нас есть круг подозрения. Кто попадает в этот круг, мы пишем поручение уголовному розыску на отработку их на причастность к данному преступлению. <...> Так и раскрывается преступление...

Следователь МВД

¹ См.: Шклярук М. С., Рабовски Ю. В. Указ. соч.

3. Запросы и ответы на них. Они формируют часть материалов уголовного дела. Запросов, в исполнении которых напрямую участвуют сотрудники полиции, не так много. В основном это характеристики на подозреваемого/обвиняемого, которые направляют участковые. Следователи собирают определенный прошлой практикой формальный набор документов, выступающих «характеризующими данными». Кроме характеристики, которую запросят у участкового, туда попадут и иные документы.

О: Собираем на него характеризующие данные и приходим с этими материалами в суд. Следователи собирают их сами.

В: А как Вы их получаете? Откуда?

О: Запросы в медицинские учреждения, в учреждения по месту жительства, администрации. Это требование несудимости, это информационный центр, психиатрическая больница, военкомат, медицинский вытрезвитель¹, поликлиника по месту жительства и по месту прописки. Туда тоже нужно делать запросы на характеристики на данного человека. Мы собираем полностью характеризующие данные, то есть мы представляем, что из себя представляет человек. Если он нигде не состоит, он не алкоголик, он не состоит на учете у психиатра, другими словами, у него нет каких-либо психических отклонений, мы не назначаем экспертизу. Если же у него что-то есть из этого, то мы можем назначить судебно-психиатрическую или наркологическую экспертизу.

Следователь МВД

Такие запросы будут сделаны следователем, но если в отделе нет водителя, или помощника, или стажера, то оперативников могут попросить развезти документы.

Все на личных контактах. Мы очень сильно зависимы, допустим, по транспорту от оперативных подразделений. Элементарно — нам нужно получить судебное решение, или, допустим, выемка, обыск, осмотр корреспонденции, арест корреспонденции. Соответственно, нужно направить материалы и постановление. Приходится просить на личном контакте: «Ребята, съездите, пожалуйста, отвезите материалы судье. Потом заберите». Потому что, если ездить самому по всем судам, это просто можно ничего не делать больше.

Следователь ГСУ ГУ МВД по субъекту Федерации

4. Планы расследования уголовных дел. Практика составления планов расследований уголовных дел везде разная. В одних районах следователь может написать план расследования для себя на листе бумаги или на обложке уголовного дела, обойдясь сокращениями или

¹ На момент проведения интервью в этом регионе медвытрезвители еще существовали.

простым перечнем мероприятий и сроков. В других районах планы должны быть напечатаны на компьютере и вложены в уголовное дело. На составление плана руководители могут отводить следователю пару дней после возбуждения дела или требовать его показать в момент возбуждения. План может включать не только следователя, но и других исполнителей.

Все зависит от организации работы самим следователем. Вот мы говорим: взаимодействие с другими службами. Кто это взаимодействие может организовать, если не сам следователь? Не придет же ко мне оперативник и не скажет: «Ой, давай вот твое дело, вот так план составим!» Я сама составляю план, сама же требую от них. Я сама обозначаю там каждому оперативнику взаимодействие с участковым, ему тоже обозначаю его работу. Основную работу, естественно, сама выполняю. Мне надо то, то и то: характеризующий материал, кого-то допросить. Все это я сама организую. То есть от правильной моей организации зависит мой конечный результат. А как я это организую? Беру материал, допустим, на возбуждение. Сама изучаю какие-то недостатки. Сразу план составляю перед даже возбуждением. У меня план должен быть. Иду на возбуждение уголовного дела, у меня уже план есть. В ходе расследования этот план дополняю.

Следователь МВД

В одних отделах подразумевается, что следователь даст оперативникам/участковым поручения, в других план расследования может формально утверждаться начальником следственного отдела и начальником полиции и подписываться оперативником как одним из составителей. Такой план выступает еще одним способом формальной фиксации взаимодействия: подразумевается, что все его прочитали, подписали и учли в своей нагрузке.

Итак, следователь — один из органичных элементов отдела МВД в целом. Он работает с опорой на формальные и неформальные механизмы, при этом система благоприятствует такой работе как на формальном, так и на неформальном уровне. Однако степень формализации этой работы может довольно сильно различаться.

Следователь и суд

Если взаимодействие с другими полицейскими службами — это естественная часть работы следователя, то взаимодействие с судом (а это, напомним, самый частый контрагент следователя) — это менее очевидная и хуже изученная часть работы следователя. Если смотреть на траекторию уголовного дела в первом приближении, то мы увидим, что от суда следователь отделен прокурором. На практике все

сложнее. В ходе расследования уголовных дел следователи контактируют непосредственно с судом. Значительная часть следственных действий (таких, как обыск жилища, получение доступа к материалам телефонных переговоров и т. п.), проводимых следователем, требует судебного разрешения. Избрание или продление меры пресечения в виде заключения под стражу также происходит в суде. Однако, не смотря на сходство формальных процедур (подготовка комплекта документов и рассмотрение в судебном заседании), фактически это два разных типа взаимодействия.

Обращение в суд для получения санкции на арест подозреваемого или обвиняемого, который требует большого количества документов, часто случается внепланово. Если обращение по поводу получения информации о телефонных звонках (так называемых биллингов) можно встроить в обычный рабочий график, то арест запланировать нельзя. Сложность процедуры ареста связана с временными рамками. За сутки нужно успеть подготовить много документов об обвиняемом и его преступлении, провести допрос подозреваемого с адвокатом, сделать копии материалов. Кроме того, для судебного заседания надо собрать всех участников: подозреваемого (с конвоем, в роли которого могут оказаться оперативники), адвоката, прокурора, иногда начальника следственного отдела.

Если они (*прокуратура*)¹ говорят: «Да. Мы поддерживаем арест», то я звоню срочно судье дежурному и говорю: «(Это) такой-то такой(-то беспокоит). Когда к Вам можно приехать?» За восемь часов. То есть в течение срока. Я приезжаю к судье и говорю: «Вот документы». Судья изучает: «Я Вам позвоню, когда Вам подъехать. Или через моего помощника свяжетесь». Это вкратце такая процедура. *На самом деле это круги ада.*

Следователь МВД

Технические вопросы по аресту могут обсуждать следователь как с помощником судьи или секретарем, так и с самим судьей.

Более обыденная работа — это получение разрешений на обыски в жилище, на прослушивание телефонных переговоров и на получение

¹ Прокуратура с 2007 г. выступает в судебном заседании по избранию меры пресечения в виде заключения под стражу одной из сторон. Раньше согласие прокурора было необходимым для обращения в суд для получения санкции на арест. С 2007 г. прокурор высказывает мнение, которое суд учитывает. Иными словами, теперь возможна ситуация, когда следователь просит арестовать, прокурор возражает, а суд (чаще) арестовывает. Однако на практике такие случаи не так часты. Они возникают в районах, где есть конфликты между прокуратурой и следствием, но чаще эта проблема характерна для взаимоотношений между прокуратурой и следствием СКР. Следователи полиции по-прежнему часто неформально согласовывают обращение в суд для получения санкции на арест с надзирающим прокурором.

сведений о телефонных соединениях («биллингов»). Документов для таких разрешений надо собрать меньше, решения выносятся практически автоматически в пользу следователя¹, судебное заседание не проводится, хотя формально в документах будет отмечено, что оно было, а также перечислен состав участников: судья, секретарь, помощник прокурора и следователь.

В: Насколько это проблемный или беспроблемный процесс? Вы идете за разрешением на следственные действия...

О: Это абсолютно беспроблемный процесс. Выносятся постановления о возбуждении ходатайства о проведении какого-то следственного действия, например производство обыска квартиры. Оно утверждается твоим непосредственным начальником. Готовишь материалы, ксеришь какие-то из уголовного дела, которые должны подтвердить, что этот обыск необходимо провести в данной квартире. Эти материалы с этим постановлением, ходатайством судья в течение суток рассматривает и выносит постановление о том, что разрешает производство обыска в жилище либо отказывает в проведении обыска и мотивирует, с чем это связано.

В: Это происходит при личной встрече? Вас вызывают в суд при этом?

О: Нет. Это на усмотрение суда, судья может вызвать следователя, чтобы следователь дал какие-то пояснения. Либо судья может, например, отложить судебное заседание, чтобы следователь поднес какие-то еще документы, которые необходимы судье для рассмотрения данного вопроса.

Следователь МВД

Часто вся работа по получению разрешений сводится к взаимодействию с канцелярией суда, даже не с секретарями. Нужно привезти подготовленные документы, зайти к секретарю дежурного судьи, оставить электронные варианты ходатайств, затем через несколько дней (формально решение будет вынесено в течение суток) забрать разрешения.

В: Вы знаете судью, Вы присутствуете на процессе лично, когда выносятся ходатайство о проведении обыска?

О: Нет.

В: А кто?

¹ По данным Судебного департамента (сдеп.ру), в 2014 г. такие ходатайства удовлетворялись по всем видам следственных действий в 96—97% случаев. Исключение составляет лишь наложение ареста на имущество, где доля удовлетворенных ходатайств следователя ниже — 87%. Всего было подано чуть менее полумиллиона таких ходатайств. Таким образом, в практике обычного следователя отказ случается раз в несколько лет или несколько раз за всю его следовательскую карьеру.

О: Мы предоставляем материалы в подшитом виде с описью, с копией документов, если мы выходим за определенным следственным действием. Относим в канцелярию, это все регистрируется, рассматривается единолично судьей, выносится решение.

В: Вы не присутствуете на процессе никто?

О: Нет. Если считают, что недостаточно представлено документов, просто нам выносят постановление в отказе об удовлетворении ходатайства.

Следователь городского отдела МВД

Иногда следователь после регистрации материала в канцелярии заходит и к судье, чтобы отдать материалы и договориться о том, когда будут даны необходимые разрешения.

Ну, опять же это по загруженности судьи, по договоренности с ним. В принципе если тебе не горит совсем — вот прямо сейчас тебе не надо идти на обыск или ту же самую выемку делать — то это возможно перенести на завтра. Он напечатает сегодня, а ты заберешь завтра. Если в срочном порядке арест, то сразу приходишь. И материалы тебе тут же должны рассмотреть.

В: Вы приходите в канцелярию или...

О: В канцелярию вначале. В любом случае материалы через канцелярию, там ставится входящий номер, номер присваивается. Потом уже к самому судье.

Следователь городского отдела МВД

Почти все наши респонденты говорили, что с судьями у них хороший, рабочий контакт. Часто следователи советуются с судьями и по конкретным деталям уголовного дела — обсуждая вопрос квалификации (о важности этого процесса в юридическом мире и в работе по конкретному делу см. следующую главу).

В.: А с судьями приходилось советоваться поначалу?

О: Не то что поначалу — мы всегда советуемся. Не консультируемся, а советуемся. Судья всегда говорит: «Мы советуем, а дальше Вам принимать решение». (...) Он может сказать: «Вот это почитайте, Пленум почитайте». Я пришла, почитала, подумала, как он мне может помочь, что мне нужно то-то (...). Она не говорит: «Делайте так!» И я никогда не поступаю, как судья скажет. Она же все равно не знает дела полностью.

Следователь районного отдела МВД

Из такого правила бывают и исключения.

В: По каким вопросам Вы обращаетесь к судье?

О: Судьям запрещено общение.

В: Это жестко соблюдается?

О: Это жестко соблюдается. Не то что совсем нельзя, нельзя обсуждать перспективы дела. Это крайне жестко. Это принципиальная позиция председателя суда. То есть она меня может вызвать, рассказать, какие все негодяи, потому что там чего-то не дописали и суду было не совсем понятно. То есть уже по делу, которое по приговору, который состоялся. А по текущим делам — никак.

Следователь районного отдела МВД

Но, как правило, следователи говорят, что могут советоваться с судьями о квалификации преступлений по сложным делам. Иногда они выбирают суд, в котором есть знакомые или бывшие коллеги. В то же время судьи отрицают, что общаются со следователями, а опрос судей показывает, что следователь в числе их контактов оказывается на последнем месте¹. Мы можем предположить, что внутриведомственные (как официальные, так и неофициальные) правила судей относят общение со следователями к запрещенным действиям, о которых посторонним рассказывать нельзя. Следователями же такое общение воспринимается как нормальное и легитимизируется тем, что обсуждается не конкретное дело, а «гипотетический пример». Возможно также, что для судей общение со следователями настолько привычно, что им кажется, что оно не заслуживает отдельного упоминания.

В: А с судьями какое взаимодействие?

О: Как такового взаимодействия с судьями у нас нет. Единственное, учитывая, что я работаю давно, по особо сложным делам, я, конечно, звоню в областной суд. Потому что там много сотрудников, с которыми я раньше работала, и иногда я туда иду. Это недалеко. Или же созваниваемся, советуемся, ситуацию обрисовываем. Ведь практика суда в регионах различна — в одном так, в другом так. Соответственно, делаем так, как лучше, чтобы судье было легче рассмотреть, чтобы у него варианты рассмотрения были. Поэтому только в таком русле у нас.

Следователь МВД

Социализация следователей проходит в два этапа. Сначала их круг общения составляют в основном другие следователи, а потом, когда приходит опыт и накапливаются социальные связи, они начинают чаще общаться с судьями и работниками аппарата суда (табл. 39).

После направления дела в суд судья может попросить следователя помочь обеспечить явку свидетелей или потерпевших, если те не являются в суд. В целом можно уверенно утверждать, что следователи часто посещают суд, знают судей, рассматривающих уголовные дела, их помощников и секретарей. Основные темы профессионального

¹ См.: Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. Указ. соч.

Таблица 39

Частота общения с работниками суда в разных возрастных группах, % (N = 589)

Вариант ответа	Возраст			Всего
	Старше 35 (1979 г. р. и ранее)	30—34 (1980—1984 г. р.)	Моложе 30 (1985 г. р. и позднее)	
Каждый день	50,8	34,5	30,6	38,4
Несколько раз в неделю	26,4	35,0	26,5	29,0
Раз в неделю	19,7	26,6	36,5	28,0
Реже	3,1	4,0	6,4	4,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

общения: решение технических вопросов по снижению затрат на общий рабочий процесс или обсуждение вопросов квалификации преступлений в спорных случаях.

Насколько следователь автономен в своих решениях?

Следователь может самостоятельно принимать решения о ходе расследования и о проведении следственных и процессуальных действий, за исключением тех, где ему требуется судебное решение или согласие руководителя следственного органа (ст. 38 УПК РФ). Закон обеспечивает ему некоторую автономию в принятии решений, хотя и не провозглашает, как в УПК 1961 г. в ст. 127, «процессуальную независимость следователя». Идеей действующего УПК РФ (2001) было создание «единой команды» оперативник — следователь — прокурор, т. е. стороны обвинения¹, которая должна была состязаться со стороной защиты в виде адвоката и обвиняемого. Некоторые специалисты считают, что этого не удалось достигнуть, в подтверждение своего мнения указывая на конфликты высших этажей СКР и Генеральной прокуратуры². Однако на районном уровне сотрудничество с прокуратурой воспринимается как норма. Такое взаимодействие не только нормативно не запрещено, но и всячески поощряется в большинстве межведомственных инструкций.

Наряду с общением есть еще одна важная вещь — неформальные согласования отдельных действий следователя. На профессиональном языке это называется «обсуждать с...».

¹ См.: Воскобитова Л. А. Каким быть аппарату власти следственной? // Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. С. 89—90.

² Там же.

Когда изменения в квалификации происходят, то консультируешься с руководством. Если какие-то сомнения есть, можно и с прокурором. Есть же практика судов, если мы здесь не переквалифицируем, в суде потом переквалифицируют. Но это тоже указывает на качество следствия.

Следователь МВД

На основании анализа интервью и предыдущих исследований мы выделили несколько вопросов, которые следователи, по их мнению, могут обсуждать с представителями различных внешних структур и со своими руководителями:

- вопрос необходимости и возможности задержания лица в качестве подозреваемого;
- квалификация преступления при возбуждении уголовного дела;
- квалификация преступления при предъявлении окончательного обвинения;
- заполнение статистической карточки, в которой учитываются квалификация преступления, результат расследования, роль подразделений в раскрытии преступления;
- решение о приостановлении расследования по уголовному делу, как правило, в случае, когда преступление осталось нераскрытым.

В ходе опроса мы просили следователей указать, с кем они обсуждают те или иные вопросы. Этот показатель позволяет понять, является ли в своих рутинных действиях следователь самостоятельной фигурой или большинство его решений требует неформальных согласований (табл. 40).

Вопросы задержания, квалификации при возбуждении, перед направлением дела в суд и приостановления дела решаются рабочей группой в составе следователя и руководителя следственного органа. Все основные вопросы обсуждаются с руководителем следственного органа. И только заполнение статкарточки обсуждает с руководителем лишь каждый второй следователь. Когда речь идет о задержании и итоговой квалификации, более чем в половине случаев к работе подключается один из сотрудников прокуратуры (чаще всего профильный заместитель прокурора, но конкретная должность того, кто участвует в согласовании со стороны прокуратуры, будет сильно зависеть от размеров района и локальных традиций). Приостановление же дела остается внутренним вопросом следственного органа.

Заполнение статкарточки — это преимущественно личное дело следователя, хотя в половине случаев она согласовывается с руководителем следственного органа. Задержание же, наоборот, — процесс, требующий наибольшего количества согласований. Заметим, что это

Таблица 40

Вопросы, подлежащие согласованию, %

С кем следователи обсуждают указанные темы?	Темы обсуждений				
	Задержание	Квалификация при возбуждении уголовного дела	Квалификация при предъявлении обвинения	Статкарточка	Приостановление
Прокурор	28,1	15,9	20,5	4,7	7,9
Зампрокурора	31,8	26,9	40,5	7,5	13,1
Помощник прокурора	4,1	2,6	4,4	1,2	2,3
Руководитель следственного органа	93,7	90,7	92,4	54,1	85,1
Оперативник	11,0	2,0	0,8	4,3	3,7
Начальники полиции/ОВД	10,9	2,4	0,6	2,8	6,1
Адвокат	2,1	0,5	1,1	0,2	0,5
Ни с кем	1,7	7,5	4,1	39,1	13,9
Иное	0,5	2,1	1,8	6,4	0,3
Всего опрошенных	663	665	660	653	656

единственный повод, по которому следователь относительно часто вступает в диалог с представителями полиции.

Другими словами, те решения, которые потом так или иначе будут связаны с передачей дела «далее» — задержание и итоговая квалификация дела, — это результат труда рабочей группы в составе следователя, руководителя следственного органа и сотрудника прокуратуры. То, что означает финализацию работы внутри следственного отдела — приостановление дела, квалификация при возбуждении уголовного дела, — решение следователя и его начальника. Остальные участники процесса уголовного судопроизводства в типовом, рутинном деле из работы выключены. Они просто узнают постфактум о решении следователя, понимая при этом, что на самом деле это решение (как правило) небольшого коллектива. Если мы посмотрим на то, как влияет опыт работы в следственных органах на количество согласований, то предсказуемо увидим, что значительно реже согласовывают свои действия более опытные следователи.

При этом важно понимать, что в анкете речь шла о типовой, рутинной ситуации. В сложных случаях рабочая группа расширяется и может включать всех перечисленных участников, но в первую очередь прокуратуру. Особенно часто с ее представителями обсуждают квалификацию дела в сложных (но не типовых) случаях.

В: С прокуратурой Вам приходится взаимодействовать?

О1: Конечно да.

В: А в чем это взаимодействие состоит?

О1: В ходе расследования, когда мы заканчиваем, то иногда мы согласовываем с прокурором квалификацию. Окончательное постановление о привлечении в качестве обвиняемого, если это необходимо, — это крайний случай. Когда сомнения у нас есть.

В: С прокуратурой всегда контакты формальные или можно проконсультироваться, просто по-человечески обратиться?

О2: Обратиться можно.

В: А туда приходится обращаться по каким поводам?

О2: Ну, в основном по ходу расследования, по квалификации.

В: А для чего это нужно?

О2: Прокуратура непосредственно нас курирует. Мы без ее внимания тоже некоторые вопросы не можем оставить. То есть заранее — до производства, до следственного действия или еще до задержания — советуемся, доводы свои изъясняем. Мы с ними тесно тоже работаем.

Следователи МВД

Следователи достаточно подробно описывают контакты с прокуратурой и судом как с нормальными партнерами по профессиональной коммуникации.

В судах мы, допустим, по сей день консультируемся. (...) Вот у нас в суде одна практика, допустим, в другом городе — другая. Звонишь, спрашиваешь, как нашему судье будет удобно, какие документы собрать, что выяснить, что еще нужно. И в прокуратуре мы консультируемся по сей день. (...) Я вот с этим материалом прихожу в прокуратуру, мне подписывают согласие на возбуждение. Раньше это было согласие, сейчас просто карточки подписываем, но все равно мы их подписываем. После этого я, допустим, в ходе расследования направляю уголовное дело прокурору (...) — он либо утверждает, либо не утверждает обвинительное заключение. Если все утверждено, тогда уголовное дело направляется в суд и там уже обвинение поддерживает помощник прокурора (...).

В: С кем Вы, получаете, больше советуетесь?

О: С заместителями, наверное. У тех, кто нам утверждает обвинительное заключение. Они курируют нас, всю следственную деятельность нашу.

Следователь МВД

Подробнее стоит остановиться на одном из важнейших решений, которое принимается в ходе расследования, — возбуждении уголовного дела. Возбуждение уголовного дела происходит на основании материала проверки — пакета документов, из которого должно следовать, что основания для возбуждения уголовного дела имеются. Для большинства дел, расследуемых в следственных отделах МВД, такой материал проверки комплектуется в ходе работы СОГ, но может поступать и из отдела дознания, от участкового и т. д. Знакомство с этими документами позволяет понять, что же происходит на практике при возбуждении уголовного дела. И так, кто же знакомится с этим материалом до того, как будет принято решение о том, что уголовное дело возбуждается?

Из табл. 41 мы видим, что руководитель следственного отдела практически всегда читает материал проверки перед принятием решения о возбуждении уголовного дела. Сотрудники прокуратуры читают материал проверки в четверти случаев. Еще в четверти — кто-то из сотрудников полиции. То есть возбуждение уголовного дела — это решение, которое в типовом случае принимается тремя участниками: следователем, его руководителем и прокурором или сотрудником полиции (это может быть оперативник, дежурный от руководства или руководитель оперативных служб). При этом условно сложные в юридическом смысле дела будут согласовываться с прокурором. С представителями полиции будут согласовываться те дела, по которым была проведена серьезная предварительная работа, которую нужно должным образом отразить в материалах дела, или дела, успешная работа над которыми требует активного участия оперативных работников.

Таблица 41

Ответы на вопрос «Кто, кроме Вас, обычно читает материал проверки перед возбуждением уголовного дела?» (N = 662)

Вариант ответа	Доля, %
Прокурор района	5,6
Заместитель прокурора района по надзору за следствием	16,0
Помощники прокурора	5,0
Руководитель следственного отдела	95,5
Руководитель оперативных служб	12,7
Руководитель органа внутренних дел	15,4
Оперативник, ответственный за соответствующее направление	9,4

Таким образом, в большинстве случаев следователь занимается комплектованием материалов дела — проведением допросов, назначением экспертиз и т. д., но основные решения так или иначе принимаются после обсуждения с более широкой рабочей группой. Формально говорить об утрате «независимости» следователем нельзя, но на практике есть разделение: в простейших, рутинных, поточных случаях согласования и обсуждения становятся чистой формальностью, даже если они предусмотрены официально. В сложных же случаях по делу работает «команда» из следователя, руководителя следственного отдела, сотрудников прокуратуры и иногда судей. Понятно, что в большинстве случаев прокурор или судья не приказывают следователю. Но вся институциональная механика стимулирует следователя максимально точно следовать советам прокурора и судьи, если такой совет (ответ на «абстрактный вопрос») был получен.

Проблема «заказных» дел

Остается вопрос: как такое сочетание автономности в одних делах и коллективности в других сказывается на возможности фальсификации доказательств и появления так называемых заказных дел? Словами «заказное дело» обычно обозначают возбуждение уголовного дела и последующее осуждение невиновного человека. Мы намеренно не хотим рассматривать вопросы, откуда такие дела появляются: причины этого могут быть как коррупционные (от взятки до давления показателей), так и политические. Также не станем оценивать, много ли таких дел. Мы можем только рассмотреть, используя терминологию самих следователей, гипотетический случай и проанализировать его. Причем здесь мы не будем рассматривать случаи, когда вопрос правомерного преследования — это вопрос юридической квалификации реальных действий и оценки нефальсифицированных доказательств¹.

¹ В последней главе мы приводим примеры работы суда с доказательствами по делу «Кировлеса» (обвинения общественного деятеля А. Навального в мошенничестве). Позиция одного из авторов относительно юридической допустимости оценки доказанных действий как мошенничества изложена в публицистической статье (см.: *Шклярук М.* Логика обвинения. URL: <http://enforce.spb.ru/chronicle/publications-of-the-media/5950-m-shklyaruk-logika-obvinieniya>) и состоит в том, что состава мошенничества в деле не было, так как по подобным признакам любую сделку, где покупатель затем продает товар с прибылью (да и без нее), можно признать преступлением. Похожим же спорным случаем конструирования преступного может быть уголовное дело в отношении «Пусси райот»: в дебатах о правомерности/неправомерности оценки их действий как хулиганства сломано немало копий (см.: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%BE_Pussy_Riot). Следователи в обоих случаях могут апеллировать к тому, что

Мы разберем случай, в котором работа следователя может играть ключевую роль в возможности легализации ложных сведений, правильного закрепления фальсифицированных доказательств. В качестве такого примера мы решили использовать вымышленный случай, ставший частью сюжета фильма Андрея Звягинцева «Левиафан»¹. В нем главного героя приговаривают за убийство жены к 15 годам лишения свободы. У зрителя создается ощущение, что жена совершила самоубийство, а затем в отношении мужа фальсифицируется уголовное дело, а приговор выносится судом, председатель которого вместе с прокурором и начальником отдела полиции знают о фальсификации уголовного дела и фабрикуют его по просьбе главы района. С точки зрения формальных доказательств уголовное дело выглядит ясным: следователь получает заключение эксперта о том, что причинной смерти женщины послужили повреждения определенным предметом, который затем находят у Николая (подозреваемого, главного героя). Есть свидетели, которые рассказывают о действительно имевшем место событии: Николай после того, как узнал об измене жены, угрожал убить ее.

Если предположить, что фальсификацией доказательств занимались оперативники, то от них потребовалось договориться с судебно-медицинским экспертом, чтобы он описал несуществующие повреждения или нанес их подходящим предметом и описал как полученные при жизни и ставшие причиной смерти, а не как посмертные. Наличие заключения эксперта, правильно изъятое «орудие убийства» (которое можно подбросить в дом к подозреваемому) и показания свидетелей о причине и мотивах убийства делают для следователя и суда виновность Николая очевидной, даже если бы суд и следователь не участвовали в фабрикации дела против Николая.

Случаи, когда оперативные работники с привлечением экспертов или без одного фальсифицируют картину преступления, возможны и тогда, когда преступление подследственно следователям МВД, и тогда, когда оно подследственно следователям СКР. Практика расследования уголовных дел и местные «стандарты» доказательств известны оперативникам не хуже, чем следователям, т. е. они могут без вовлечения следователя в процесс фальсификации доказательств совершить необходимые действия. Подброшенные наркотики будут изъяты по всем правилам, провокации/создание видимости взятки

они собрали доказательства и дали свою оценку фактам, а суд мог, если бы не считал это преступлением, оправдать обвиняемых.

¹ В фильме речь идет об убийстве, т. е. следователь — представитель СКР (хотя в фильме определить его ведомственную принадлежность невозможно).

зафиксированы безукоризненно: со всеми полагающимися документами, свидетелями и согласиями. Следователю останется оформить все как доказательства и передать следующему — прокурору, а через него — суду. Следователю чрезвычайно сложно что-то сфальсифицировать или, наоборот, доказать невиновность обвиняемого, поскольку он опирается на уже собранные документы и показания свидетелей. Кроме того, у него практически нет стимулов, чтобы доказывать невиновность обвиняемого. Устанавливать невиновность его заставляет только организационный стимул — риск оправдательного приговора. То есть устанавливать невиновность нужно только в том объеме, в котором это может впоследствии проверить суд, обнаружив новые факты и постановив оправдательный приговор. Однако, как мы помним, это крайне редкое явление. В интервью следователи говорят о том, что они иногда с недоверием относятся к данным, полученным от оперативных работников, и пытаются найти еще какие-то доказательства. Так же можно трактовать и результаты опроса, в котором следователи больше всего доверяют вещественным доказательствам, результатам обысков и осмотров, экспертизам, потом показаниям свидетелей и лишь затем другим видам доказательств (см. рис. 2 на с. 69). С точки зрения организационной логики сфальсифицировать доказательства безопаснее всего до того, как дело попало к следователю¹.

Можно сфальсифицировать доказательства, изменив заключения экспертов. Такими возможностями теоретически располагают все участники процесса. Так, следователи могут подделать протоколы до-

¹ Так, из журналистского расследования (<http://www.svoboda.org/content/article/27535701.html>) мы узнаем, что одним из доказательств причастности к краже автомашины стало изъятие окурков со слюной обвиняемого из бардачка похищенной машины, т. е. протокол осмотра, а затем экспертизы. Обвиняемый, не отрицая факта наличия его слюны на окурке, выдвигает версию, что окурки были подняты оперативниками с земли при осмотре места происшествия и подкинут в машину. Мы вынуждены комментировать журналистское расследование, поскольку приговоров судов по фактам фальсификации доказательств или незаконного уголовного преследования, которые могли бы послужить другим источником, немного. За 2014 г. суды осудили по соответствующим статьям УК РФ (ст. 299, ч. 2—4 ст. 303, ст. 304, 305) лишь 42 человека. Доступ к таким делам не всегда прост и нет уверенности, что все осужденные по этим статьям работали в правоохранительных органах. По крайней мере в трех случаях это были адвокаты. В качестве примера информации, которая могла бы быть доступна из приговоров суда, мы можем привести одно решение из базы проекта «Росправосудие» (<https://rospravosudie.com/court-saratovskij-oblastnoj-sud-saratovskaya-oblast-s/act-470776210>). В этом деле заместитель начальника следственного отдела предложил предпринимателю, против которого было возбуждено уголовное дело, за взятку привлечь вместо него другое лицо (невиновное), сфальсифицировав (видимо, с согласия последнего) документы о том, что он был руководителем предприятия.

просов свидетелей, создать новые вещественные доказательства, поменять документы в деле и т. д. Тогда прокурор, в свою очередь, не сможет обнаружить фабрикацию дела. Все подобные случаи, естественно, считаются преступлениями — УК РФ предусматривает целый набор статей, описывающих преступления против правосудия: привлечение невиновного к уголовной ответственности, фальсификация доказательств, заведомо ложное заключение экспертов и т. д. Но возможность их выявления и готовность преследовать за них виновных зависит:

от судебной системы, прокуратуры: в случае, когда признание доказательств фальсифицированными и вынесение оправдательного приговора создают негативные последствия для прокурора, утвердившего обвинительное заключение, не стоит ожидать от него принципиальной позиции;

от характера взаимоотношений граждан и правоохранительных органов: осуждение/неосуждение бытовой коррупции или дачи взяток как способа достижения целей, использование/неиспользование уголовной системы для решения личных вопросов: предпринимателями — для ликвидации конкурентов, обывателями — для расправы с личными обидчиками (соседями, учителями, бывшими супругами);

от политической ситуации (наличие политических дел, меняющих правила и стандарты доказывания или определения преступности/непреступности деяния¹).

Таким образом, проблема возникновения и расследования «заказных» уголовных дел связана не столько с формальными рамками и организационными условиями, сколько с общей политической и экономической ситуацией в стране. Если совершение должностных и коррупционных преступлений влечет за собой небольшие риски, а попытки им противостоять — наоборот, то это напрямую не связано со структурой правоохранительной системы². Тем не менее существующая организационная система и система показателей скорее способствуют сокрытию таких случаев, чем их выявлению.

¹ Европейский Суд по правам человека 23 февраля 2016 г. признал, что в «деле Кировлеса» Навальный и Офицеров были осуждены за действия, «неотличимые от законной предпринимательской деятельности». См.: *Case of Navalnyy and Ofitserov v. Russia*. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-161060#%7B%22itemid%22%3A%22001-161060%22%7D>.

² См.: Как стать оборотнем. Журналистское расследование. URL: <http://www.novayagazeta.ru/inquests/71700.html>. В расследовании описывается история следователя СКР, который отказался совершить подлог служебных документов и выносить незаконное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. В отношении него, возможно, было сфальсифицировано уголовное дело о получении взятки.

Работа следователей через призму показателей

«Показателями» в российских правоохранительных органах называют статистические характеристики работы того или иного подразделения (для следствия это в числе прочего будет количество дел, направленных в суд, и количество отмененных решений). Показатели — это важнейший инструмент управления в полиции¹. Как показатели влияют на повседневную работу следователей и как они воспринимают эти показатели? Мы не будем останавливаться на вопросах, откуда и почему появились именно эти цифры, в каких формах статистической отчетности они «прячутся», как официально называются. Мы расскажем о том, как показатели структурируют работу следователей: какова разница между уголовными делами, расследованными в два месяца и в четыре, и какие последствия влечет, например, продление расследования.

Ключевым механизмом, обеспечивающим повседневный контроль работы, являются всевозможные совещания/планерки/летучки, где речь идет главным образом о показателях. Следователи МВД и оперативники вместе работают в отделе полиции. Однако даже если их кабинеты расположены в одном здании, то практически всегда в разных крыльях или на разных этажах. Их повседневный график различается. Однако их начальники встречаются на летучке (планерке, совещании и т. д.) у руководителя отдела/управления полиции каждый рабочий день. Утром могут встретиться и все сотрудники.

Прихожу на работу до начала рабочего дня, включаю, как правило, компьютер, смотрю по делам, что бы хотел сегодня сделать. Иду на «рапорт» — у нас в актовом зале проводит начальник полиции либо начальник отдела.

В: А он долго?

О: Ну в основном минут десять. Зачитываются преступления, докладывается оперативная обстановка, если есть какие-то события, то эти события зачитываются. Рассказывает начальник. После этого мы собираемся своим следствием у начальника следствия, которая рассказывает нам, что-то спрашивает с нас о проделанной работе и смотрит планы на день: чем ты собираешься заниматься.

Следователь МВД

После «рапорта»/планерки/летучки начальники расходятся к своим подчиненным и начальник следователей обсуждает планы своих

¹ См.: Панеях Э. Л., Поздняков М. Л., Титаев К. Д. и др. Указ. соч.; Шклярчук М. С. Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы. СПб., 2014; Шклярчук М. С., Скугаревский Д. А. Указ. соч.; Панеях Э., Титаев К., Шклярчук М. Указ. соч.

подчиненных на день: текущие дела, перспективу по направлению дел в суд, по приостановлению. Во многих отделах следователи и начальник соберутся еще раз вечером.

Иногда нас в шесть, в начале седьмого собирают, задержишься на полчаса, больше сделаешь, чем в рабочее время, потому что там не отвлекают! (смеется) Большая часть уходит домой. Прикрываешь дверь, сидишь — хорошо! Никто не мешает.

Следователь МВД

Примерно одновременно с этим в другом крыле/этаже/здании начальник оперативников или уголовного розыска обсуждает со своими сотрудниками их текущие задачи, среди которых обязательно будут те, что касаются дел, находящихся у следователей. С оперативников, как и со следователей, начальники будут спрашивать планы и результаты по конкретным делам. Иногда — требовать ускорить сдачу дела, иногда — раскрыть то, что раскрываемо. Но то, что до следователей/оперативников доносится в формах, привязанных к конкретным делам/материалам, должно в первую очередь служить: а) интересам всего отдела/управления, б) интересам следственного подразделения.

Почему мы заговорили об этих планерках именно здесь — в разделе, посвященном формальным показателям и отчетности? Дело в том, что именно на таких планерках происходит превращение абстрактных показателей, по которым потом будут оценивать работу всего отдела полиции и следствия, в конкретные действия, которые должны предпринять конкретные сотрудники. О чем бы ни говорили на такой планерке, на самом деле речь об итоговой отчетности и показателях. Система показателей является единой для всего отдела полиции. Итоги расследования уголовных дел — это одна из важнейших частей формальной оценки вышестоящим руководством. Соответственно, следствие — это конечное звено, сборочный цех, из которого выходит готовый продукт правоохранительной индустрии. Сбои или торможение на стадии следствия влияют на то, как будет оценен отдел целиком, едва ли не больше, чем сбои в любом другом подразделении. Поэтому именно на таких планерках начальник может сказать: «Коллеги, мы не выполняем план — давайте все вместе навалимся и поможем следствию». Именно здесь будут приниматься решения о приоритете одних показателей над другими. Соответственно, и итоги работы следствия интересуют очень большое количество других подразделений, но интересуют в первую очередь в контексте отчетности.

Итак, какие же показатели сами следователи воспринимают как приоритетные?

Таблица 42

Ответы на вопрос «Какие показатели наиболее важны при оценке Вашей работы?»¹, %

Вариант ответа	Не важно	Не очень важно	Важно	Очень важно	Всего опрошенных
Оправдательный приговор в суде ²	3,4	5,7	25,6	65,3	614
Сроки, в которые расследуются дела	0,8	2,4	33,0	63,8	655
Количество дел, направленных в суд	1,2	3,3	32,6	62,9	666
Качество работы (полнота допросов, следственных действий и т. п.)	0,9	3,8	37,4	57,9	653
Количество преступлений, по которым дела направлены в суд	1,7	10,6	46,6	41,2	653
Результат рассмотрения дела в суде (кроме оправдания)	4,8	15,9	42,8	36,5	649
Аккуратность в оформлении дел	1,7	7,1	55,1	36,2	652
Сложные дела, которые удалось расследовать и направить в суд	4,0	12,2	50,0	33,9	658
Другое	23,5	27,0	28,7	20,9	115
Количество приостановленных (нераскрытых) дел	13,7	26,3	42,8	17,1	649

Как мы видим из табл. 42, самым важным является оправдательный приговор в суде. На втором месте по важности — сроки расследования, на третьем — количество дел, направляемых в суд.

Оправдательный приговор — главный сбой системы

Два из трех следователей называют самым важным критерием «отсутствие оправдательных приговоров в суде».

¹ Ответы отсортированы по колонке «очень важно».

² Здесь и далее подразумевается отсутствие оправдательного приговора в суде как положительный индикатор и собственно оправдательный приговор как индикатор отрицательный.

В: А что является результатом Вашей работы?

О: Результатом?

В: Да.

О: Направление уголовного дела в суд, естественно.

В: Независимо от того, что произойдет в суде?

О: Нет. Естественно, чтобы оправдательный ни в коем случае. У нас за это наказывают. Надо, чтобы человек понес наказание определенное. Чтобы состоялся приговор.

Следователь МВД

Оправдательный приговор в логике системы — это самый главный сбой в ее работе¹. Структура расследования предполагает, что полицейский нашел подозреваемого, а следователь затем внимательно собрал все доказательства вины. Если доказательств недостаточно, следователь не должен направлять дело в суд, напротив — должен его прекратить. Закон наделяет следователя полномочиями прекращения уголовного преследования обвиняемого (подозреваемого) в связи с его непричастностью к совершению преступления². При этом следователь, по сути, должен принять судебское решение — решение о виновности или невиновности на основании того, насколько доказана вина конкретного лица. В отличие от судьи работа следователя не ритуализована и не формализована — он принимает решения в кабинете, опираясь на материалы уголовного дела, в сборе которых сам, возможно, принимал участие.

Прокурор, утверждая обвинительное заключение, должен убедиться в том, что следователь собрал все доказательства правильно. Внутри прокуратуры существует сложный порядок отказа прокурора от поддержания обвинения в суде, предусматривающий, в частности, что если обвинение в суде поддерживает не тот сотрудник прокуратуры, который утверждал обвинительное заключение³, то производится замена прокурора. Отказ от обвинения в суде по всем статьям обвинения — второй по нежелательности исход, и внутренняя реакция системы будет такой же, как и на оправдательный приговор. От обвинения должен отказываться тот сотрудник прокуратуры, который утвердил обвинительное заключение. Он же потом будет подвергнут проверке, и, возможно, на него будет наложено дисциплинарное взыска-

¹ Об общей логике отчетности и роли сбоев подробнее см.: *Панях Э.* Трансакционные эффекты плотного регулирования на стыках организаций. На примере российской правоохранительной системы // *Полития.* 2013. № 2. С. 38—59.

² Заметим, что таким образом заканчивается менее 0,5% всех расследуемых дел.

³ Практически всегда в таких сложных случаях обвинение поддерживает тот работник прокуратуры, кто утверждал обвинительное заключение.

скание. Сходная практика существует и по оправдательным приговорам, хотя в отличие от инициативного отказа обвинителя оправдательный приговор может стать неожиданностью для всех участников досудебного следствия.

Вынесение оправдательного приговора приводит к проверкам действий всех, кто имел отношение к расследованию уголовного дела.

Оправдательный приговор — это минус всей правоохранительной нашей системе. Я имею в виду следствие, оперативных сотрудников, прокуратуру. Это значит, вся наша правоохранительная система сработала на минус. Мы предъявили обвинение незаконное. Я не считаю, что оно незаконное. На тот момент, когда я предъявлял обвинение, на то были достаточные основания. Плюс утверждено обвинительное заключение прокурора. Дело поступило в суд. Судья рассмотрел, судья принял решение. Поэтому так мало оправдательных приговоров у нас. Потому что если оправдательный приговор, то летят головы, летят погоны, летят зарплаты, премии, все, что хотите, летит.

В: То есть буквально один?

О: Один приговор, да. И служебная проверка однозначно. И летят.

В: Служебная проверка следователя?

О: По факту — да. В отношении следователя, который направил дело в суд.

В: Давайте посмотрим, кто еще страдает? Кроме Вас кто получит по шапке?

О: Однозначно руководитель следственного органа.

В: Ваш непосредственный начальник?

О: Да все в принципе.

Следователь МВД

Уголовное дело оценивают в первую очередь по критерию «оправдают/не оправдают», особенно в момент первого формального решения о привлечении в качестве подозреваемого или обвиняемого. Такая оценка — часть общего «прогноза» следователя по уголовному делу. Возбуждая уголовное дело, следователь должен сразу представлять перспективу его развития, а опытный следователь при появлении обвиняемого и знании его характеристик (судимостей, социального статуса) должен уметь предсказать и примерный исход уголовного дела, включая тип и даже размер наказания¹.

Но риск оправдательного приговора, как правило, преувеличивается следователем. Если смотреть относительно числа оконченных и приостановленных дел, то в 2011 г. в МВД только каждый 54-й следо-

ватель сталкивался с оправдательным приговором в своей практике, с тех пор количество оправдательных приговоров уменьшилось. Таким образом, фактически все только слышаны о возможности оправдательного приговора, но последствия известны каждому. Тем не менее именно степень оценки риска оправдательного приговора определяет поведение следователя.

Сроки: борьба с «волокитой» и роль «верхних этажей» в контроле показателей

63,8% следователей назвали сроки очень важным показателем в оценке их работы, еще 33% — важным критерием. Срок следствия по уголовному делу, согласно УПК РФ, составляет два месяца со дня возбуждения уголовного дела. Если следствие не закончено, то руководитель следственного отдела района, где проводится расследование, может продлить срок до трех месяцев. Если срок расследования надо продлевать дальше, то до 12 месяцев он продлевается руководителем следственного органа по субъекту Федерации или его заместителем. В случае МВД это (главное) следственное управление при управлении МВД по субъекту Федерации или министерству республики. Свыше 12 месяцев срок следствия продлевается на уровне Следственного департамента центрального аппарата МВД, т. е. в Москве. Теоретически срок следствия можно продлевать до истечения срока давности уголовного преследования, что для разных категорий дел в зависимости от их тяжести составляет 2 года, 6, 10 и 15 лет (ст. 76 УК РФ). До 2007 г. полномочия продления срока следствия были у прокуратуры: прокурор района продлевал сроки следствия до 6 месяцев, прокурор субъекта Федерации — до 12 месяцев, дальше продления происходили на уровне заместителей Генерального прокурора РФ. Таким образом, последняя (2007 г.) реформа следствия изменила инстанцию, которая дает следователю возможность дольше работать над уголовным делом (с прокурора на начальника следствия), и резко сократила срок, на который уголовное дело может продлеваться на местном уровне (с шести месяцев до трех).

Раньше что было? Продление у нас предлагала прокуратура. В принципе у нас и сейчас прокурор знает все, какие есть, продления. Но раньше прокуроры сами продлевали — они сами были в курсе дел. Очень много дел, когда прокурор не знает, это непроблемные дела например. Они с ним не обсуждались. Он получает дело уже с обвинительным заключением, он уже его изучает. Может что-то ему не понравиться. Когда были продления, он был в курсе всего, но тогда не в курсе были руководители ГСУ, которое собирает эту всю информацию, курирует непосред-

¹ Подробнее о том, как следователи прогнозируют исход дела, см.: Панях Э., Титаев К., Шкляр М. Указ. соч.

ственно... КМО¹, методический отдел. Теперь они вроде знают все это. Но, честно сказать, я не знаю, в чем разница. Сейчас разница только в том, что, получается, прокурор не знает теперь чаще всего, что происходит в уголовном деле, а руководители непосредственные знают.

Следователь МВД

Последнее изменение оказалось самым значимым с точки зрения временных затрат на продление срока расследования уголовного дела: продление его до четырех-пяти месяцев требует от следователя поездки в управление по субъекту Федерации, т. е. в столицу субъекта (если следователь работает в любом другом районе или городе). Кроме того, продление срока следствия по уголовному делу заставляет следователя выйти за пределы «родного» отдела полиции и обычных контрагентов (прокурора, суда) и столкнуться с КМО следственного управления.

Все, что мы описывали раньше, не предполагало прямого контакта с вышестоящим этажом в иерархии организационных структур. Следователи следственных управлений по субъекту Федерации, расследующие более сложные дела, чаще всего не контактируют со следователями «на земле». Это изолированные друг от друга части организационной структуры — каждый расследует свои уголовные дела, переход на должность следователя в управлении МВД по субъекту Федерации — один из вариантов карьеры внутри службы. Конечно, следователи опосредованно сталкиваются с существованием методического отдела: отсюда постоянно приходят письма с разьяснением практики расследования, методические указания о расследовании какого-нибудь вида преступлений, правила оформления доказательств. Следователи обязаны изучать их, но часто это ограничивается просто подписями на «листочках ознакомления», поскольку, «если изучать это все, то некогда работать». Из КМО может приехать проверка в отдел, но это происходит не часто.

За каждым из районов (закреплено) по человеку. У них зоны. Там по несколько районов на одном зональнике висит, тоже не просто². В свете последних событий их гоняют по районам для оказания методической помощи, для проверки дел. Не знаю, с чем это связано. Они тоже из бывших следователей, но уже оторваны немножко от земли. Поэтому не всегда понимающие ситуацию конкретно в данном месте, в данное время. Но пытающиеся чем-то помочь, потому что у них тоже есть указивка: по-

¹ Контрольно-методический отдел (главного) следственного управления при (Г)У МВД по субъекту Федерации или республиканском министерстве — основное подразделение, которое отвечает за качество следствия в районных отделах.

² То есть у каждого района один куратор, но у одного куратора несколько районов.

едешь туда, разберешься, доложишь об устранении. С одной стороны, может быть, они — лишнее звено. С другой стороны, указания контрольно-методические. Да нет, зональники они сами по себе нужны. Единственно опять же человек — кто стоит на этом конкретном месте. Либо, прошу прощения, девочка, которая приезжает. Там три, какое три, там, наверное, года два поработала где-то и пытается мне рассказать, как расследовать уголовное дело вот в этой ситуации. Ну, умный человек хотя бы спросит, как и что, да? Сначала вникнет в обстановку, а потом уже, может, что-то предложит, действительно, может быть, она тоже что-то знает, учиться никогда не поздно. В том числе и нужно. (...) По сути, одни приезжают управленческую деятельность проверять, вторые — дела. Она проверяет, сколько конспектов у меня по служебной подготовке, потому что, если нет конспекта — всё! Вторая — содержание дел.

Следователь МВД

Именно продление срока следствия превращает вышестоящее управление в лице КМО, находящееся между следователем и начальником (чаще — заместителем начальника) следственного управления, в необходимого контрагента. Сотрудники КМО в логике других наших исследований организационного устройства правоохранительных органов представляют собой «штабы» и элемент линейного подчинения¹. Однако они состоят на должностях следователей (следователь КМО). Формально их задача — обеспечить «организационно-методическое руководство деятельностью подчиненных органов предварительного следствия в целях всестороннего, полного и объективного расследования преступлений, отнесенных к подсудственности следователей органов внутренних дел; осуществить в пределах своих полномочий контроль над соблюдением законности в деятельности подчиненных органов предварительного следствия»². Это значит, что именно сотрудники КМО проверяют «качество» работы следователя, и в первую очередь такие проверки делают тогда, когда срок следствия по уголовному делу продлен. В разных регионах могут быть

¹ Линейное подчинение предполагает подчиненность по содержанию направлению работы — начальник участковых в районе X подчиняется начальнику управления по организации работы участковых уполномоченных в регионе Y. В правоохранительных органах линейное подчинение существует параллельно с территориальным — когда начальнику ОМВД по району X подчиняется начальнику УМВД по региону Y. Подробнее см.: Панеях Э., Титаев К., Шклярук М. Указ. соч. На примере других служб: Волков В., Дмитриева А., Титаев К. и др. Диагностика работы правоохранительных органов по охране общественного порядка и перспективы создания муниципальной милиции в России. СПб., 2015. С. 55—66.

² Сайт Главного следственного управления Главного управления Министерства внутренних дел РФ по Нижегородской области. URL: https://52.mvd.ru/gumvd/struktura/Podrazdelenija_predvaritelnogo_sledstvija/item/1237362/?print=1.

вариации: может быть КМО, внутри которого есть и те, кто контролирует отделы по экономическим, коррупционным делам (на уровне субъекта или города), и те, кто контролирует отделы на «земле», а может быть и формальное разделение этих отделов. В этом случае один будет называться КМО, а другой — скорее всего «отдел организации работы территориальных следственных отделов» (на профессиональном жаргоне «зональный»).

В отчетности следственных органов уголовные дела по срокам расследования делятся на оконченные в два месяца и оконченные в другие (более длинные) сроки. В последнем случае они проходят в отчетности в строке «Расследовано дел в срок свыше установленного УПК РФ»¹. Конечно, УПК РФ предусматривает продление срока следствия и до нескольких лет и формально срок, установленный УПК РФ, не нарушается. Но логика бюрократической отчетности давно превратила долю дел, расследование которых длилось свыше двух месяцев, в отрицательный показатель. Следователь, отправляющийся за продлением срока следствия, почти наверняка сталкивается с проверкой конкретного уголовного дела на «волокиту». В КМО проверяют: все ли следственные действия проведены им вовремя, назначил ли, например, следователь экспертизу в первые дни после возбуждения уголовного дела и продление срока связано с очередью на ее проведение или следователь назначил ее через месяц после возбуждения и тем самым «заволокитил» расследование.

Задача следователя КМО — составить по итогам изучения уголовного дела справку о том, обосновано ли продление срока следствия и надо ли наказывать следователя, который не справился с расследованием в два месяца.

А сейчас, знаете, любое продление, даже до трех месяцев, — оно по указанию нашего следственного управления. Оно продлевается не через непосредственно твоего руководителя. Надо ехать к начальнику следственного либо к замначальнику следственного управления подписывать постановление о продлении срока.

В: Что происходит между тем, как Вы написали ходатайство и попали к руководителю? В какую инстанцию Вы идете?

О: Пишешь вначале своему руководителю. Говоришь, что необходимо дело продлить. У нас по указанию местному в городе, например, за семь

¹ См. приказ Генеральной прокуратуры РФ от 20 февраля 2015 г. № 83 «Об утверждении и введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» и № 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также «Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ»».

суток до продления необходимо предоставить объяснения, материал служебной проверки, где полностью нужно расписать, что именно сделано по делу. Полностью хронометраж. По дням. Если не проводились пять дней следственные действия, то усматривается волокита.

Следователи МВД

Заодно следователь КМО проверяет и законность следственных действий. Иными словами, если следователь продлил срок расследования до четырех месяцев, у него был обвиняемый, а затем этого обвиняемого пришлось освободить от ответственности (например, установили алиби), то следователь КМО вместе с начальником следователя станут теми, чьи действия проверят вышестоящие органы. В ситуации, когда возникает сбой, работники КМО и низовые руководители превращаются из проверяющих в проверяемых. За недостаточный «процессуальный контроль» — проверку законности и правильности действий следователя — оба ответственных могут быть наказаны. Другими словами, несмотря на то что в формальной иерархии КМО находится «сбоку» от линии подчинения «следователь — начальник следственного отдела — начальник следственного управления», фактически КМО встроен в эту систему в качестве дополнительного управленческого механизма. Так как проверка уголовных дел проходит через «зонального», он становится частью контрольного механизма. Но в отличие от начальника следственного отдела, который руководит работой следователя каждый день, зональный следователь КМО проверяет его достаточно формально, ориентируясь на документы в деле: правильность заполнения, подписи, есть ли доказательства, все ли нужные сроки соблюдены и т. д.

В1: Вы приходите с продлением к генералу, приносите дело, свое ходатайство. Что еще он смотрит в этот момент? Там есть какие-то бумаги от контрольно-методического отдела? Идет ли с Вами Ваш зональный сотрудник КМО?

О: Конечно. Аналитическая справка составляется контрольно-методическим отделом. В обязательном порядке. Выполнен ли достаточный объем следственных действий либо идет волокита следственная.

В2: В каком порядке, когда идете к генералу, это все сложено?

О: Ходатайство о продлении, плюс том с уголовным делом, где у тебя предыдущее ходатайство на продление: что ты сделал, что ты хотел сделать и почему ты этого не сделал. Потом справка аналитическая по доказательствам, потом устный доклад сотрудника КМО.

В2: Если Вы идете по делу, которое Вы сами расследуете, идет ли с Вами Ваш начальник?

О: Это зависит от того, насколько загружен мой начальник в данный момент. Если совещание либо еще что-то сверхъестественное, то конечно же нет. А если нет ничего, то в обязательном порядке.

В2: А Вы с Вашими следователями, подчиненными?

О: Обязательно. Обязательно.

В2: То есть, когда Вы говорите, что вот у Вас там заслушивание, совещание, это не всегда подразумевается, что это Ваше дело?

О: Да-да.

В2: То есть Вы ходите еще со своими подчиненными?

О: Конечно. Это в обязательном порядке. Следователь один никогда не пойдет продляться. Обязательно идет начальник отдела и начальник отделения. Минимум. А если дело особой сложности, то это обязательно начальник следственной части, начальник следственного управления собираются. Довольно-таки серьезные совещания собираются по этим поводам.

Начальник отделения следственного управления
на уровне субъекта Федерации

В итоге раз или два в неделю, когда в управлении установлены дни для «продлений», в коридорах сидят районные следователи, ожидающиеся своей очереди к «зональщику». Им нужно получить справки о том, что дело в порядке (или решения о том, что дело «заволокичено», за которыми, возможно, последует наказание¹), и согласие на поход с ходатайством о продлении срока следствия к заместителю или начальнику управления. В некоторых субъектах Федерации следователь, приезжая в управление, может оставить уголовное дело и комплект документов к нему (ходатайство о продлении и справки) и отправиться по другим делам: например, забрать результаты экспертиз, которые делают только в главном городе субъекта Федерации. Продление срока следствия обычно занимает целый день: сдача дела, ожидание реакции «зонального», устранение недостатков, новая реакция, поход к начальнику, где также существует очередь.

В: А там есть контрольно-методический отдел? Зональный? Он играет какую-то роль при продлении? Или вообще в Вашей работе?

О1: Есть, есть. Вы знаете (*смеется*), от них толк, я бы не сказал, что какой-то есть. Они, больше того, отвлекают от работы. Дела проверяют, наказания, служебные проверки проводят, в основном с наказаниями. А как таковой методической помощи с их стороны нет.

¹ Как правило, наказывают следователей или по совокупности — когда таких дел много, или когда следователь провинился в чем-то ином, но наказывать за это опасно для проверяющих (например, это задержание, которое было незаконным, но его можно скрыть от отчетности).

В: А вот при продлении они должны оценить дело перед тем, как оно пойдет к начальнику?

О2: Ну да. Сначала ты приходишь в следственное управление, идешь к своему курирующему человеку в этом КМО. Он смотрит все дело, смотрит материалы проверки, смотрит постановление о продлении срока, объяснения. Оно примерно где-то сутки находится у него. Вот все посмотрит, потом уже приезжаешь и сам с ним идешь к начальнику. Продлевать.

Следователи МВД

Сочетание сроков «свыше» двух месяцев как отрицательного показателя с высокими временными издержками на продление свыше трех месяцев (описанная ситуация на уровне субъекта Федерации) и рисками дисциплинарного взыскания или снижения премии приводит к тому, что следователи стремятся завершить максимальное число дел в два (максимум три) месяца. В результате следователи предпочитают легкие дела¹ с более низкими требованиями к количеству доказательств, которые проверяются только обычным окружением (прокурором и судом), а не представителями регионального руководства, которые могут иметь другие стимулы и представления о том, как работать «правильно».

Направление дела в суд: раскрываемость, «перспектива», нагрузка

Несмотря на сложность общей системы оценки внутри правоохранительных органов, главным критерием, по которому оценивается работа следователя, является раскрываемость. В случае со следователями МВД это проявляется в том, что положительным показателем является направление дела в суд (в этом случае преступление будет считаться раскрытым), а отрицательным — приостановление расследования (преступление будет считаться нераскрытым).

Мы все знаем, что такое палочная система. Мы все знаем, что такое конец квартала, конец полугодия, конец года. Что у вас должно быть не меньше, чем в прошлом году, выявленных преступлений, например. Как вы это будете делать? Вы же не пойдете сами совершать преступление. Как можно запланировать, что, если в прошлом году вы выявили сто мошенничеств, вы и в этом году выявите сто мошенничеств? Если вы выявите меньше, значит, вашу работу будут оценивать отрицательно.

¹ О том, насколько удачно следователям и полицейским в МВД удастся отбирать «легкие» дела для расследования см.: *Шклярук М. С.* Российский уголовный процесс как система фильтров: досудебные траектории и отбор уголовных дел на примере Министерства внутренних дел РФ. С. 154—182.

В: Это мы говорим об оперативном работнике или это относится к следователю?

О: Это об оперативном работнике. Почему? Потому что мы-то не заявляем, не занимаемся выявлением. Нашу работу оценивают по делам, которые мы направляем в суд. По тем делам, которые мы рассматриваем, то есть принимаем решение. Чем больше мы направили в суд, тем лучше. Чем больше мы приостановили за неустановлением лица, тем хуже.

Следователь МВД

Прогноз или план направления дел в суд на календарный месяц на профессиональном жаргоне называется «перспектива». Следователи каждый месяц составляют справку¹, где перечисляют уголовные дела, которые планируют в следующем месяце направить в суд. Этот прогноз дает возможность начальнику отдела понять, какие значения примут показатели в следующем месяце. К внесению дел в «перспективу» следователи должны относиться осторожно: внести дело и не отправить его в суд означает получить устный выговор от руководства и, возможно, дополнительную работу за другого следователя по срочному окончанию уголовного дела, которым можно «закрыть» выпавшее.

Кроме того, что количество направленных в суд дел формирует статистику раскрываемости для всего отдела МВД по району, количество уголовных дел в производстве вместе с теми, что уже направлены в суд, демонстрирует, что следователь работает. Оценка эффективности работы следователя и его текущей занятости прячется под понятием «нагрузка». Если нагрузка на следователей конкретного отдела небольшая, то количество следователей могут сократить и перевести следователя в другой отдел. Проблема балансировки нагрузки — это задача руководителя отдела, решение которой напрямую сказывается на следователях. Ярче всего это видно на следователях уровня управлений по субъектам Федерации. Предполагается, что они расследуют самые сложные дела, которые занимают много времени. Например, по экономическим делам следователь (и не один) может расследовать дело год-два и так и не направить его в суд. Однако при этом следователи высокого уровня все равно должны расследовать несложные дела, которые им находит начальник, чтобы «оправдать» как нужное количество сотрудников, так и время, необходимое на расследование сложных дел.

В: Понятно. Вы говорили, что Вам иногда подкидывают небольшие дела, чтобы Вы их закончили. Это какие обычно дела?

¹ Имеются региональные варианты вида справки и порядка ее составления, в отдельных регионах есть специальные приказы следственных управлений, в соответствии с которыми такая справка должна быть предоставлена.

О: Ну, это, допустим, сто пятьдесят девятая, там вторые части, сто шестидесятая, допустим. Мы же тоже зависим от выхода дел. В силу того, что у нас такой объем, мы очень мало можем дать этих дел. Материалов мало очень поступает простых. И бывает, что приходится с территории брать кражи. Это смешно, там чуть ли не первые части. Потому что нам нечего заканчивать, потому что дела в производстве огромные. И мы заканчиваем их, потому что, если мы их не закончим, мы не выполним план-график, ну и, соответственно, это будет кошмар нашего подразделения. Его просто уберут и все, если мы не будем выход делать в суд дел. Вот так мы работаем с райотделами! И забираем у них дела (смеется).

В: При чем простые и приятные?

О: Ну, которые легко закончить и быстро. Ну а что делать?

Следователь МВД

*Качество работы: количественные показатели
против контроля качества*

Организационный контекст работы следователя создает еще одну проблему — конфликт между качеством работы и количественными показателями, как теми, которыми измеряют эффективность работы (количество дел, направленных в суд), так и теми, которыми оценивают качество работы.

С одной стороны, для оценки качества работы следователя есть общие категории, которые привязаны к количеству «сбоев» или ошибок. Так, отрицательной оценкой качества работы является подозреваемый, который был задержан, а затем отпущен, а подозрение в том, что именно он совершил преступление, не подтвердилось; обвиняемый, в отношении которого прекращено уголовное дело или преследование, потому что не удалось собрать достаточно доказательств или нет состава преступления; возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования прокурором и оправдательный приговор. Такие случаи можно посчитать, и если их много, то к начальнику следственного отдела возникнут вопросы у контролирующих инстанций. Соответственно, существуют стимулы минимизировать подобные случаи.

С другой стороны, качество расследования и работы можно оценить по каждому конкретному делу. В этом случае потенциальный проверяющий может изучить: все ли экспертизы и как быстро были назначены, все ли свидетели допрошены, правильно ли составлены документы и т. д. То есть предметом изучения становится не действие, а само уголовное дело (документы в нем). Минимальную проверку такого качества делают начальник следственного отдела и проку-

пор при направлении дела в суд. Если они возвращают дело, то это свидетельствует о недостаточном качестве.

Но проблема качества расследования глубже. Следователь все время ищет компромисс между количеством и объемом бумажной работы и числом дел, направленных в суд. Теоретически, если использовать методики расследования, рекомендованные в учебниках криминалистики и руководствах следователей, или стремиться досконально установить произошедшее, то в любом уголовном деле можно сделать значительно больше, чем обычно делает следователь. Особенно если оценивать уголовное дело так, как будто оно единственное в производстве у следователя. А это вполне возможно, если мы опираемся на закон: преступление должно быть расследовано хорошо, закон не интересуется нагрузкой следователей. Иными словами, прокурор, начальник или иной проверяющий (вышестоящего управления) всегда может найти в любом уголовном деле недостатки. Компромисс достигается на уровне района/города — там формируются представления о том, что такое «нормальный уровень качества», но существование таких неформальных критериев не гарантирует следователю защиту от претензий по поводу некачественной работы.

Следователь может быть наказан из-за недостатков в любом конкретном деле, что приводит к высокой зависимости следователя от потенциального контроля качества расследования конкретного дела. Одновременно страховкой от такого контроля является наличие хороших показателей работы. Организационные стимулы требуют от следователей ориентированности на легкие дела, которые можно расследовать в срок, не превышающий двух месяцев, и по которым нет рисков оправдательных приговоров.

* * *

Как видим, следователь, хотя и является кабинетным работником, плотно включен в работу правоохранительных органов и поддерживает со своими коллегами постоянный рабочий контакт. Рабочие контакты, в том числе неформальные, не фиксирующиеся в материалах дела и протоколах совещаний, могут быть разными. Беседа в коридоре о процессе расследования дела и просьба о помощи, получение рекомендаций о квалификации в телефонном или личном разговоре с прокурором или судьей, «мозговой штурм» с руководителем следственного отдела, прокурором и начальником полиции или уголовного розыска по особо сложному делу, убеждение прокурора в правильности придуманной квалификации — все это постоянная часть работы, по ходу которой достигаются компромиссы, находят решения, координируются планы. Следственный же отдел оказывается и вовсе

едва ли не «второй семьей». Даже в том, что касается отчетности, следователи в первую очередь — сотрудники отдела: недоработка одного заставит начальника нагружать других. Именно этот круг и составляет жизненный мир следователя.

Достаточно много следователей в интервью отмечали, что у них мало или почти нет свободного времени. Они редко видят семью. Круг общения следователей составляют их непосредственные коллеги и представители полиции. В него также входят следователи СКР, прокуратура, адвокаты. Судьи и работники аппарата судов представлены реже, но иногда встречаются. При этом средний круг общения составляет 3,5 профессии. Одна пятая опрошенных смогли назвать только одну профессию, с представителями которой поддерживают отношения (табл. 43), три пятых назвали три и менее. Только 10% выбрали шесть вариантов и более.

Таблица 43

Ответы на вопрос «Отметьте ВСЕ профессии, с представителями которых Вы поддерживаете отношения в нерабочее время», %

Вариант ответа	Доля
Следователи МВД	78,7
Дознаватели МВД	6,9
Оперативные подразделения полиции	47,9
Другие подразделения полиции	31,4
ФСКН России	7,4
Следователи СКР	12,9
Прокуратура	14,4
Адвокатура	26,1
Другие правоохранительные органы	15,3
Судебные приставы	8,7
Аппарат судов	7,1
Мировые судьи	4,4
Районные судьи	7,2
Юридические службы государственных организаций	9,7
Работники неюридического профиля из государственных организаций	24,8
Юристы из коммерческих организаций	12,3
Работники неюридического профиля из коммерческих организаций	22,9
Другие	8,4

Отдельную роль играет размер города или поселка, в котором работает следователь. В относительно небольших поселениях у следователей если не дружеские, то приятельские отношения со «смежниками».

О: Я общаюсь с прокурорскими работниками. Они такие же, как мы абсолютно. Нет такого, что я их не знаю. Город маленький, все друг друга знают, работают не по году, там по пять-семь лет, никуда не деться, везде встречаемся.

В: Дружите с какими-то коллегами помимо своих?

О: Конечно. Знакомых много. С кем-то начинали вместе в милиции, кто-то ушел в другой отдел, кто-то работает в другой организации правоохранительной. Встречаемся. Те, кто работал в милиции, ушли в прокуратуру. Но мы общаемся.

Следователь МВД

Половина следователей не поддерживают практически никаких отношений за пределами круга коллег, при этом друзья или знакомые из профессиональной среды есть почти у всех. Следователь внутри своего района/города оказывается замкнут внутри профессиональной среды. Описанная выше сеть профессиональных контактов определяет не только систему рабочих взаимодействий, но и весь жизненный мир следователя. Ему неоткуда узнать о том, что происходит за пределами «сферы уголовного судопроизводства».

Единственный механизм, который разрывает этот круг, — наличие опыта работы за пределами следствия. Из 31,5% следователей, которые имеют опыт работы за пределами следствия, отношения с бывшими коллегами поддерживают четверо из пяти. Для остальных следователей их мир ограничен судом, прокуратурой, адвокатурой и полицией своего района с редким включением представителей структур типа СКР или ФСКН.

Глава 4

КАК СЛЕДОВАТЕЛЮ УДАЕТСЯ ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ОН ДЕЛАЕТ? ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК¹

Юридический язык. — Язык протокола в России. — Ключевые навыки следователя. — Как оформляется дело. — Как реальность переписывается следователем. — Как создается цельный рассказ о событии. — Какова роль «квалификации преступления». — Как использование языка протокола ускоряет работу. — Как использование языка протокола изолирует следователей от внешнего мира

Первое, что удивляет любого человека, который сталкивается с миром юриспруденции (при чтении контракта, подписании протокола об административном правонарушении и т. п.), это тот совершенно особый язык, который используют юристы. Самая обыденная и простая реальность описывается совершенно особым способом: с использованием странных и непривычных грамматических конструкций, необычной лексики. Простые вещи внезапно начинают именоваться длинными и не всегда понятными фразами.

Эта глава² — попытка показать некоторые ключевые элементы этого языка в России, а также проанализировать социальные механизмы, которые требуют его формирования, и последствия для соци-

¹ Расширенную версию этой главы см.: *Титаев К., Шкляр М.* «Языком протокола»: исследование связи юридического языка с профессиональной повседневностью и организационным контекстом // Социология власти. 2015. № 2. С. 168—206.

Мы хотим поблагодарить участников XIV Международной школы-конференции по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии «Фольклор в поле и кабинете: знание информанта и интерпретация антрополога» и XV Международной школы-конференции по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии «Антропология власти: фольклорные тексты, социальные практики», традиционно организуемой РГГУ в Переславль-Залесском, а также участников семинара центра РГГУ «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» (<http://www.ruthenia.ru/folklore>) и лично С. Ю. Неклюдова и А. С. Архипову, вопросы которых о формировании протокольного языка и обсуждение анализа протоколов разных лет помогли появлению этой главы.

² См. размышления на близкие темы: *Титаев К.* Экспансия юридической профессии: юридикализация бюрократического языка в России. Постановочное эссе // Обратная связь: книга для чтения: сб. ст. и эссе к 60-летию Михаила Рожанского / под ред. Д. Димке, К. Титаева, С. Шмидта. СПб.; Иркутск, 2014. С. 269—276; *Шкляр М.* Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы.

альной организации профессии, которые определяются этим языком. Дело в том, что возникновение и существование особого юридического языка¹ — социально обусловленный процесс. Такой язык возникает потому, что дает определенные дополнительные возможности профессиональному сообществу. Одновременно факт жизни внутри закрытого языкового континуума определяет специфические черты жизни и работы юриста и особенно следователя.

Как было показано выше, расследование, которое требует вполне определенных юридических навыков, — часть юридической работы, а не работы собственно детективной. В качестве основных документов, производимых следователем, мы рассмотрим протокол и обвинительное заключение в уголовном деле — одни из важнейших и, что важно, массовых документов. Каждое уголовное дело включает от десятка до нескольких сотен протоколов: протоколы об осмотре места происшествия, протоколы допросов всех свидетелей, подозреваемого, потерпевшего и т. д.; половина дел (около миллиона в стране за год) завершается обвинительным заключением или обвинительным актом. То есть в России в год пишется десятки миллионов документов такого рода. Все они будут обладать двумя свойствами: являться частью уголовного дела и производиться следователем или дознавателем.

По сути, свой профессиональный язык есть у каждого вида деятельности². Однако юридический язык имеет свою специфику — формально он касается нас всех³. Подписывая контракт или свои показания в качестве, допустим, свидетеля, люди, выключенные из этого профессионального мира, вынуждены делать вид, что они этим языком владеют.

Существует множество исследований, посвященных профессиональным языкам как таковым — тому, как они функционируют, для чего нужны и т. д. Однако здесь мы не пытаемся охарактеризовать структуру этого языка, а даем лишь ее набросок, достаточный для того, чтобы читателю было понятно, на каком материале раскрывается основная мысль этой главы. Центральной категорией для нас будет понятие речевых или языковых навыков или техник (мы, понимая все ограничения, будем использовать эти термины как синонимы).

¹ Здесь и далее мы употребляем этот термин, понимая под ним набор специфических лексических и грамматических инструментов, которые позволяют представителям юридического сообщества опознавать текст как документ того или иного рода (контракта, приговора и т. д.).

² См.: *Bhatia V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*. Routledge, 1993.

³ Обзор см.: *Tiersma P. Legal Language*. University of Chicago Press, 1999.

Под ними мы подразумеваем те приемы профессиональной письменной речи, владение которыми необходимо для того, чтобы готовить приемлемые (т. е. воспринимаемые многочисленными контрагентами, описанными выше, как пригодные) тексты такого рода¹. Мы попробуем также показать, как эти навыки переформируют повседневную работу следователя, как сказываются на тех, с кем он работает, и как влияют на систему уголовного преследования в России в целом.

То есть мы не будем говорить ни о некоторой целостной системе правил, определяющих значение слов и правила их соединения (языке), ни о том, как принято пользоваться этим языком (речи). В фокусе нашего исследования фигура конкретного социального актора — следователя и отдельные приемы, которые создают универсум этой профессии, позволяют следователям быть относительно взаимозаменяемыми и спокойно перемещаться между разными позициями в системе уголовного преследования. Эта задача несравнимо уже, нежели попытка описать «в целом» юридический язык, но может являться некоторым пролегоменом к созданию такого глобального описания.

В англоязычном мире существует множество социологических или, шире, неюридических исследований того, что представляет собой юридический язык². Исследователи фокусируются на самых разных вопросах: язык как механизм социализации, как инструмент выстраивания границ, как механизм обеспечения специфической медиативной функции юриспруденции. В соответствующих частях главы, там, где это будет уместно, мы будем обращаться к этому материалу.

Мы сфокусируемся на вопросах о том, как именно определенные языковые техники мобилизуются в повседневной работе, посмотрим на связку между языковыми приемами (которые мы интерпретируем как навыки совершения определенных речевых действий³) и профессиональной повседневностью. При этом речь идет преимущественно о письменной речи, так как юридическая работа в России, как и в большинстве стран, наследующих континентальную право-

¹ О разделении языка как системы и конкретного навыка у юристов см.: *Tiersma P. Op. cit.*; *Mertz E. The Language of Law School: Learning to “Think Like a Lawyer”*. Oxford University Press, 2007.

² Обзор см.: *Tiersma P. Op. cit.*

³ При этом важно понимать, что завершённое речевое действие следователя является едва ли не самым перформативным в социальном мире. Строчка протокола, которая фиксирует ответ на вопрос, строчка обвинительного заключения сразу и радикально меняют положение человека или вещи в обществе.

вую традицию¹, опирается на письменные документы, а не на устную речь в суде.

В главе рассматриваются вопросы о том, как освоение определенных языковых навыков связано с организационным контекстом работы, механизмами оптимизации нагрузки, выстраиванием внутривидового взаимодействия. В равной степени решается и обратная задача — показать, какое влияние юридический язык оказывает на рабочие практики, структуру организаций, в которых он функционирует, повседневные представления юриста, его использующего. Связка «языковой навык — профессиональная повседневность — структурно-организационный контекст» рассматривается как система, в которой все элементы взаимосвязаны и подвержены взаимовлиянию. Наша задача — показать, как определенные речевые навыки влияют на содержание и контекст работы, а также как это содержание и контекст определяют востребованность строго определенных профессиональных речевых навыков. Сначала мы дадим краткую справку о том, как устроен язык следователя, а затем систематизируем эти языковые навыки с точки зрения их роли в профессиональной повседневности. И, наконец, покажем, как наши выводы соотносятся с теми социологическими взглядами на юридическую профессию, которые представлены в современной литературе.

Язык протокола — история и составные части

В этом разделе мы проиллюстрируем две мысли. Первая: язык протокола в его нынешнем виде глубоко укоренен в отечественной правоприменительной практике, его основные приемы почти не изменились на протяжении минувшего столетия. Вторая: навык подготовки «правильного» процессуального документа (и протокола в частности) распадается на несколько отдельных навыков, которые рефлексированы в элите профессионального сообщества, но не становятся предметом обсуждений и размышлений на низовом уровне, там, где реально передаются из поколения в поколение.

Мы лишены возможности проследить практики расследования с момента их возникновения. Считается, что современные правила написания протоколов восходят к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., закрепившему письменный характер предварительного следствия².

¹ Принято различать систему общего права, где в качестве источника права наряду с законами могут выступать и судебные решения, и континентальную, где суд не создает право, а лишь его применяет. Соответственно, в континентальном судопроизводстве существенно выше роль документов и существенно ниже роль устного судоговорения.

² См.: Малютина О. Язык криминалистики в протоколах следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 50.

В подтверждение этого мнения приводят «Курс уголовного судопроизводства» И. Я. Фойницкого, считающегося одним из основоположников российской науки об уголовном процессе: «все действия предварительного следствия записываются в протоколы, от которых закон требует величайшей подробности», от протоколов «требуется точное описание результатов наблюдения и деятельности следователя»¹. Однако и до реформы уголовного судопроизводства 1864 г. судебный процесс был в принципе письменным и представлял собой «битву документов». Важная точка в развитии языка протокола — появление после реформы фигуры следственного судьи/судебного следователя. А. В. Смирнов так описывает последствия судебной реформы 1864 г.: «Соединив судебную и следственную власть в лице следственного судьи, который сначала есть следователь и только потом судья, он открыл перспективу формирования судебных доказательств за стенами суда, уже в ходе предварительного следствия. Правда, в наследство от судебных процедур предварительное следствие получило письменно-протокольную форму фиксации доказательств (выделено нами. — К. Т., М. Ш.), абсолютно необходимую в судебном разбирательстве, но противоестественную для уголовного преследования — но именно она составляет здесь истинный смысл и назначение предварительной подготовки дел. Ведь благодаря этой квазисудебной оболочке созданным здесь доказательствам разрешена прописка в судебном разбирательстве наравне с теми, что получены непосредственно в заседании суда, хотя первые добыты втайне, а вторые гласно и с участием сторон»².

Первые советские уголовно-процессуальные кодексы (1922—1923 гг.) сохранили фигуру судебного следователя (т. е. следователя в штате суда), а затем (1928—1929 гг.) следователи вошли в штат прокуратуры. В середине 60-х гг. XX в. следственные полномочия, помимо прокуратуры, получили органы внутренних дел, чем был завершён процесс смешения судебной, обвинительной и полицейской функций³. Однако, как пишет А. В. Смирнов, «ключевое значение для понимания советского, а затем и российского уголовного процесса име-

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1, 2 / под ред. А. В. Смирнова. СПб., 1996. С. 607. Цит. по: Малютина О. Указ. соч. С. 50. Сама книга И. Я. Фойницкого современными процессуалистами характеризуется так: «Книга, написанная в конце XIX века известным русским юристом, сенатором, профессором Санкт-Петербургского университета, до сих пор остается непревзойденным классическим образцом систематического изложения теории и практики уголовного судопроизводства». Она доступна для широкого круга читателей благодаря сайту К. Б. Калиновского об уголовном процессе: URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/foinitsky>.

² Смирнов А. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html.

³ Там же.

ет то, что в качестве рудимента, оставшегося от предварительной, но когда-то все-таки судебной процедуры, он сохранил письменно-протокольную форму предварительного расследования»¹.

Действительно ли советские следователи многое переняли от царской эпохи или делопроизводство советского периода формировалось в значительной степени самостоятельно?² Ответа на этот вопрос у нас нет, но то, что практики советского времени трансформировались в обычной работе гораздо меньше, чем изменилось законодательство в 1990-х и 2000-х гг., можно утверждать уверенно. УПК РФ, вступивший в действие в 2002 г., не изменил сложившуюся модель предварительного расследования. Сохранилась стадия предварительного, досудебного следствия, ее письменный характер и фигура следователя как лица, ответственного за производство расследования, а значит, письменных результатов его работы. Далее мы используем в качестве примеров не только современные документы, но и более ранние тексты — 1928, 1929 гг.³ Некоторые различия между современными материалами и текстами конца 1920-х гг. отражают, скорее, особенности эпохи, а не особенности работы следователей, а общее сходство показывает существо ремесла, которому обучились их авторы.

Наряду с собственно нормой (тем, что написано в Уголовно-процессуальном кодексе) и идеологией процесса (которую описывает профессиональная литература и которая транслируется в ходе получения высшего юридического образования) есть еще один важный инструмент воспроизводства языка протоколов и содержания уголовных дел — это руководства для следователей. Их часто упоминают следователи в интервью как те материалы, которые пригодились им в первые годы освоения профессии. Эти книги представляют собой сборники полезных рекомендаций по оформлению документов, проведению осмотров мест происшествия и других следственных действий, по тактике проведения допросов, обысков и т. д., а также одновременно по методике расследования, т. е. по выбору определенной последовательности действий при расследовании различных видов преступлений.

¹ Смирнов А. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета.

² «А мне (...) просто повезло с наставником. Это был еще народный следователь (т. е. человек, работавший до войны. — К. Т., М. Ш.), который сам учился у судебного следователя (т. е. работавшего до революции. — К. Т., М. Ш.)» (из дискуссии о процессе обучения в интернет-сообществе «Кафедра МАСП»).

³ Материалы уголовных дел против старообрядцев-странников 1928, 1929 гг., хранящиеся в Государственном архиве социально-политической истории Кировской области, получены в ходе исследования научным сотрудником отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН Н. Г. Комелиной и любезно предоставлены в распоряжение авторов данной книги.

Методика расследования преступлений — это своеобразное «дерево решений»: примеры последовательности и содержания следственных действий в зависимости от версий совершения преступления. В зависимости от обстановки на месте происшествия руководства для следователей предлагают и список версий, и способы их проверки. Было ли совершено проникновение в квартиру с помощью взлома или подбора ключей, могло ли убийство быть совершено по найму? Набор «проверочных» действий и вопросы, которые надо выяснять, будут разными. Таким образом, руководства для следователей — это своеобразный практический «советчик» от криминалистики¹.

До начала 2000-х гг. основной авторский коллектив руководств для следователей не сильно. В целом эпоха 70—80—90-х — это эпоха «криминалистики от Белкина²», когда прикладная дисциплина развилась до «теоретической науки». К руководствам для следователей прилагались отдельные практические книги, например «Справочник по осмотру места происшествия». В 2000-х гг. авторов и книг прибавилось, а в практические руководства стали интегрировать и образцы написания документов (по сути являющихся частью другой учебной дисциплины — уголовного процесса), и разделы по проведению следственных действий («с картинками»). Мы использовали руководства трех времен: 1971-го (Белкин выступал одним из авторов, а главным редактором являлся Генеральный прокурор СССР), 1981-го (Белкин выступал главным автором и редактором) и 2001-го гг. — более простое и ориентированное на «натаскивание» на полный комплект умений: не столько «что» делать, сколько «как»³.

Важной особенностью, определяющей содержание работы следователя, является уже упоминавшийся «письменный характер уголовного судопроизводства»⁴. В методических указаниях понятие «письменный

¹ Криминалистика — наука о методах раскрытия и расследования преступлений, а также фиксации и представления доказательств, в отличие от криминологии — науки о причинах и механизмах развития преступности.

² Р. С. Белкин считается основателем советской криминалистики. В ряду его достижений — переход от описания криминалистики как набора приемов и методик (ремесла) к описанию криминалистики как отдельной науки со своим предметом и методом.

³ См.: Руководство для следователей / под ред. Н. В. Жогина. М., 1971; Руководство для следователей / под ред. Р. Белкина. М., 1981; Васильев В., Усманов У. Практическое руководство следователя. М., 2001.

⁴ Малютина О. Указ. соч. С. 3. Мы отмечали выше, что УПК РФ сохранил письменный характер досудебной стадии расследования. Отметим, что закон при этом декларирует важнейшим принципом уголовного судопроизводства устность судебного разбирательства (ст. 240 УПК РФ). Теоретически допросы свидетелей должны проводиться перед судом устно, почти любые следственные действия могут быть проведены и судом (назначение экспертизы, непосредственный осмотр места или предмета). На

характер» расшифровывается так: «Вне зависимости от того, каким путем следователь получает доказательства, всегда эта деятельность связана с составлением им соответствующих письменных процессуальных актов. Эти акты могут быть подразделены на постановления о производстве следственных действий, протоколы о ходе и результатах их проведения, служебные письма следователя, содержащие требования о представлении ему предметов или документов, и протоколы о приобщении их к делу. Каждый из названных выше письменных процессуальных актов следователя должен быть надлежащим образом оформлен, в нем нужно зафиксировать полученную следователем доказательственную информацию и его надлежит поместить в материалы уголовного дела»¹.

В последней фразе фактически перечисляются группы навыков, связанные с письменным оформлением результатов расследования, и эта классификация совпадает с той, которую можно выстроить на основании наших эмпирических материалов. Это технические навыки оформления документов, технические и содержательные языковые навыки — умение правильно зафиксировать доказательственную информацию.

Мы разделили технические и содержательные языковые навыки, так как последние тесно связаны с еще одной группой навыков, которые мы выделяем, — умением «квалифицировать» преступление. Навык «квалификация» следователь теоретически должен обретать в процессе обучения (в том числе профессионального, вузовского) и, как юрист, уметь использовать его во всех отраслях права. Ниже мы опишем выделенные нами группы навыков и поясним выбранную последовательность и их место в процессе освоения профессии и итоговом результате — протоколе.

Технические навыки. Умение правильно составить/заполнить протокол, составить постановление, подшить документы в дело в нужной последовательности.

Навыки квалификации. Эти навыки — стержневые для профессии юриста. Суть профессии юриста в том, что абстрактная статья в законе должна быть «приложена» к конкретной ситуации, имевшей место

практике «непосредственность и устность» — «суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств» — сводятся к зачитыванию протоколов, изучению письменных источников и т. д. Подробнее см.: *Панях Э., Титаев К., Шклярук М.* Указ. соч.

¹ Михайлов А., Подголин Е. Письменная речь при производстве следственных действий. М., 1980. С. 2.

в реальности. Диспозиции¹ статей УК РФ будут содержать описания типа «кража, то есть тайное хищение имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору», «грабеж, то есть открытое хищение имущества...». Юрист должен соотносить это с известными действиями лица, т. е. правильно их квалифицировать. Если один человек забирался в квартиру, а другой «стоял на шухере», преступление совершено группой лиц или нет? Именно подобные вопросы решаются при квалификации. Языковые навыки, связанные с квалификацией, мы разделили на две группы: собственно навыки квалификации и технические языковые навыки.

Технические языковые навыки. К ним мы относим приобретаемые следователем навыки того, как надо переносить слова свидетеля в протокол допроса, как описать то, что увидели на месте происшествия, в протоколе осмотра и т. д.

Содержательные языковые навыки. Они тесно связаны с умением квалификации. Это навык описания действий лица и иных установленных в деле обстоятельств так, чтобы они стали элементами единой мозаики — соединились в общее описание уголовно наказуемого деяния, квалифицированного определенным образом.

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению этих навыков, нужно описать, как они рассматриваются внутри профессии (с точки зрения специалистов по криминалистике и уголовному процессу). Систематизация подходов этих наук приведена в исследовании О. Малютиной.

Между криминалистами и процессуалистами существует спор о том, что преобладает в фиксации доказательственной информации, конечным продуктом которой и выступает протокол следственного действия². Действия по фиксации информации осуществляются в условиях строгой регламентации уголовно-процессуальным законом,

¹ Диспозиция — часть нормы права — установленного государством общего правила поведения, регулирующего общественное отношение. Правовая норма состоит из гипотезы, диспозиции и санкции. Уголовно-правовые нормы перечисляют виды противоправного поведения. Гипотеза — это условия применения нормы. Она отражается в Общей части Уголовного кодекса. Например, ст. 20 УК РФ раскрывает возраст, с которого наступает уголовная ответственность. Диспозиция — описание деяния в Особенной части УК, где каждая статья содержит одну или несколько диспозиций. Диспозиции принято делить на четыре вида: простые, описательные, бланкетные и ссылочные (мы подробнее рассмотрим это в разделе о навыках квалификации). Санкция — это наказание, а именно его вид и размер. Каждой диспозиции соответствует санкция. В каждой статье Кодекса имеется одна или несколько санкций. См.: Уголовное право. Вопросы и ответы / ред. А. С. Михлин. М., 2000. Разд. 1.4. Нормы уголовного права, их структура, виды диспозиций и санкций. Санкция выражает оценку законодателем характера и степени тяжести деяний (например, ч. 1 ст. 105 УК РФ содержит диспозицию «убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку» и санкцию «наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового»).

² См.: Малютина О. Указ. соч. С. 16.

форма фиксации становится условием дальнейшего использования доказательства. Процессуалисты и сформировали стойкое представление о фиксации как о простом «оформительстве», с чем спорят криминалисты, настаивая на том, что при таком подходе теряется информационная сущность фиксации¹. Мы бы обозначили это расхождение как «заполнение протокола» против «искусства написания». В сущности, оно сводится к вопросу: какие навыки важнее следователю: технические оформительские и языковые (сложившиеся под влиянием требований к внешней форме протоколов и порядку составления протоколов, предъявляемых законом) или содержательные языковые (требования к содержанию процессуальных документов², в значительной мере формируемые практикой работы)³? Проще говоря, протокол должен соответствовать нормативно определяемым требованиям к его оформлению или сложившимся в конкретной отрасли требованиям к его содержанию?

К некоторым конкретным требованиям, предъявляемым к протоколам, мы вернемся ниже, пока отметим один из центральных выводов исследования О. Малютиной: «формально-логическая сторона протокола, его языковая форма оказались более косными, чем наука и окружающая действительность»⁴. Вывод этот базируется на результатах анализа протоколов, который показал, что ни развитие уголовного процесса, ни появление и бурный рост криминалистического знания не изменили принципиального подхода к форме изложения содержания в протоколе следственного действия. Это подтверждает и наш тезис, и тезис А. В. Смирнова, что письменный характер предварительной стадии расследования закрепил и обеспечил стойкость сложившихся практик языка протокола, который все та же О. Малютина обозначает как «язык практической деятельности по расследованию преступлений»⁵. Она отмечает, что, по сути, он выступает как «профессиональный язык»⁶, причем описание в протоколе «сейчас скорее опирается на логику составляющего его субъекта, его личный

¹ См.: Малютина О. Указ. соч. С. 19. Данные из диссертации О. Малютиной: 81,3% опрошенных следователей считают, что беспрекословно следует соблюдать требования к порядку составления протоколов, и только 21,3% — что беспрекословно надо соблюдать требования к языку процессуального акта (с. 19).

² Там же. С. 48.

³ Отметим, что криминалисты выделяют несколько основных форм фиксации криминалистически значимой информации: вербальную, графическую, предметную, наглядно-образную, которые могут сочетаться (протокол с приложенным к нему планом места преступления). См.: Малютина О. Указ. соч. С. 31.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 72.

опыт, рекомендации коллег и специалиста, а не на положения, разработанные наукой»¹. Другими словами, способ получения знания о том, «как писать протоколы», передается из рук в руки.

Язык протокола: какой он

Попробуем показать на отдельных примерах, как усвоение определенных технических языковых навыков становится стержневой частью профессии и как они меняют повседневность сотрудника следственных органов. После чего сфокусируемся на том, что называется квалификацией преступления, и покажем, что эта священная корова юридического ремесла остается для следователя частью чуждой реальности. Завершая этот раздел, остановимся на главном в работе следователя — навыке переописания реальности в тех терминах, которые позволяют уложить любой элемент наблюдаемой реальности в конкретное обвинительное заключение.

Технические навыки: сформировать уголовное дело

Технические навыки — это самое простое и самое первое, что осваивает начинающий следователь. Именно несоответствие оформительским требованиям в первую очередь бросается в глаза начальнику или проверяющему. И так, что выучивает следователь на своем первом (или новом) месте работы?

Уголовное дело в его материальном виде — это набор бумаг, документов, подшитых в определенном порядке в картонной обложке в виде тома. Однако такой вид уголовное дело приобретает лишь на самой заключительной стадии — перед передачей прокурору. До этого следователи накапливают формируемые ими или получаемые из других источников документы. Уже затем дело подшивается². Есть несколько вариантов того, как в итоге будут расположены документы (табл. 44).

В Санкт-Петербурге³ мы наблюдали два основных способа формирования материалов уголовного дела. Первый — это расположение

¹ Малютина О. Указ. соч. С. 81.

² Отметим, что навык «подшить дело» тоже является приобретенным. В следственных отделах хранят сделанные еще в советское время «станки» для подшивания уголовных дел, которые считаются более удобными, чем современные. Станок позволяет закрепить материалы уголовного дела и специальную картонную обложку принятым в районе образом. В последние годы стали выпускать обложки для уголовных дел более широкого формата, что приводит к тому, что следователям приходится подгибать или отрезать их часть.

³ Подробнее об основных результатах исследования см.: Шклярук М. С., Рабо-вски Ю. В. Указ. соч.

Таблица 44

Как расположены документы в деле?¹

Тип расположения документов	Количество	Доля, %
Нелогично	5	4,8
Логически (по конкретным фактам или событиям)	58	55,8
Хронологически	24	23,1
По персонам	8	7,7
Нет данных	9	8,7
Всего	104	100

доказательств по логике их появления в деле, например: осмотр места происшествия, затем назначение экспертиз по изъятым в его ходе предметам, после их осмотр и приобщение к уголовному делу. Такое расположение позволяет проследить судьбу вещественных доказательств, историю их появления в уголовном деле. Второй — хронологический — это расположение всех документов по мере их появления в уголовном деле. В этом случае между обыском и экспертизой мог находиться протокол допроса свидетеля, не имеющий отношения к обыску. Такой способ позволяет видеть повседневную работу следователя/дознателя по уголовному делу. Мы встретились и с формированием уголовных дел «по персонам». В этом случае группируются вместе все протоколы допросов одного лица и другие имеющие к нему отношение документы. Назначенные экспертизы или запросы также располагаются вместе с допросом лица. Стержневой документ, определяющий место нахождения блока материалов «по лицу», — протокол его первого допроса. Так как два основных способа расположения документов различаются в двух обследованных районных судах, вероятно, причиной выбора следователем того или иного варианта была позиция начальника следственного отдела или прокурора.

Посмотрев на дела предшественников, следователь копирует порядок расположения документов, оформление запросов и протоколов (так, в эпоху компьютеров шрифт протокола может определяться выбором предшественника), текстов о назначении экспертиз и вопросы, которые ставились в похожих ситуациях. Выучивает, какие именно запросы необходимо направлять и куда. Важным может оказаться и то, какие поля должны быть у обвинительного заключения. Напри-

¹ Мы благодарны младшему научному сотруднику Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге Юлии Рабовски (Шестерниной), которая произвела эти расчеты.

мер, следователь узнает, что объем тома не должен превышать 250—300 листов, а последнего тома направляемого в суд дела — 250 листов, чтобы у суда была возможность подшить свои документы, поскольку иначе объем тома превысит требуемый (до 300 листов).

Кроме того, следовательская работа подразумевает большое количество иных навыков чисто технического толка. Здесь важно подчеркнуть, что разнообразие на уровне одного следственного отдела не поощряется и те или иные требования предъявляются даже к самым мелким вещам — таким, как размер шрифта или размер полей в отдельных документах. Несмотря на их банальность, эти навыки — важная особенность профессии.

Технические языковые навыки: записать показания

Язык протоколов существенно отличается от обычного разговорного или литературного языка. Сами криминалисты определяют это так: «...стиль письменной речи следователя представляет собой систему взаимосвязанных элементов различных функциональных стилей: официально-делового, разговорного, научного», и подробно разбирают особенности и сферы применения каждого стиля¹. Однако, как мы отмечали выше, это разбор уже сложившегося языка. Следователи не подвергают сомнению способы и стили, применяемые ими, а воспринимают навык/умение составлять протоколы как единственно верное знание — «так всегда писали».

Мы рассмотрим технические языковые навыки на примере решения на практике проблемы дословности изложения показаний допрашиваемого. Дословность изложения показаний допрашиваемого — требование закона. Но как его понимать? О. Малютина² разбирает спор российских криминалистов. С. П. Ефимичева, А. В. Белоусова, С. А. Шейфер считают, что следователь пересказывает слова допрашиваемого, значит, может вносить в протокол «слова и фразы, фактически не произнесенные допрашиваемым, но объективно отражающие его показания» и включать информацию, непосредственно не сказанную, но заключенную в контексте сообщения. Л. Карнеева и Е. Подголин отрицают возможность редактирования показаний на допросе и требуют сохранять специфику речи допрашиваемого. Вопросы «правильной фиксации показаний» посвящены справочники следователя, многие теоретические и практические работы, где разбираются споры: дословно или не дословно надо заносить показания

¹ См.: Михайлов А., Подголин Е. Указ. соч.

² См.: Малютина О. Указ. соч. С. 55—56.

свидетеля, всегда ли должны фиксироваться вопросы следователя, как отражать в протоколе нецензурную брань.

Результаты наших исследований показывают, что следователи на практике в большинстве случаев используют первый вариант. Показания свидетеля, потерпевшего или обвиняемого записываются следователем от первого лица, но в переформулированном виде. Есть категории свидетелей, которые могут разговаривать, только обильно используя ненормативную лексику, или просто малопонятно рассказывать о событиях. Пример того, как отличаются устные и письменные показания, приводят А. И. Михайлов и Е. Е. Подголин:

Устные показания: «16 марта я была выходная. На второй день, в понедельник, прихожу, мне Добришина говорит, что вместо 25 ящиков привезли 27, и говорит: “Я ему, Суконцеву, отдала 95 рублей”. Я ей говорю: “Зачем это сделала?” И я просто не знала, что делать, как быть, хотела звонить на базу: откуда эти два лишние ящика? Она отдала мне 75 рублей, сказала, что приедет вечером. Назавтра пришла я на работу, ко мне подходит Добришина и говорит: за лишние два ящика “Зверобоя”, 40 бутылок, из кассы она взяла 150 рублей».

Показания, записанные следователем: «16 марта у меня был выходной день. На следующий день, в понедельник, когда я пришла в магазин, продавец Добришина сказала мне, что экспедитор Суконцев привез в магазин вместо 25 ящиков водки “Зверобоя”, которые значились по накладной, 27 ящиков и что она отдала Суконцеву за лишние 40 бутылок “Зверобоя” 95 рублей. На мой вопрос, зачем она это сделала, она ответила, что Суконцев приедет вечером, и отдала мне 75 рублей, которые я взяла. Я не знала, что мне делать, хотела позвонить на базу, но передумала. Назавтра, когда я пришла на работу, Добришина мне сказала, что из выручки за продажу водки “Зверобой” она взяла из кассы магазина 150 рублей»¹.

Необходимость переформулировать показания связана не только с тем, что устное изложение часто непоследовательно, но и с тем, что нужно создать непротиворечивую картину в материалах дела. Это приводит к стандартному изложению доказательств, доходящему до некоторого абсурда, осознаваемого и самими сотрудниками:

Как недавно рассказывали, следователь допрашивал оперативника: «Как Вы задерживали такого-то бандита?» Они задерживали бандитов по агентурной разработке (...). И положили там. Оторвали рожи (нанесли повреждения). И следователь допрашивает оперативника: «Ну, расскажите». «Ну, — говорит, — мы ехали. Подошли, смотрим, стоят люди в

¹ Михайлов А., Подголин Е. Указ. соч.

куртках кожаных. Мы подошли, попросили их любезно лечь на этот, на асфальт. Они любезно согласились. Мы любезно их досмотрели. Вытащили пистолетики, автоматика». А эта следачка и пишет эту всю хрень. И потом в суде это начали читать: «Мы любезно подошли, предложили им лечь на асфальт. Они любезно согласились».

Следователь МВД

В этом примере, конечно, смешивается умение изложить показания «правильным» языком с одновременным приданием «правильного» смысла. Отразить в протоколе тот факт, что к задержанным была применена физическая сила, можно только в том случае, если под такие действия подобрать законные основания, а это очень непросто. Конструирование новой реальности на бумаге можно было бы отнести к содержательным языковым навыкам, но для следователей это скорее техническое умение. Здесь нет речи о приведении показаний в соответствие с квалификацией деяния, срабатывает своеобразный «защитный механизм» профессиональной солидарности — не допускать в материалы дела сомнительной информации. Такая традиция также укоренена. Если обратиться к материалам дел 20-х гг. XX в., то и там можно встретить подобные описания. Например, отрывок из докладной начальнику ВЯТГУБОТДЕЛА ОГПУ, материалы дела 1927/1928 г. (см. сноску 3 на с. 156):

«Хозяин находился у соседей... через несколько минут пришел Л., ему был предъявлен ордер на обыск, сделан личный обыск ему и предъявлено требование показать нам имеющиеся у него кельи. Он безоговорочно направился с нами... С. (постучал) в дверь кельи сильными ударами, требовал от своей сестры открыть дверь, но на его просьбу и стуки никто не отзывался. Не теряя времени, я разрешил милиционеру через крышу убежища проникнуть внутрь и открыть дверь, он быстро это сделал».

Учитывая практику работы, можно утверждать, что обыски в подобных ситуациях всегда проводятся с элементом неожиданности, тем самым проникновение через крышу, вероятно, было самым первым действием, однако в докладной записке затем было облечено в логичное, соответствующее правилам описание. Другим примером решения в пользу недословности может быть протокол допроса свидетеля от 3 ноября 1927 г., где вопросы следователя явно инкорпорированы, встроены в текст: «не могу пояснить, где и сколько она находилась (по сути, повтор вопроса, который был задан), так как не помню (сразу указывается причина отрицательного ответа на вопрос)». Видимо, имевшиеся тогда правила требовали выяснения причины несообщения информации. Очевидно, следователь формирует связ-

ный текст из отрывистых вопросов и ответов: «И мы уговаривали ее не уходить, плакали даже, объясняли...»¹. Возможно, исходным было:

- Мы не удерживали, а уговаривали не уходить.
- Как уговаривали (*вопрос следователя*)?
- Ну разговаривали, даже плакали.

Естественно, что любому правилу сопутствуют исключения. Так, совсем иначе выглядит в уголовном деле 1927 г. допрос обвиняемого. В длинном выполненном на печатной машинке протоколе допроса обвиняемого Х. показания, скорее всего, приведены близко к прямой речи. Следователь добросовестно печатает и свои вопросы, и ответы обвиняемого. Ответы длинные, со ссылками на религиозные труды и высказывания. Такой протокол нетипичен для дел 1927 г. и нетипичен сейчас. Его появление можно объяснить одной из двух причин.

Первая. Следователь уже знает, что его обвиняемый «сильный», т. е. у него есть линия защиты, он упорно говорит много, возможно, не подписывает, если записано не все. В этом случае следователь записывает все, рассчитывая из каких-то отдельных фраз извлечь нужную для обвинения информацию. Кроме того, вопросы он ставит так, чтобы принудить обвиняемого «проколоться» и допустить высказывание из разряда «не совсем признаем советскую власть».

Вторая. Протокол со всеми вопросами (весьма четкими, например «Признаете ли Вы, что отказывались от регистрации (получения паспортов)?») нужен следователю для демонстрации начальству, что все необходимые вопросы он задал и не его вина, что обвиняемый не признает вину или мало/не то говорит.

Что касается технических языковых навыков составления протоколов осмотра места происшествия и осмотра предметов, отметим, что именно в них сосредоточено множество застывших речевых формул (часто целых блоков предложений). В протоколах осмотров (даже в образцах) во множестве встречаются фразы типа: «Прихожая размером 1,8 на 1 м оклеена обоями зеленого цвета, на стене слева от входа установлена вешалка. На полу под вешалкой в беспорядке лежит куча одежды»²; «пакет вскрыт путем надреза ножом от угла до угла»³. Как правило, каждый следователь осваивает некоторую смесь из практических советов специалистов и экспертов, записывая за ними переказ обстановки на месте происшествия, и фраз руководства.

¹ Фрагмент уголовного дела в отношении старовера-подпольника и их организации (Вятская область), 1928—1929 гг., по ст. 58-10 УК РСФСР — антисоветская пропаганда.

² Васильев В., Усманов У. Указ. соч. С. 82.

³ Там же. С. 84.

Итак, самое первое, чему учатся следователи — как надо переносить слова свидетеля в протокол допроса, как описать то, что видно на месте происшествия, в протокол осмотра и т. д. Однако одновременно с этим они осваивают и то, какие слова и фразы становятся ключевыми в допросах, без каких оборотов протокол не будет удовлетворять начальника, прокурора и судью как источник доказательств.

O1: Вот основная суть в чем — обвинительное заключение. В обвинительном заключении, когда расписывается преступное деяние, описывается порядок, механизм совершения преступления. То есть: «Реализуя свой корыстный умысел, направленный на хищение чужого имущества», и, допустим, вот этот порядок слов в разных районах по-разному. Допустим, один считает, что надо писать каждый раз «реализуя, реализуя, реализуя». Другой считает «реализуя, продолжая реализовывать, продолжая реализовывать действия, направленные».

O2: Стилистика составления обвинительного заключения и привлечения в качестве обвиняемого прокурором. Привык он к такой — значит, должно быть так, иначе никак. Ваше мнение не учитывается. Нет, конечно, учитывается, но не в такой мере. А давление прокурора — это просто «доп»¹ и все. Не понравилась стилистика изложения — и на дополнительное (*рас*)следование. Без вопросов».

Следователи МВД

Умение написать конспект и переформулировать допросы было бы бессмысленным без навыков формирования в таком переложении правильного описания события — «под состав преступления».

Навыки квалификации: что их замещает

Если классическая правовая норма для юристов во время обучения состоит из гипотезы, диспозиции и санкции, то в практике работы следователей вопрос квалификации в первую очередь сводится к диспозиции. Хотя само это понятие ни один из наших информантов-следователей не употребил в разговоре/интервью. Как правило, вместо него упоминается статья УК, часто просто ее номер («возбуждаем 158-ю»). Это неудивительно, так как диспозиция — это описание деяния в Особенной части УК РФ, где каждая статья содержит одну или несколько диспозиций (например, простая кража, кража, совершенная группой лиц, кража в особо крупном размере).

¹ Отправка дела на дополнительное расследование прокурором. Один из самых значимых отрицательных показателей при оценке работы следователя (см. гл. 3).

Диспозиции принято делить на четыре вида: простые, описательные, бланкетные и ссылочные (отсылочные)¹, о чем тоже не вспоминают в интервью, хотя могут упомянуть сложности с формулировками составов преступлений и иных юридических понятий². Иначе говоря, есть текст статьи УК РФ, и следователь должен соотнести с ним фактически совершенные, а точнее, зафиксированные в документах уголовного дела как фактически совершенные действия лица. Самый простой пример: человек залез в квартиру тихо, стащил куртку, начал выбираться. Его заметили. Он все равно убежал с вещами. Это кража (ст. 158 УК РФ — тайное хищение имущества) или грабеж (ст. 161 УК РФ — открытое хищение имущества)? Возможным ответом будет: кража, перешедшая в грабеж, в итоге необходимо предъявлять обвинение в грабеже. Но в том случае, если бы обви-

¹ В простых диспозициях деяние называется без раскрытия его признаков, например ст. 126 УК РФ «Похищение человека». Такие составы в УК РФ встречаются нечасто. Описательные диспозиции характеризуются тем, что определение преступления сопровождается более или менее подробным перечислением его признаков. Например, ч. 1 ст. 105 («убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку») или ст. 196 («преднамеренное банкротство, то есть умышленное создание или увеличение неплатежеспособности, совершенное руководителем или собственником коммерческой организации, а равно индивидуальным предпринимателем в личных интересах или интересах иных лиц, причинившее крупный ущерб либо иные тяжкие последствия»). Бланкетные диспозиции не содержат всей необходимой характеристики преступления. В этих случаях называются правила, нарушение которых влечет ответственность, т. е. следует отсылка к другим нормативным актам. Например, ст. 264 «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств». Правила предусматриваются другой отраслью права (административного, трудового, гражданского). В ссылочных диспозициях содержится отсылка к другим статьям УК РФ. Например, ст. 158 в примечании разъясняет понятие крупного размера и неоднократности для ряда статей УК РФ. Иногда диспозиции наряду с описанием признаков преступления содержат отсылки к другим статьям УК или другим нормативным актам. Такие диспозиции соответственно можно назвать описательно-ссылочными или описательно-бланкетными, а также описательно-ссыльно-бланкетными. Например, ст. 194 «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организаций или физического лица» описывает некоторые признаки деяния, такие как виды платежей по субъектам (физические и юридические лица), а также размеры неуплаченных платежей. Понятие «уклонение от уплаты» содержит таможенное законодательство. И, наконец, понятие «лица, ранее судимого за совершение преступлений», предусмотрено настоящей статьей, а также статьями 198 и 199 настоящего Кодекса» требует обращения к названным статьям УК РФ. См.: Уголовное право. Вопросы и ответы / ред. А. С. Михлин. Разд. 1.4.

² Так, в ходе проведенного опроса выяснилось, что свыше 60% следователей, прокуроров и судей считают существующие в российском праве определения понятий «доход», «договорные обязательства» и «предпринимательская деятельность» недостаточными для верной квалификации деяний и допускающими двойное толкование. 32,5% следователей, прокуроров и судей считают необходимым разъясняющее постановление Пленума Верховного Суда РФ, 30% — определение этих терминов в законодательстве. См.: *Титов Б.* Бизнес под «статьей» // Ведомости. 2014. 2 дек.

няемый остановился и сдался, были бы возможны такие варианты квалификации, как оконченная кража, покушение на грабеж или покушение на кражу.

Еще сложнее квалифицировать состав деяния в экономических преступлениях, где грань между преступлением и экономической деятельностью законодательно четко не проведена. Например, гражданин купил мобильный телефон у знакомого, но не знал, что он украден, хотя, возможно, подозревал. Это легализация, скупка краденого или добросовестное приобретение? А если не телефон, а ОАО «Башнефть»? Процесс квалификации таков, что предмет не будет иметь значения — главным будут действия с ним. Юристы располагают своей системой аргументации: спорные вопросы и детализацию действий, которые не описаны в статье УК, раскрывают комментарии к тексту статьи, сложившаяся судебная практика, обобщающие правильные судебные решения, постановления пленумов Верховного Суда РФ¹. Именно их называют следователи в интервью, рассказывая о спорах по поводу квалификации преступления с прокурором. Чаще всего споры сводятся к тому, что юридическая наука называет «объективной стороной состава преступления» — иначе говоря, конкретные действия, которые надо доказать, чтобы состав преступления был виден суду.

Так, ст. 105 УК РФ описывает «убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку». Описание убийства в уголовном деле будет состоять из описания места, времени, количества ударов ножом (например), повреждений, обязательной связи полученных повреждений со смертью, а также мотивов и желания причинить смерть (умысла)². Без этого суд не сможет рассмотреть дело. Поэтому

¹ Об иерархии документов и толкований как характеристике юридического поля писал Пьер Бурдьё: «Но хотя юристы и могут спорить по поводу текстов, которые всегда оставляют место для множественности прочтений, они принадлежат строго интегрированной иерархии инстанций, которые способны разрешать конфликты между толкователями и толкованиями. Соперничество между интерпретаторами объективно ограничено тем, что судебные решения, чтобы отличаться от чисто политических актов насилия, должны представлять как единственно верный результат правильной интерпретации текстов, чья легитимность не подлежит сомнению. Подобно церкви или школе правосудие организует согласно строгой иерархии не только судебные инстанции и их компетенции, а значит, их решения и интерпретации, на которые они опираются, но также нормы и источники, придающие этим решениям вес» (*Бурдьё П.* Власть права: Основы социологии юридического поля // Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. Н. А. Шматко. М.: СПб., 2005. С. 75—128).

² Мотив и умысел относятся к субъективной стороне преступления и чаще всего выводятся из логики произошедшего: бил ножом в грудь = хотел убить, украл = имел корыстные побуждения, или из прямых показаний обвиняемого.

действия следователя состоят из двух актов: осознания, какой состав преступления он видит, и его формирования, своеобразного «проявления» во всех материалах дела, которые он произведет.

Однако на практике квалификация сводится именно к «осознанию того, какой состав преступления будем доказывать». Квалификация по формальным признакам, которой учат на юридических факультетах и которая нередко подается в профессиональной литературе как основной навык юриста, в повседневной жизни следователя пригождается редко. О ней вспоминают и рассказывают только тогда, когда интервью идет в максимально формальном ключе или когда интервьюер очень активно подчеркивает свой статус «абсолютного неюриста». То есть тогда, когда включается официальный презентационный нарратив, описывающий профессию следователя для внешнего мира.

Следователь действует в логике, которую описывает Г. Гарфинкель¹. Сначала он соотносит наблюдаемое с некоторым числом готовых шаблонов (а, как показывает статистика², более 70% дел в России принадлежит менее чем к 30 составам преступлений, причем довольно простым). Если привязать случай к шаблону нельзя, то следует обратиться к личному опыту — может быть, человек уже сталкивался с чем-то похожим. Если и это не помогает, то следователь обращается к начальнику следственного отдела или его заместителю, обсуждает вопрос с сотрудниками прокуратуры или суда³. То есть квалификация как последовательный рефлексивный процесс представлена в жизни нормального следователя как некоторый форс-мажор, уникальное событие, разрушающее рутину. Главная его работа — совмещение структурированного описания реальности через язык протоколов с некоторым традиционно сложившимся в данном районе шаблоном. И здесь мы возвращаемся к тем средствам, которые следователи имеют для этого, а именно к языку протоколов.

¹ В примере, который часто упоминается в литературе, Гарольд Гарфинкель описывает человеческое поведение на примере чиновника, принимающего решение о квалификации события смерти: самоубийство, убийство, несчастный случай, естественная смерть. Гарфинкель показывает, что эта работа опирается на выработанные опытом шаблоны и последние впечатления. «Случай А похож на случай В, который я рассматривал вчера. Случай В я посчитал самоубийством. Значит, случай А — это тоже самоубийство» (*Garfinkel H. Op. cit.*).

² См.: Волков В., Дмитриева А., Скугаревский Д. и др. Указ. соч.

³ Понятно, что с точки зрения современной социологии такой контррефлексивный порядок действия свойствен практически любой форме человеческой деятельности, но нигде так, как в юриспруденции, этот факт не отрицается.

Содержательные языковые навыки: следователь как драматург

После того как ситуация квалифицирована (соотнесена с типичной или имевшейся в практике ситуацией) и следователю понятно, какое преступление совершено, наступает этап правильного описания преступления в протоколах и постановлениях (главным из которых является постановление о привлечении в качестве обвиняемого). Мы выделим основные приемы работы следователя с производимым им текстом и проиллюстрируем их примерами.

Самым доступным примером является «дело Навального»: опубликованное Алексеем Навальным обвинительное заключение по довольно типичной статье УК РФ (ст. 160 «Присвоение или растрата») дает возможность проанализировать большинство инструментов формирования доказательств, которые используются для правильной квалификации деяния. Второй, выбранный нами пример, — уголовное дело в отношении «секты подпольников»¹ 1920-х гг.

Мы сознательно отступили от рутинных уголовных дел, чтобы показать языковые приемы, которые используются для конструирования преступности деяний. Примеры из обоих уголовных дел (имеющих политическую окраску), несмотря на разницу конструируемых преступлений, личностей обвиняемых и эпох, как нельзя лучше подходят в качестве иллюстрации. Наша гипотеза такова: даже работая с «политическим» (нестандартным) уголовным делом, следователь не отходит от приемов, которые заданы его профессией, набор инструментов, которые он использует в своей работе, остается тем же самым. Изначальная квалификация в обоих случаях совершена заранее, поэтому следователь оказывается в рутинной канве — ему необходимо сформировать пакет доказательств под конкретный состав преступления.

Итак, разберем отдельные приемы, которые следователь использует при конструировании «преступности».

Во-первых, все действия лица — обвиняемого — переписываются «языком преступления». Происходит своеобразное переименование обычного в преступное. Возьмем «дело Навального». Если принять версию следствия и упростить ее, получается следующее: Навальный был советником губернатора, привел в регион знакомого, который создал фирму, централизованно закупавшую лес у «Кировлеса». То

¹ Дело «секты подпольников» представляет собой пример того, как религия противопоставляется светскости, особенно в ее повседневных проявлениях. Так, вместо избитален и школ — кельи, вместо участия в займах, платежей налогов, постановки на учет (получение паспортов, учет в загсах разных событий (от рождения до смерти)) — жизнь в «граде». Активная агитация за такой образ жизни вредит советскому государству. Материалы были любезно предоставлены Н. Г. Комелиной.

есть Навальный способствовал продаже леса через эту фирму. В итоге фирма купила лес за 15 млн руб., после чего продала за 16 млн. Значит, Навальный (по логике следствия) организовал хищение на 16 млн руб. Как обычные сделки купли-продажи превратились в организацию хищения? Они были переименованы в преступные действия ради хищения:

«Примерно в феврале-марте 2009 года... Навальный А. А., продолжая реализовывать свой преступный умысел, направленный на хищение имущества “Кировлес”, руководя совершением преступления, (...) сообщил Опалеву (о создании предприятия) (с. 4¹). (...) При этом Опалев (...) в полной мере осознавал общественную опасность своих действий и неизбежность наступления общественно опасных последствий в результате заключения договора поставки с ООО “ВЛК”, в виде растраты вверенной ему лесопродукции... (с. 5)».

Тот же прием переописания — «фиктивность» сделки определяется следователем, после этого договор становится «лишь прикрытием» — использовался и в деле следования религиозным убеждениям (в этом случае переописание было осуществлено при помощи обвинения в антисоветской деятельности). В деле «подпольников» следователь использует оборот «под видом отправления религиозно-мистических обрядов», который выводит действия обвиняемых из-под защиты «свободы религий»:

«Под видом отправления религиозно-мистических обрядов, пребывая в постоянном странствовании и пропаганде слова божия, секта подпольников, объединяя главным образом зажиточную часть крестьянства кулаков, б(ывших). торговцев и темных преступных личностей, скрывающихся в подполье от Советской власти, в своем политическом существе, направлены против органов Соввласти и партии на местах...» (с. 3).

Во-вторых, следователи хорошо знают, что суд будет оценивать только те доказательства, которые представлены в уголовном деле. Эта своеобразная «золотая клетка доказательств» позволяет судье учесть только ту информацию, что зафиксирована в уголовном деле. Именно поэтому следователь нацелен на формирование непротиворечивой, стройной картины «преступления». Информация в обвинительном заключении должна отвечать на все формально важные вопросы: какие действия были совершены, как четко они соответствуют определенной статье УК РФ? Информация формируется на основании текстов протоколов или иных документов — никаких других данных (кроме перечня вещественных доказательств) быть не может.

¹ Здесь и далее ссылки на страницы соответствующих обвинительных заключений.

Формируя «клетку» доказательств, следователь сплетает вместе факты, которые точно имели место, со своими интерпретациями и переказами информации от свидетелей, которые зафиксированы в протоколе допроса. Важно, что называются факты и цитаты, которые действительно имели место, собранные вместе, они должны создавать непротиворечивую картину. Такой-то выступает против отдельных мероприятий советской власти, *так, например...* Далее приводится какой-нибудь неопровержимый факт. В деле «подпольников» таким был, например, факт «выступал против участия (крестьян) в займе». Факт может быть единичным, но он должен быть правдивым. При этом факту сразу присваивается оценка — умысел противостоять власти («таким образом...»). В деле Навального такими фактами выступали: должность советника губернатора, знание о деятельности ВЛК, знакомство с директором ООО «ВЛК», т. е. сведения, отрицать которые бессмысленно. Правдивость отдельных фактов «придает вес» остальным утверждениям.

В-третьих, этим «остальным утверждениям» следователь приписывает «преступный» смысл. Для этого используется оборот «таким образом» или «тем самым». В деле «подпольников», например, можно увидеть как «организация быта» становится преступлением. В обвинительном заключении описывается, что основная тяжесть работ падает на молодых девушек, далее дается трактовка, что организацией быта секта идет «против задач партии». Цитаты, высказывания членов секты трактуются в том же ключе: «призывал отказаться от займа, *таким образом*, выступал против...».

Отметим, что внутри профессии существует требование правильно описывать и фиксировать в протоколах следственных действий «взаимосвязь между элементами преступной деятельности», «систему взаимодействия участников преступления с материальной средой». Так, О. Малютина¹ приводит пример «описания нацеленных на результат действий субъекта преступления»: «на совместных встречах Т., преследуя совместно с В. и другими неустановленными участниками организованной группы цель контрабанды и сбыта наркотических средств, договорился с К. С.».

Именно так факт того, что «Опалев (директор “Кировлес”) с помощью Навального и Офицерова заключил договоры с их фирмой на поставку леса по (возможно) не самой выгодной цене на 15 миллионов рублей и исполнил его», превращается в итоговое обвинение: «Таким образом, Опалев, действуя совместно с Навальным, организовавшим и руководившим совершением преступления, и Офицеро-

¹ См.: Малютина О. Указ. соч. С. 103—104.

вым, с использованием своего служебного положения генерального директора «Кировлеса», из корыстных побуждений, противоправно растратил находящееся в его ведении чужое имущество в виде лесопродукции (...) на сумму 16 165 826, 65 руб...» (с. 8.).

В-четвертых, есть отдельное умение — правильное описание действий соучастников и формирование доказательств совершения преступления группой лиц (это не всегда одно и то же)¹. Для наших примеров характерно то, что следователям было необходимо формировать совместность действий лиц. В большинстве случаев практика предписывает квалифицировать как групповые все возможные преступления, поскольку они являются более тяжкими. Приемы «формирования группы» имеют свою специфику.

Первое упоминание о групповом характере действий «подпольников» мы встречаем в заключении следователя, в котором он испрашивает у двух начальников ОГПУ и прокурора согласия на проведение операции: массовых допросов и обысков. Ему нужно обосновать необходимость такой операции уже имеющимися данными и показать, что речь идет (в данном конкретном случае) о преступной группе. Так появляется термин «секта», подразумевающий, что несколько человек занимаются противодействием советскому строю. Подтверждая наличие группы, следователь описывает роли каждого, объясняет, что именно придает действиям каждой групповой характер. Для этого роль каждого должна совпадать с его фактическими действиями. Например, кто-то передавал письма, т. е. «содействовал в переписке», кто-то помогал с билетами на поезда, т. е. «содействовал перемещению участников группы». Важно, что фактически такие действия совершались. Это придает правдивость и остальным утверждениям. Например, «осознавая преступность действий» (такого в этом документе нет, но к обвинительному заключению появится), «так называемой секте “подпольников”, не признающих гражданской власти, (они) законспирированы (не пользуются обычными именами. — *К. Т., М. Ш.*), последователь секты... предоставлял жилье, чем способствовал антисоветской деятельности».

¹ Так, в период обучения одного из авторов настоящей книги на юридическом факультете господствовала точка зрения, что, если преступление было совершено исполнителем, пособником и организатором (т. е., когда три человека распределили роли в преступлении), нужно квалифицировать их как группу лиц по предварительному сговору. К середине 2000-х гг. Верховный Суд РФ занял позицию, что группа — это два и более человека, непосредственно участвующие в выполнении «объективной стороны преступления» (например, двое непосредственно похищали имущество, а один организовывал; тогда два человека составят группу лиц, а организатор будет выступать организатором группового преступления). С этой точки зрения в первом примере следует говорить не о группе лиц, а о трех соучастниках преступления.

В случае с Навальным следователь также сосредоточен на описании ролей соучастников. Выше мы приводили цитату, где исполнителем преступления (тем, кто непосредственно растратил имущество) выступал Опалев. Существом его действий было заключение и подписание договоров, организация поставок (т. е. его реальная деятельность), которая затем была дополнена «преступным описанием». Роль, предписанная Навальному, — роль организатора растраты, это предопределило фокус описания: его должностной статус, подразумевающий возможность влияния на других людей, некоторые фактические действия — проведение совещаний, переговоры о количестве поставленной лесопродукции с главой фирмы. Иными словами, описав роль Навального как организатора сделок между «Кировлесом» и ВЛК, следователь одновременно добавляет «преступность» этим действиям и ставит фигуру Навального на правильное место в формальной конструкции преступления.

Функции языковых навыков. Мыслить юридически: языковые навыки и ускорение работы

Итак, несмотря на то, что хороший следователь должен уметь подшивать дела и оформлять документы так, чтобы они были приняты конкретным прокурором, не это является ядром его профессиональных навыков. Им не является и навык квалификации преступлений. Ключевое умение, по которому опознается профессионал, — это способность сходу встроить любую реплику в текст протокола и при этом сделать это так, чтобы протокол превратился в связное обвинительное заключение для шаблонного преступления. Ну и, конечно, сам навык собирания отдельных фрагментов реальности в единую картину преступления — «золотую клетку» доказательств — за счет переименовывания объектов реальности, приписывания смыслов и мотивов тем, кто действовал в ходе совершения «преступления». Почему в России возникла именно такая модель и как она меняет систему уголовного преследования?

Традиционно¹, когда говорят о юридической профессии, то выделяют два основных подхода: функционалистский, наследующий Э. Дюркгейму, и неовеберовский. В первом случае мы рассматриваем юридическую профессию как один из важнейших элементов разделения труда, а профессиональный язык — как профессиональный инструмент, который позволяет тем или иным способом более эф-

¹ См.: *Abel R. American Lawyers. Oxford University Press, 1989. Ch. 2; Sutton J. Law/Society. Origins, Interactions, and Change. Sage, 2001. P. 224–230.*

эффективно выполнять свою работу. Языковые навыки в этой логике должны работать на достижение этой же цели. Второе направление опирается на тезис М. Вебера о том, что юристы не обслуживают право, но, по сути, создают его и монополизируют эту сферу. В более поздних, критически ориентированных работах, написанных в рамках этой парадигмы¹, профессиональный язык становится не только инструментом повышения эффективности собственной работы, но и начинает выполнять целый ряд других важных социальных функций в профессиональном сообществе. Так, будучи инструментом профессиональной социализации, он служит выстраиванию границ сообщества, ограждая его от непрофессионалов. Создавая дополнительный контур контроля при вхождении в профессию и передавая значительную часть скрытого профессионального знания, он задает определенные фреймы коммуникации, позволяя выстроить границы между разными отраслями в праве, и т. д.

В каком-то смысле российский следователь воплощает высшую форму юридической профессии. Изначально (речь идет о Великобритании) основной смысл существования в системе правосудия профессиональных юристов состоял в том, что они формулировали для участника процесса «историю» и рассказывали ее². Они укладывали разрозненный набор фактов в некоторый (часто письменный) нарратив, обосновывающий необходимость принятия того или иного решения. Как возникли права, как, когда и кем они были нарушены, какой ущерб понесла сторона и какие меры необходимо принять для его возмещения — последовательный и относительно неэмоциональный рассказ об этом до сих пор не под силу многим участникам гражданского судопроизводства. В ситуации, когда судья выступает чистым арбитром, как это свойственно странам общего права, т. е. когда его права на задавание вопросов, уточнения и т. д. сильно ограничены и он должен лишь выслушивать стороны, неумение связно представить свою позицию становится залогом проигрыша. Юристы решали именно эту проблему. По мере развития гражданского судопроизводства на континенте и привнесения в чисто инквизиционную модель уголовного суда (когда судья и следователь — одно лицо) элементов состязательности (разделение ролей обвинителя и судьи) задачи выстраивания связной истории встали и перед юристами континента, в том числе теми, кто занимался работой по уголовным делам. Умение рассказать связную историю, из которой понятно, кто что сделал и зачем он предпринял те или иные действия, оказалось осно-

¹ См.: *Abbot A.* Op. cit.; *Freidson E.* Op. cit.

² См.: *Vago S.* Law and Society. 10th ed. Prentice Hall, 2012. P. 347; *Tiersma P.* Op. cit.

вой работы юриста как в уголовном, так и в гражданском процессе во всей Европе.

Именно поэтому описанный выше ключевой навык следователя — собирание и увязывание вместе фактов, их интерпретация таким образом, чтобы получилась некая непротиворечивая история, — это чистой воды артефакт функции юридической профессии как таковой. Со временем в каждой стране сложился свой канон того, как должна рассказываться эта «история» в уголовном судопроизводстве. Там, где в отправление правосудия участвует большое количество «простых людей» (в виде присяжных заседателей или в иных формах, распространенных, например, в Скандинавии или Германии), история оказалась ближе к «здоровому смыслу», торжества специального языка не произошло. Там, где судопроизводство практически полностью исключает всех непрофессионалов, язык становился более «специальным» и эзотеричным. Россия пошла по второму пути.

Есть, правда, одна оговорка. Язык права и должен быть эзотеричным. Это позволяет ему сохранять свою автономию. А автономия права жестко необходима для того, чтобы право не утратило свой смысл. С точки зрения Никласа Лумана¹, аутопоэтичность права, т. е. полная нечувствительность к внеправовым аргументам и источникам вдохновения, — залог его возникновения и развития. Право должно быть исключено из всех логик, где кто-то кроме юристов (условных его «хранителей») обладает некоторым преимуществом. Отдельность и особость правового поля в целом и правового языка в частности обеспечивает изначально условное равенство богача и бедняка, сеньора и вассала, монастыря и деревни. Однако в наблюдаемой ситуации эзотеричный (понятный лишь профессионалам) язык приобретает и еще одну важную функцию.

В чем же смысл такой изоляции, встраивания каждого суждения в жесткие рамки юридической лексики и строго заданных шаблонов документов, отход от которых воспринимается как посягательство на саму суть правосудия? Основная функция — это ускорение работы, упрощение моделей проверки. Когда юрист относительно «нижнего» уровня (следователь) работает в жестких рамках, заранее известно, какие факты он должен увидеть и как их зафиксировать (причем сами формы фиксации — протоколы, экспертизы и т. д. — закреплены очень жестко), работа вышестоящих юристов (сначала руководитель следователя, потом прокурор, а потом и судья) относительно проста. Если юрисдикция закрыта от вариативности², если все (хотя бы в пре-

¹ См.: *Luhmann N.* Law as a Social System. Oxford University Press, 2008.

² См.: *Abel R.* Op. cit. P. 20—24.

делах одного района) делают в шаблонных случаях строго одни и те же действия, то контроль качества работы основной массы следователей и контроль качества основной массы дел сильно упрощается. Взяли конкретный документ (скажем, протокол), сравнили с шаблоном, убедились, что по трем (четырем, десяти) контрольным точкам есть совпадения со стандартом, одобрили (вариант: нашли несоответствие — вернули на доработку). С середины XIX в. судебные и следственные органы работают в режиме постоянной перегрузки. Такая типизация позволяет ускорить разрешение типовых и шаблонных кейсов и избавить судью (надзирающего прокурора, начальника следственного органа) от необходимости каждый раз разбираться в том, что же и как изложил очередной (излишне творчески подходящий к своей работе) следователь. Не возникает необходимости каждый раз подстраиваться под новый язык. Действия игроков уже переписаны в единой и привычной манере специальным нарратором — следователем.

Итак, если мы попробуем посмотреть на язык протокола — особый следственный язык — с точки зрения функционалистского подхода, что мы увидим? Навыки, которые выше назывались техническими и техническими языковыми, служат одной цели: они упрощают для всех участников уголовного судопроизводства (в том числе для адвоката) работу в конвейерном режиме по шаблонным делам. Благодаря их наличию специалист сразу знает, где искать возможную ошибку, как устанавливать несоответствия шаблону. Это позволяет избавиться от детального вникания в каждый документ, дает возможность сразу увидеть, что и как сделано не так. Разобранные выше примеры — практика шивания дела в определенной последовательности и записи показаний свидетелей, потерпевших и всех прочих строго шаблонными фразами также упрощают работу с документами всем последующим читателям-профессионалам. Больше всего это похоже на книгу, в которой все диалоги переданы косвенной речью. Глаз не скачет, не замечает особенностей речи каждого героя: «Он пошел, она сказала...». Этой же цели служат и «содержательные языковые навыки» — ситуация должна быть разложена на набор ключевых элементов, которые впоследствии должны быть увязаны между собой.

Именно поэтому в приведенных выше примерах мы не наблюдаем существенного отличия между документами 1920-х и 2010-х гг. Функциональные требования к языку остались теми же, формы оптимизации работы на уровне района/города сформировались довольно давно. Их эволюция оказалась чисто косметической. Ключевые особенности русского юридического языка в уголовном процессе связаны с

тем, что он опирается, как и большинство юрисдикций¹, на поток шаблонных дел, которые нужно рассмотреть в предельно сжатые сроки в рамках относительно стабильной рабочей группы — коллектива следователей, прокуроров, адвокатов и судей, работающих в одном районе².

В этом плане (и это хорошо видно на примере с квалифицированным обвиняемым в 1920-х гг.) выход за пределы шаблона и конвейера сразу мобилизует принципиально иные техники³, которые, возможно, также являются частью юридического ремесла, но предельно далеки от той рутины, которая определяет повседневную жизнь юриста-следователя. Такая модель закрепляет в российской практике стремление следователя работать с типовыми, шаблонными делами, фокусироваться на том, чтобы «попасть в шаблон». Отношение к кейсам как к типовой рутине сильно снижает вероятность «сбоев на стыках»⁴, так как одновременно задает всем последующим «проверяющим» четкий алгоритм контрольных действий и увязывает выход за пределы этого алгоритма с запретительными издержками.

* * *

С неовеберианской интерпретацией следственного языка все несколько проще. Каждая юрисдикция обладает стремлением закрыть от новичков и сохранить свою монополию⁵. В ситуации, когда типовая работа весьма рутинна и сложные когнитивные задачи редко встают перед следователем, а если и встают, то разрешаются консилиумом, в который нередко входят судьи (т. е. финальные контролеры «качества работы» следователя), возникает необходимость дополнительного закрытия — навык «правильного» письма, эзотерическая лексика и очень жесткие правила оформления текстов отлично выполняют эту функцию. Социализация особого рода, предельно далекая от формальной⁶, в которой «учиться приходится всему», порождает жесткие дисциплинарные границы. Даже самый квалифицированный преподаватель уголовного права или процесса, никогда не работавший «на земле», не сможет быстро освоить все необходимые

¹ См.: *Solan L., Tiersma P.* Speaking of Crime: The Language of Criminal Justice. University of Chicago Press, 2010.

² См.: *Eisenstein J., Jacob H.* Op. cit. Обзор по-русски см.: *Mouceeva E.* Микрополитика суда.

³ См.: *Solan L., Tiersma P.* Op. cit.

⁴ См.: *Панеях Э.* Трансакционные эффекты плотного регулирования на стыках организаций. На примере российской правоохранительной системы // Полития. 2013. № 2. С. 38—59.

⁵ См.: *Abel R.* Op. cit. P. 20—24.

⁶ См.: *Vago S.* Op. cit. P. 390.

навыки, что создает дополнительный инструмент монополизации сферы деятельности. Нельзя уволить всех следователей, набрать по конкурсу юристов и заставить их работать «в следствии». Система, существующая сейчас, рухнет, если только под давлением прокуроров, адвокатов и судей новые следователи не будут принуждены достать образцы документов предшественников и начать стремительно подстраиваться под них.

Также такое «дополнительное образование» проводит жесткую границу между двумя стадиями социализации. Социализация в юридической субкультуре (в нашем случае — уже в следственной) является важнейшим этапом профессионального становления юриста¹. Выпускник, который осваивает профессию «с нуля» и «руками», оказывается полезнее с точки зрения поддержания профессиональной монополии потому, что таким образом разрушается внешняя система референций. Конечный толкователь закона — суд, а практику суда «старшие коллеги» знают лучше. Апелляции же к тому, чему учили в университете, неприемлемы в этой системе, ведь учиться надо «все-му», игнорируя прошлый опыт.

Наконец еще один важный механизм — это формирование горизонтальных сетей между субпрофессиями. Адвокат или прокурор со следственным опытом обладает несравнимо более высокой квалификацией с точки зрения этой субпрофессии — он владеет намного большим количеством специальных навыков, которые позволяют ему квалифицированнее надзирать над следствием или бороться со стороной обвинения — прокурором в суде и следователем на досудебной стадии.

Заключение: перспективы следователя и следствия

Следователь — профессия, которая будет существовать в любом современном обществе. Кто-то должен доказывать суду, что преступление имело место и что оно совершено неким конкретным человеком. В отличие от домодерновых обществ, где эту работу делал либо потерпевший, либо сам судья, в современных обществах эта работа всегда делегирована профессионалам. Где-то она разделена между детективом полиции и помощником прокурора, где-то ее ведут дознаватели полиции под руководством прокурора же, где-то она практически полностью отдана в руки полиции.

Требования к тем материалам, которые собираются в ходе такой работы и должны передаваться в суд, тоже варьируются. В некоторых странах это будет небольшой пакет документов, а вся основная работа будет вестись непосредственно в ходе судебного заседания, где-то, как в России, это будет довольно большая кипа бумаг. Но сама необходимость следственной работы остается неизменной.

Отдельная фигура, которая сосредоточена именно на досудебном доказывании вины, но при этом освобождена и от оперативных, и от судебных функций, уникальна и характерна только для некоторых постсоциалистических стран. Кроме того, российская ситуация предварительного расследования, как показывает статистика, во многом парадоксальна сама по себе. Любая правоохранительная машина устроена как система фильтров. Эти фильтры сначала отсеивают те сообщения, которые вообще не о преступлениях, потом те сообщения, в которых не удалось найти преступника (до этого момента в России все более или менее хорошо), потом те, в которых стороны примирились, или наказание не нужно, или же может быть наложено силами прокуратуры. То, что осталось, уходит в суд. В Германии, например, более половины расследований разрешается на досудебной стадии силами прокуратуры (сама полиция не имеет права принимать такие решения), и это уже те дела, где есть потенциальный подозреваемый¹.

¹ В среднем по Германии 13% расследований направляется в суд с обвинением (в обычном порядке или по особым процедурам, но подразумевающим проведение судебного разбирательства), 13% дел уходит в суд с запросом на вынесение приказа о наказании (Strafbefehl), 11% передается в другие (административные) органы или возвращается заявителям с разъяснением права на обращение в порядке частного обвинения, 31% прекращается исходя из принципа целесообразности, 32% — из-за недостатка доказательств в отношении подозреваемого. См.: Statistisches Bundesamt, Justiz auf einen Blick, 2015. S. 12–13.

¹ См.: *Koo G. New Skills, New Learning: Legal Education & the Promise of Technology.* Berkman Center for Internet & Society, Harvard Law School, 2007.

Похожая ситуация в США, Канаде, Франции¹. В России же досудебные органы (следствие и прокуратура) практически не имеют возможности поступить с делом, в котором появился подозреваемый, как-нибудь иначе, кроме как направить его в суд или вернуть на шаг назад по цепочке правоохранителей — от суда к прокурору, от прокурора к следователю. Прекращение дел «с лицами» — редкое явление, которое чаще всего связано с отсутствием судебной перспективы — ограничения на возможность простого прекращения за нехваткой доказательств приводят к необходимости поиска другого варианта, чаще всего договоренности потерпевшего и обвиняемого о примирении. То есть в России система фильтров не работает — количество направленных в суд дел (закончившихся там обвинительным приговором) в идеале должно быть равно количеству лиц, в отношении которых возбуждено уголовное дело.

Какие последствия имеет именно такой организационный и структурный дизайн повседневности следователя? Чем для общества в целом и для правоохранительной системы в частности чревато то, что жизнь следователя устроена так, а не иначе? Что происходит, когда вместо системы фильтров мы получаем трубу без каких-либо фильтров, которая должна работать в логике «сколько влилось, столько и вылилось», и ответвлений не предусмотрено? Следователь оказывается не тем, кто принимает решение, а тем, кто вынужден в любом случае довести дело до конца. Если уж дело «с лицом» появилось в его производстве, оно обязательно должно «вылиться с другого конца трубы» — уйти в суд. И больше того — не оставлять шансов суду принять иное решение, кроме как согласиться с фактом преступления.

Важнейший эффект такой модели — это умаление функций суда. Судья получает готовое дело, в котором подробно описана ситуация. В сущности, ему остается только назначить наказание. Как показано в четвертой главе, основная задача следователя — собрать гладкий обвинительный нарратив. Именно этот нарратив — первое, с чем знакомится судья, все аргументы стороны защиты он услышит позже. При этом дело, предоставленное судье следователем, — это не просто пакет документов. Это пакет документов, которые складываются в связную историю с непротиворечивым, внутренне логичным сюжетом. Документы изначально создаются так, чтобы потом их можно было увязать в единый рассказ о том, как, кем и почему было совершено преступление. Судьи в своих интервью² нередко говорят, что малое

¹ См.: *Solomon P. Accusatorial Bias in Russian Criminal Justice // Sociology of Justice in Russia. Oxford University Press, 2016.*

² Подробнее см.: *Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. Указ. соч.*

количество оправдательных приговоров объясняется именно наличием досудебной стадии, в которой «уже во всем разобрались и всех виновных отпустили». Однако мы знаем, что это не так: после предъявления обвинения следователи практически никогда не реабилитируют подозреваемых (реже, чем в 0,5% случаев). По сути, следователь оказывается судьей — его решение о признании кого-либо обвиняемым практически равно обвинительному приговору. Оно означает, что человек будет признан виновным в преступлении. Судьи, работающие в постоянном цейтноте и с огромными перегрузками, как правило, соглашаются с выводами следователей.

Сходства между судебной и следственной властью постоянно увеличиваются. Пол Ди Маджио и Уолтер Пауэлл в классической статье показали¹, что в одном и том же организационном поле (система уголовного преследования) изоморфизм (сходство во всех смыслах — в способах организации работы, оценках, отношении к труду и т. д.) разных бюрократических организаций будет усиливаться при наличии ряда признаков. Чем похожи суд и следствие с точки зрения их теории?

- Похожие потоки входящих материалов (уголовное дело и результат проверки), по которым нужно принять решение.
- Плотная связанность (следователи ходят к судьям за советом).
- Похожие механизмы рекрутинга и возможность взаимного перетекания персонала. И там, и там требуется высшее юридическое образование, теоретически (хотя на практике это происходит не так часто) вполне возможен переход следователя на позицию судьи.

Все это способствует возникновению очень близкого родства между судом и следствием.

Однако эта «судебная» функция на уровне следствия на практике тоже работает весьма условно. Следователь ориентирован на бюрократическую рутину и разделяет ведомственный интерес и принципы работы. Самого подозреваемого он видит, как правило, два раза за все время расследования. Все остальное время следователь проводит, работая с бумагами или с коллегами из смежных служб (относительно редко — со свидетелями). При этом следователь находится под давлением вполне логичных для представителя обвинительной власти² об-

¹ См.: *Ди Маджио П. Д., Пауэлл У. В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 34—56.*

² Отнесение следователя к стороне обвинения, существующее в современном УПК, на наш взгляд, соответствует действительности, хотя и вызывает большие споры. Дискуссию см.: *Берова Д. М. К вопросу о процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2009. № 3. С. 207—210.* См. также любую дискуссию по поводу категории «объективная истина» в российском уголовном процессе.

стоятельств. У него есть отчетность, которая требует от него передать в суд как можно больше дел. В результате, если ситуация сложная и у него есть возможность сосредоточиться на сборе обвинительных доказательств, он, конечно, это сделает. То есть у нашего псевдосудьи одна ключевая мотивация — добиться осуждения человека, с делом которого он начал работать.

Однако этот же формат работы следователя смягчает ситуацию. Если бы не было ограничений для работы конвейера, в котором дела от следователя (которому нужно выдавать на-гора поток) попадают в суд (который считает, что следователь уже во всем разобрался), то осуждены бы были 99% взрослого населения страны. Что ограничивает работу конвейера и мешает этому? Те же самые институциональные и организационные особенности работы следователя, которые действуют как сдерживающий механизм.

Следователь постоянно перегружен. Для оформления каждого своего шага он должен создать весьма значительное количество бумаг. Чем больше шагов он предпринимает, тем большее количество бумаг он должен произвести. В результате следователь тяготеет к относительно простым и компактным делам, в которых «все понятно с самого начала». У следователя просто нет времени и сил гоняться за дополнительными, неочевидными подозреваемыми. Это, конечно, не отменяет того факта, что если человек оказался подозреваемым, то вся машинерия будет стимулировать всех участников работать на то, чтобы не допустить изменения его статуса вне зависимости от того, насколько он виновен¹. Однако реальные, практические добродетели следователя (достижение хороших показателей работы) способствуют сдерживанию правоохранительной машины по крайней мере не меньше, чем формальные ценности — присяга и цели следствия, описанные в УПК.

Но устройство следствия влияет не только на работу уголовно-правовой механики. Как и во всем мире, те, кто готовит доказательства непосредственно для передачи в суд², являются частью юридической профессии. Какова роль следователей внутри юридической профессии? Казалось бы, это достаточно многочисленная, относительно уважаемая, имеющая терпимую репутацию в общественном мнении профессиональная группа. Например, в одном из учебников весь навык юридической квалификации, да и любая работа юриста,

¹ См.: Шклярук М. Возможен ли сейчас 1937 год? // Отечественные записки. 2013. № 2 (53).

² В отличие, например, от американской системы в России прокурор не может никак трансформировать поступившее к нему уголовное дело. Он может лишь дать следователю указание совершить то или иное действие.

Таблица 45

Оценка следователями частоты различных траекторий карьеры коллег после увольнения из следственных органов, %

Место последующей работы	Очень часто	Часто	Редко	Очень редко	Всего опрошенных
Другие правоохранительные органы, включая МВД	10,8	32,4	38,1	18,7	657
Суды	61,2	33,5	4,2	1,1	624
Госслужба	28,6	44,0	23,1	4,3	623
Бизнес	32,1	38,1	25,2	4,5	616
Адвокатура	16,7	28,3	40,9	14,0	635

объявляется формами криминалистического анализа, т. е. частью следственной работы¹. Понятно, что это риторическое преувеличение, но в ситуации, когда российское (постсоветское) право в значительной мере тяготеет именно к уголовному (поскольку оно оказывается источником образцов для других отраслей права), — очень характерное.

Как видно из описания, у следователей нет времени и возможности активно участвовать в какой-либо жизни за пределами собственного следственного отдела и семьи. Но может быть, следствие — это важный опыт? Может быть, следствие — это кузница кадров для других отраслей? Видимо, нет. Когда мы просили следователей оценить уровень ротации кадров в их подразделении, то увидели, что ротация находится в пределах 10% в год, т. е. на уровне, соответствующем естественной смене по возрасту. В большинстве своем следователи остаются внутри системы до пенсии. Когда мы попросили следователей оценить, куда чаще всего уходят их коллеги, то увидели, что лидером является судебная система (табл. 45). Это подтверждают и исследования судей²: более 20% ныне действующих судей имеют опыт работы в следственных органах.

Более того, говоря о самих себе, а не о своих коллегах, следователи никак не демонстрировали стремления покинуть следственные органы (табл. 46). Обратим внимание, что из предложенных вариантов следователи ни одного не обозначали как «очень привлекательный» более чем в четверти случаев (лидирует позиция «достичь руководящей должности в системе МВД» — 27%).

¹ См.: Шапошников А. Ю. Указ. соч.

² См.: Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. Указ. соч.

Таблица 46

Возможные перспективы карьерного роста следователей по уровню желательности, %

Возможная перспектива карьерного роста	Совсем непривлекательная	Скорее непривлекательная	Скорее привлекательная	Очень привлекательная	Всего опрошенных
Остаться в той же должности, но вырасти в звании	13,6	28,3	38,8	19,3	623
Достичь определенной должности, работая следователем (следователь по особо важным делам, следователь по области и т. д.)	5,9	18,8	50,4	25,0	613
Достичь руководящей должности в следственной структуре МВД	11,0	23,3	38,7	27,0	626
Стать судьей	26,6	24,8	24,1	24,6	606
Стать прокурором	32,9	29,4	22,5	15,1	595
Стать адвокатом	35,9	33,7	23,9	6,5	599
Стать юридическим консультантом в бизнесе	35,2	29,1	27,8	7,9	594
Перейти в другую структуру внутри МВД	29,3	30,4	28,0	12,3	601
Перейти в структуру СКР	27,6	28,6	31,8	12,0	598

В целом по привлекательности (разница между количеством отрицательных и положительных ответов) лидирует вариант «достичь определенной должности, работая следователем (следователь по особо важным делам, следователь по области и т. д.)». Три четверти следователей относятся к нему скорее положительно, и лишь четверть считают его непривлекательным. На втором месте «получение руководящей должности в системе МВД» — почти 65%¹ считают такой путь

¹ Сумма вариантов ответов «скорее привлекательная» и «очень привлекательная» (табл. 46).

скорее привлекательным, хотя 35% он кажется не очень интересным. Последний вариант, который желателен, — это вырасти в звании, оставаясь в той же должности (соотношение почти 60/40). Все остальные варианты кажутся следователям скорее непривлекательными. Нижняя часть рейтинга — это адвокатура и работа юридического консультанта в бизнесе.

Таким образом, сами следователи не стремятся к выходу за пределы сферы своей деятельности. Остальные области юридической карьеры их интересуют слабо. Несмотря на довольно сложные условия работы, «следователь — это навсегда». Следствие могло бы стать одним из стержней формирования юридической профессии как независимой корпорации в России, но слишком загружено, погружено в себя и связано с интересами ведомства, а не с интересами широких кругов юридической общественности.

Причина этого проста: работа, которой занят следователь, — это не юридическая работа. Тот факт, что высшее юридическое образование было для следователя лишь желательным вплоть до 2011 г., хорошо это подтверждает. Работа, которую делает следователь, — это работа бюрократическая и оформительская, любой тренированный сотрудник может справиться с ней. Более того, следователи часто говорили в интервью о том, что «всему пришлось учиться заново». Другими словами, полученное юридическое образование практически не становится важным ресурсом в социализации следователя. В сложных случаях, когда хорошая юридическая подготовка необходима для разрешения сложной правовой коллизии, всегда собирается рабочая группа, в которую входит представитель следственного руководства и представитель прокуратуры (некоторое участие возможно и со стороны суда). Такая ситуация вполне типична, со сбором и первичным оформлением доказательств в большинстве стран мира справляются люди, не имеющие юридической подготовки. Поэтому следователь и становится «профессией навсегда» — человек, накопивший должное количество навыков (технических и бюрократических), не хочет терять этот ресурс, он готов переходить на работу только в те места, где этот ресурс будет востребован.

Юридикализация всего следствия поголовно — это сложный и совершенно ненужный процесс возведения полицейской работы в ранг работы почти судебной. Технические, рутинные (но необходимые в любом обществе) операции возводятся в ранг «применения закона» специально уполномоченным и квалифицированным лицом. Эта

проблема хорошо видна и в чисто юридической дискуссии — догматически противопоставляются модели полицейского дознавателя (полиция) и следственного судьи (суд)¹. По итогам эмпирических исследований мы можем сказать: противопоставлять тут нечего — в России² благодаря эффектам институционального изоморфизма скорее следствие превратило суд в подобие полиции, чем суд вырос из следствия и преградил путь в виде квалифицированных следователей.

Приложение

Основные данные о работе следователей в России за 2014 г.
(уголовные дела)

Уголовные дела	Следствие МВД	СКР	Следствие ФСКН	Следствие ФСБ	Всего по России (следствие)
Находившиеся в производстве	1 610 820 (82,2%)	228 978 (11,7%)	115 903 (5,9%)	5088 (0,3%)	1 960 789
Остаток с прошлого года	185 325	27 451	14 808	809	228 393
Принятые к произ- водству	1 425 495	201 527	101 095	4279 ¹	1 732 396
Оконченные	349 750	116 401	25 106	1439	492 696
Направленные в суд с обвинительным за- ключением/актом либо с постановле- нием о принудитель- ном лечении	321 604 (71,7%)	101 381 (22,6%)	24 197 (5,4%)	1246 (0,3%)	448 428
Возвращенные про- курором в порядке ст. 221 УПК РФ	14 539	3570	957	37	19 103
Возвращенные судом в порядке ст. 237 УПК РФ	2839	1451	309	16	4615
Прекращенные (для следователей — с повторными)	26 498	14 999	908	191	42 596
Приостановленные	795 781	17 365	44 661	614	858 421
Иные решения (со- единенные, передан- ные по подследст- венности, оставшие- ся в производстве на конец года)	438 791	80 213	45 228	2844	567 076

¹ См.: Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова.

² При этом мы далеки от идеализации западных моделей уголовного судопроизводства — многократно описанные модели сотрудничества бюрократических структур суда, прокуратуры и полиции во всем мире оставляют очень немного шансов представителям малообеспеченных слоев, попавшим в жернова правоохранительной машины.

¹ См.: Шклярчук М. С. Траектория уголовного дела в статистике: на примере обобщенных данных правоохранительных органов.

Содержание

Предисловие	5
Введение	7
Для кого эта книга?	7
Что это за книга?	11
Какие данные лежат в основе книги?	16
Глава 1. Кто такой следователь? Парадокс профессии	24
Следователь в уголовном процессе — ключевой игрок или ключевое звено конвейера?	26
Когда следователь включается в работу по преступлению?	28
Следователь между судом и полицией — трансляция правоприменительной практики	32
Ключевое место следователя в уголовном процессе	34
Какие следователи бывают и почему в фокусе исследования следователь МВД?	36
СКР, МВД, ФСКН и ФСБ — различие компетенций	37
Численность и нагрузка: МВД как основной источник практики	39
Следователь: первые штрихи к портрету	40
Половозрастная структура	41
Семья и мобильность	43
Образование	45
Профессиональные ценности: раскрывать или расследовать, наказывать преступника или возмещать ущерб?	46
Раскрывать или расследовать? Бюрократы и детективы	47
Цели уголовного процесса: в чем смысл работы следователя?	54
Глава 2. Уголовное дело — главный «продукт» повседневной работы следователя: как и кем он производится	63
Уголовное дело: из чего оно состоит	64
Уголовное дело: как оно возникает	74
Уголовное дело и следственно-оперативная группа (СОГ)	74
Доследственная проверка и расследование: информация и доказательства	76

Раскрытые и нераскрытые преступления в уголовных делах: «перспективные» дела и «глухари»	79
Повседневная нагрузка	84
Рабочий коллектив	90
Как учатся быть следователем? Начальная социализация	96

Глава 3. Правоохранительная машинерия: организационный контекст работы следователя по уголовному делу	102
С кем контактируют следователи?	103
Место следователя в отделе полиции	112
Следователь и суд	120
Насколько следователь автономен в своих решениях?	125
Проблема «заказных» дел	130
Работа следователей через призму показателей	134
Оправдательный приговор — главный сбой системы	136
Сроки: борьба с «волокитей» и роль «верхних этажей» в контроле показателей	139
Направление дела в суд: раскрываемость, «перспектива», нагрузка	145
Качество работы: количественные показатели против контроля качества	147
Глава 4. Как следователю удастся делать то, что он делает? Профессиональный язык	151
Язык протокола — история и составные части	154
Язык протокола: какой он	161
Технические навыки: сформировать уголовное дело	161
Технические языковые навыки: записать показания	163
Навыки квалификации: что их замещает	167
Содержательные языковые навыки: следователь как драматург	171
Функции языковых навыков. Мыслить юридически: языковые навыки и ускорение работы	175
Заключение: перспективы следователя и следствия	181
Приложение: Основные данные о работе следователей в России за 2014 г. (уголовные дела)	189

Титаев Кирилл Дмитриевич, Шклярук Мария Сергеевна

**Российский следователь: призвание, профессия,
повседневность**

Монография

Издание не подлежит маркировке
в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1 ФЗ № 436-ФЗ

ООО «Юридическое издательство Норма»
101990, Москва, Колпачный пер., 9а
Тел./факс: (495) 621-62-95. E-mail: norma@norma-verlag.com
Internet: www.norma-verlag.com

Редактор *М. Л. Шацкая*
Корректор *Н. Н. Цыrkова*
Художник *С. С. Водчиц*
Верстка: *А. Ю. Виноградов*

Подписано в печать 29.06.16
Формат 60×90/16. Бумага офсетная
Гарнитура «Ньютон». Печать цифровая
Усл. печ. л. 12,00. Уч.-изд. л. 11,06
Тираж 400 экз. Заказ №

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

Отдел продаж «ИНФРА-М» (оптовая продажа)
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96. Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru

Отдел «Книга — почтой»
Тел.: (495) 280-15-96 (доб. 246)
